

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**СЛОВО
В ЗЕРКАЛЕ
ИСТОРИИ ЯЗЫКА**

**VI Абрамовские
научные чтения**

ВЫПУСК 4

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ
2022

УДК 81:82

ББК 81:83

С 48

Рецензенты

И. А. Герасименко, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
общего языкознания и славянских языков ГИИЯ (Горловка, ДНР)

О. О. Несмелова, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
зарубежной литературы КФУ (Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. А. КАЛИНИН, канд. филол. наук (главный редактор)
Л. М. БРАЖНИК, канд. филол. наук, доцент
О. П. ГЛУХОВА, канд. филол. наук, доцент
Р. А. ЗАКИРОВ, канд. филол. наук, доцент
Н. В. КАЛИНИНА, преп. подготовительного отделения
В. А. СОНЬКИН, преподаватель ИНПЕКО
А. М. ТАРАСОВ, канд. филол. наук, доцент

С 48

СЛОВО В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ЯЗЫКА: VI Абрамовские научные
чтения. Вып. 4 / под общ. ред. К. А. Калинина. – Набережные
Челны: НГПУ, 2022. – 136 с.

ISBN 978-5-98452-219-9

Очередной выпуск сборника статей подготовлен к началу работы VI Всероссийских научных чтений с международным участием «Слово в зеркале истории языка» (Абрамовские чтения) в Набережночелнинском государственном педагогическом университете 14 октября 2022 года. Организатором научных чтений является кафедра русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации ИДПО. Традиционные Абрамовские чтения проводятся в рамках реализации научного (исследовательского) проекта ИДПО «Теория и практика анализа древнерусского текста» (Приказ № 187-д от 06.04.2022). Материалы сборника входят в базу данных РИНЦ.

ISBN 978-5-98452-219-9

УДК 81:82

ББК 81:83

© Коллектив авторов, 2022

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2022

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

УДК 811.161.1

ПОВТОРЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ СУБЪЕКТИВНО- МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гибайдуллина Файруза Асгатовна

студентка филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 44», Набережные Челны, Россия
fayruzagibaydullina@gmail.com

Модальность – лингвистическая универсалия и одна из основных категорий русского языка. Большинство ученых, в числе которых ведущие лингвисты Ш. Балли и В. В. Виноградов, определяют модальность как категорию, выражающую отношение говорящего. [Колесникова, с 36].

Несмотря на то что в науке и по сей день нет единой точки зрения на проблему выделения субъективной и объективной модальности, многие учёные (Ш. Балли, В. Н. Бондаренко, В. В. Виноградов, В. В. Панфилов, Н. Ю. Шведова) считают правомерным разделение на субъективную и объективную модальность, указывая на двухчастное строение предложения. [Глухова, с. 8]

Субъективная модальность – тип модального значения, который определяет отношение говорящего к содержанию высказывания. С. М. Колесникова отмечает: «Субъективная природа исследуемой категории проявляется четко и последовательно: оценка ситуации говорящим, итог субъективного мнения, размышления, обозначение позиции субъекта речи в отношении описываемого» [Колесникова, с. 39]. Субъективная модальность как один из видов категории функциональной грамматики отличается богатством средств и способов её выражения. Интересным в данном отношении является повтор. Данное средство передачи субъективной модальности выполняет ряд задач в художественном тексте. Они, с одной стороны, участвуют в формально-композиционной организации

текста, выступая как средство синтаксического распространения [Иванчикова, с. 23], а другой – позволяют «выявить существенные аспекты идейного и художественного содержания».

Повторы выражаются с помощью лексических и грамматических средств. Лексические повторы, по мнению И. П. Ерёмкина, «сообщают речи движение, управляет сменой её тональности, сообщает ей напряжённость, страстность, убедительность» [Ерёмкин, с. 159]. Поэтому мы можем говорить о том, что лексический повтор является универсальным приёмом организации текста. Многоаспектность повторов рассмотрена нами на примере памятников древнерусской литературы «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», «Слово о полку Игореве», «Повесть о Горе-Злочастии».

Рассмотрим функционирование повторов в «Повести о разорении Рязани Батыем». Интересное по своему семантическому наполнению субъективно-модальное значение создается повтором в следующем примере: *«И услыша великий князь Юрьи Ингоревичь резанский приходъ безбожнаго царя Батыя. И вскорь посла во градъ Владимирь къ благовѣрному князю Георгию Всеволодовичю владимерскому, прося помощи на безбожнаго царя Батыя»* [Прокофьев, с. 110]. В приведенном отрывке повторяется не просто одно слово, а целая синтаксическая конструкция *«безбожнаго царя Батыя»*. «Безбожный» – один из немногих эпитетов, употребляемых для характеристики образа. Автор использует прилагательные «нечистивый» и «окаянный», но только указанное слово повторяется многократно. Автору важно указать на принадлежность врага к иной вере, объяснить этим его захватнические действия на территории Руси.

В противопоставлении к вышеупомянутому автор употребляет лексический повтор слова «благовѣрный» в следующем фрагменте: *«И ускори къ благоверной княгине Еупаркии, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби благовернаго князя Федора Юрьевича. Благоверная княгиня Еупарсия стояше въ превысокомъ храмъ своемъ <...> абие ринуся изъ превысокаго храма своего»* [Прокофьев, с. 111]. Слово употребляется в значении «благочестивый» и является постоянным эпитетом, употребляемым в отношении государей православного вероисповедования. Если в «Задонщине» автор создавал

общетекстовую антитезу, сравнивая мощь и военный потенциал сторон, то в «Повести о разорении Рязани Батыем» автор создает следующее противопоставление – «христианство-язычество».

Во фрагменте: *«О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною»* [Прокофьев, с. 115] представлена анафора. Князь в «Повести о разорении Рязани Батыем» обращается к силам природы. Образ страдающей Родины вызывает у читателей душевную боль, сопереживание большим потерям, кровопролитиям и бесчинству захватчиков на территории христианской Руси. Образ земли, употреблённый в повторе, становится ключевым при выражении авторской идеи. Рассказчик желает прекращения жестоких войн за право владения землями.

В «Слове о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» лексический повтор представлен в следующем отрывке: *«Осподарь всей земли Руськой былъ еси, нынѣ же мертвъ лежиши ни къмъ же не владѣеши; многыя страны примирилъ еси и многыя победы показалъ еси»* [Прокофьев, с. 152]. Автор жития рассказывает о жизни, подвигах и заслугах Дмитрия Донского. Особенно рассказчик отмечает могущество князя, проводившего политику объединения земель славянских народов. Лексический повтор слова *многыя* лишь подчёркивает достижения князя, усиливая семантику рядом стоящих слов, передает чувство гордости автора.

В этом же произведении повтор прослеживается в следующем предложении: *«Старыя вдовы потъшите мене, а младыя вдовы со мною поплачите: вдовиа бо бѣда горчае всѣх люди»* [Прокофьев, с. 153]. В представленном отрывке автор в обращении княгини трижды использует слово *вдовы*, что помогает в передаче субъективной модальности. Повтор указанного слова эмоционально наполнен и передает чувства не только одного человека, но и всех русских женщин, потерявших родных людей на поле битвы. В произведениях древнерусской литературы нередко чувства всего русского народа передаются через обращения или плачи женщин. Указанное житие не является исключением.

«Слово о полку Игореве» – ярчайший памятник древнерусской литературы, который является примером богатого использования повторов как лексических, так и грамматических.

Повторы употребляются автором для сравнения людей с силами природы, для усиления поэтической выразительности. Помимо прочего, этот прием создает ритм прозаического текста, актуализирует значение слов и акцентирует внимание на значимой части.

«Немизъ кровави брезъ не бологомъ бяхуть посьяни, посьяни костьми рускихъ синовъ» [Прокофьев, с. 77] – фрагмент, являющийся примером употребления в тексте анадиплосиса с целью акцентирования внимания на слове и его лексическом значении. Автор использует контактный повтор слова *посьяни*, чтобы показать, какие беды принес поход Игоря и его желание найти славу в возможных победах над вражеским войском. Рассказчик хочет отметить, как много людей осталось на поле битвы с половцами. *«Не добро засеяно на берегах реки, а кости русских бойцов»* – с горечью восклицает автор.

Грамматический повтор также является многократно употребляемым средством, участвующим в передаче субъективной модальности. Грамматические повторы представлены и в «Слове о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» во фрагменте: *«Яко труба, рать повѣдаючи, яко ластовица, рано шепчуци, и арганъ сладковѣщающий, глаголаше»* [Прокофьев, с. 152]. Указанный пример в произведении дан в сочетании с лексическим повтором, проанализированным выше. С помощью грамматической анафоры с повторяющимся союзом *яко* (рус. *как, словно*) автор сравнивает княгиню с ласточкой и трубой, взывающей к бою. Указанным сравнением автор передает силу её душевного страдания, боль от утраты дорогого человека.

Интересным по выполняемым функциям является грамматический повор целой синтаксической конструкции: *«О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!»* [Прокофьев, с. 76-77]. Данный повтор употребляется в разных частях художественного текста, объединяя его и композиционно структурируя. Однако представленное средство является важным и в передаче субъективной модальности. *«О Русская земля! Уже ты за холмом!»* – при прочтении предложения создается ощущение, что рассказчик принимал участие в походе Игоря Святославовича с Всеволодом против половцев. Риторическое восклицание усиливает чувство напряжения. С помощью повтора автор осуждает необдуманные

действия молодого князя, не разделяет его решения о военном походе. Говоря: «Уже за шеломянемъ еси» – рассказчик выражает не только свои переживания, но и боль народа. Автор понимает, что поход для многих окажется последним, часть войск не вернется на Родину. Дважды восклицая «О Руская земле!», повествователь говорит не только о Новгород-Северском княжестве, а понимает под этим всю территорию Древней Руси. Подобным приемом автор выражает свою надежду на объединение земли славянских народов.

Контактная грамматическая анафора представлена в предложении: «Збися дивъ, Велить послушати – земли незнаемъ Влзьпъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебъ, Тьмутораканьская блъванъ» [Прокофьев, с. 76]. Указанный пример является интересным, так как в нем присутствует мифологический образ, див. Согласно славянской фольклорной традиции, Див – дух – прорицатель, являющийся к людям для предупреждения о бедствиях. Образ включен автором для предупреждения об опасностях, предостерегающих воинов. Повтор, присутствующий в кличе духа, демонстрирует силу русской армии, стремящейся захватить территории тюркских народов.

Грамматический повтор представлен и в следующем примере «Слова о полку Игореве»: «Не было оно обидъ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебъ, чръный воронъ, поганый половчине!» [Прокофьев, с. 77]. Сходный по синтаксическому строению и эмоционально-экспрессивному наполнению пример повтора был употреблен автором «Задонщины». Повествователь также отмечает, что народ не посмеет никто обидеть, в том числе и вражеская армия. В этой цитате выражается патриотизм, сильное чувство любви к Родине, стремление защищать её любой ценой.

Нередко повторы служат для усиления значения того, о чем шла речь в произведении ранее. Так в предложении: «Уже снесется хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса дивъ на землю» [Прокофьев, с. 82] грамматическая анафора с выделительно-усилительной частицей *уже* способствует выполнению данной функции. Автор рассказывает о неудачах похода князя Игоря, усиливает эмоциональное напряжение различными средствами выразительности. Однако большая эмоциональность достигается употреблением повтора. Автор акцентирует внимание на том, что позор пал на действия молодого правителя, перекрыв славу, насилие

воцарилось на Руси, оттеснив свободу, Див, дух-прорицатель, вернулся на землю. Рассказчику важно показать, к чему привели действия Игоря, не объединившегося с другими князьями для сражения с общим противником. В этом автору помогает грамматический повтор.

Произведения более позднего периода развития древнерусской литературы также являются примером употребления грамматических повторов.

«Повесть о Горе-Злочастии» – повесть, написанная народным стихом. В произведении употребляется большое количество эпитетов, сравнений и повторов. Наиболее яркий и сложный грамматический повтор представлен в следующем фрагменте: *«Не ходи, чадо, двух чар за едину! Еще, чадо, не давай очам воли, не прильщайся, чадо, на добрых красных жен, отеческия дочери. Не бойся мудра, бойся глупа, ... не ходи, чадо, х костарем и корчемникам, не знайся, чадо, с головами кабацкими»* [Прокофьев, с. 367]. В представленном отрывке повтор выстраивается императивом (глагол в повелительном наклонении) с отрицательной частицей *не* в 15 контактно расположенных синтаксических конструкциях. Подобное обширное использование грамматической анафоры служит для выполнения дидактической функции. Автор повторяет в обращении родителей к сыну законы традиционного семейного уклада и морали, связанные с христианскими заповедями. Грамматический повтор в указанном фрагменте акцентирует внимание на важности семейных ценностей в жизни каждого человека. Автору важно донести эту мысль до читателей.

Ярким примером употребления грамматической анафоры с целью передачи человеческих чувств является следующий отрывок из «Повести о Горе-Злочастии»: *«А не пьет, ни ест он, ни тешитца – и нечем на пиру не хвалитца»* [Прокофьев, с. 369]. Повтор оформлен в виде ряда однородных членов с отрицательной частицей *ни*. Автору важно показать, как сильно повлияло на главного героя ослушивание родительских наставлений и норм морали и нравственности. Юноша, осознав реальность совершенных действий, игнорирует внешние обстоятельства, анализируя произошедшее.

Проанализировав памятники древнерусской словесности, мы отметили проявление антропоцентризма – главного признака,

характеризующего наличие в произведениях ярко выраженной авторской оценки описываемого. В передаче субъективного отношения повествователя к высказываемому важную роль сыграли лексические и грамматические повторы. Повторы, будучи одним из средств передачи модальности, позволили читателям проследить изменение эмоционального состояния автора произведения, его отношение к событиям, отраженным в памятнике древнерусской словесности. Подтверждением этой мысли являются слова исследователя древнерусской литературы Д. С. Лихачёва, который отмечал, что повторяемость – это «основа «художественного обряжения мира» [Лихачёв, с. 11]

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова О. П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 200 с.
2. Ерёмин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.: Рипол Классик, 2013. 272 с.
3. Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. М., 2005. 215 с.
4. Калинин К. А., Харисова З. Р. Повторы как средство выражения субъективной модальности в ораторской прозе Древней Руси // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3-2. С. 319–324.
5. Лихачёв Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. СПб.: Наука, 1983. № 4. С. 9–21.
6. Прокофьев Н. И. Древняя русская литература. Хрестоматия. М.: Просвещение, 1988. 399 с.
7. Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. 421 с.

В настоящей работе предпринята попытка определения стилистических и функциональных особенностей использования повторов как средства создания субъективной модальности в текстах древнерусской литературы. Специфика употребления повторов рассмотрена на примере следующих памятников: «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», «Слово о полку Игореве», «Повесть о Горе-Злочастии».

Ключевые слова: модальность, грамматические повторы, лексические повторы, субъективная семантика

REPETITIONS AS A MEANS OF CREATING SUBJECTIVE-MODAL MEANINGS IN THE TEXTS OF OLD RUSSIAN LITERATURE

F. A. Gibaidullina

In this work, an attempt is made to determine the stylistic and functional features of the use of repetitions as a means of creating subjective modality in the texts of Old Russian literature. The specificity of the use of repetitions is considered on the example of the monuments "The Tale of the Devastation of Ryazan by Batu", "The Tale of the Life and Repose of the Grand Duke Dmitry Ivanovich, Tsar of Russia", "The Tale of Igor's Campaign", "The Tale of Grief-Misfortune".

Keywords: *modality, grammatical repetitions, lexical repetitions, subjective semantics*

ЦЕПЬ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ КАК ПРИЁМ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ ОРАТОРСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО (XIII ВЕК)

Калинин Константин Андреевич

канд. филол. наук, заместитель директора по научно-методической работе ИДПО, и. о. зав. кафедрой русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации НГПУ, Набережные Челны, Россия
filologkalinin@mail.ru

Улеева Ангелина Александровна

студентка филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 1», Мензелинск, Россия
vip.yleeva@mail.ru

Ораторская проза является одним из наиболее распространенных жанров древнерусской словесности. Одной из его особенностей является то, что произведения ораторского красноречия прозы предназначались для произнесения, чаще всего в храме или во время наставления духовного пастыря. Традиционно тематика ораторской прозы охватывала вопросы христианской морали, норм праведной жизни и разъяснения религиозных догматов. Произведения ораторской прозы были ориентированы на устное произнесение, поэтому важнейшей целью автора было оказать воздействие на слушателя. Именно поэтому в текстах ораторской прозы формируются приёмы языковой выразительности, широко распространившиеся в последующем в художественной литературе.

Одним из ярких представителей дидактического красноречия является Серапион Владимирский (XIII век). Его литературная деятельность относится, главным образом, ко времени пребывания во Владимире в 1274–1275 гг. [Колобанов, с. 442]. Слова и поучения Серапиона – высокие образцы ораторского красноречия. Они продолжают традиции таких лучших представителей этого жанра древнерусской литературы, как Иларион Киевский и Кирилл Туровский. В «Словах» Серапиона Владимирского ярко отражаются

личные впечатления от современных автору исторических событий, их отличает простота и ясность изложения. В. В. Колесов отмечает: «очевидец татаро-монгольского нашествия на Русь, Серапион с горечью всматривается в нравственное оскудение оставшихся в живых после погрома и борется за духовное очищение народа, временно поработанного врагом» [Библиотека, с. 519]. Это и составляет основу тематики «слов» и «поучений» Серапиона Владимирского

Несмотря на то, что произведения Серапиона Владимирского были написаны в разные периоды его жизни, их объединяет употребление одного характерного приёма развёртывания мысли в тексте – построения цепочек риторических вопросов, состоящие обычно из двух–трёх последовательных конструкций: *«Доколь не отступимъ от грѣхъ нашихъ? Пощадимъ себе и чадъ своихъ: в кое время такы смерти напрасны видѣхомъ?»* (СВ I). Этот приём ярко представлен во всех пяти дошедших до нас текстах оратора. Рассмотрим особенности его организации и функционирования в текстах Серапиона Владимирского. Тексты цитируются по изданию «Библиотека литературы Древней Руси» (в скобках указывается порядковый номер текста) [Библиотека, с. 370–385].

Цепочки риторических вопросов в текстах ораторской прозы, ориентированные на устное произнесение, с одной стороны, не требуют ответа от слушателя. В текстах Серапиона Владимирского такие вопросы требуют однозначной трактовки и наталкивают слушателя на единственно верный ответ. Поэтому за каждым из вопросов мы слышим утвердительную интонацию автора: *О чловѣци, се ли ваше покаянье? сим ли Бога умолите, что утопла или удавленика выгрести? сим ли Божию казнь хотите утишити?* (СВ V). С другой стороны, автор создаёт впечатление непосредственного обращения к слушателю, вовлекает его в обсуждение поднимаемых проблем и заставляет задуматься: *Кому грядем, кому приближаемся, отходяще свѣта сего? Что речемъ, что отвѣщаемъ?* (СВ II). При этом в подавляющем большинстве случаев Серапион Владимирский использует формы 2-го лица множественного числа, что способствует воздействию автора на слушателя через ассоциацию с ним. С. С. Ваулина и Д. А. Серганова отмечают, что риторические вопросы в текстах Серапиона Владимирского характеризуются «повышенной эмоциональной

тональностью» [Ваулина, с. 64]. Полагаем, что это и позволяет достичь желаемого эффекта воздействия на слушателя.

Чаще всего эти цепочки риторических вопросов в текстах ораторского красноречия Серапиона Владимирского появляются в сильных позициях текста – в начале и в конце. Так, одно из его поучений открывается цепочкой риторических вопросов: *Како ны приводит к себе? Кыми ли словесы не наказеть насъ? Кыми ли запръщении не запръти нам?* [СВ III], а «Слово блаженного Серапиона о маловерье» заканчивается словами: *очто плачь и клятву на ся влечеши? или бессмертенъ еси? не чаеши ли суда Божия, ни возданья комуждо по дьлом его?»* [СВ V]. Такое использование приёма говорит о том, что автор понимает его значимость и стремится с его помощью оказать сильное эмоциональное воздействие на слушателя. В ответах на эти вопросы чаще всего и заключена ключевая идея текста древнерусского красноречия Серапиона Владимирского.

Структурной особенностью цепочек риторических вопросов в текстах Серапиона Владимирского является однотипность их построения и содержания, выражающаяся в использовании грамматического параллелизма. Этот приём широко распространён в древнерусской ораторской прозе в качестве «приёма ритмизации и средства композиционного связывания текста» [Калинин, с. 59]. Разберём случай употребления такого приёма: *Кыми ли словесы не наказеть насъ? Кыми ли запръщении не запръти нам?* [СВ III]. Обе конструкции не только построены по одной синтаксической схеме, но и передают общее значение, которое развёртывается и дополняется новыми смысловыми оттенками. Не все конструкции имеют такое строгое совпадение структуры конструкций, в них наблюдаются и различные вариации: *Мы же что о сихъ речемъ? Чего невидьхомъ? Чего ли ся над нами не створи? Чим же ли не казеть нас Господь Богъ нашъ, хотя ны премънити от безаконии нашихъ?* (СВ III).

Ряды цепочек риторических вопросов сопровождаются использованием и других приёмом экспрессивного синтаксиса, усиливающих эмоциональное воздействие на слушателя. Так, в примере *Тако есть, но что потом бысть намъ? Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя?»* (СВ I) три последних вопроса организуют градационный ряд. При этом значение градуальности

выражено не через семантику слов, а с помощью грамматических средств: во втором вопросе число имени существительного изменяется на множественное (*глад – морови – рати*), а в последней появляется слово с градуальной семантикой *многыя*. Кроме того, в цепочках риторических вопросов в текстах ораторской прозы Серапиона Владимирского широко используются анафоры и разнообразные лексические повторы, усиливающие экспрессивность высказывания. Они «позволяли легче запомнить текст, а также оказывали определенный эмоциональный эффект на слушателя, формировали его отношение к описываемому» [Калинин, с. 58].

Употребление цепочек риторических вопросов в произведениях Серапиона Владимирского обусловлено, в первую очередь, жанровой спецификой его текстов. Важнейшая задача автора – дать слушателям нравственные ориентиры, убедить их следовать христианским заповедям. С помощью этого приёма автор акцентирует внимание слушателей на основных идеях текста, призывает читателей задуматься о необходимости правильного выбора. Всё это отвечает целям древнерусского ораторского красноречия и находит отражение в последующей литературной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с.
2. Ваулина С. С., Серганова Д. А. Текстобразующая функция авторской модальности в «Поучении преподобного Серапиона» // Мир русского слова. 2021. № 3. С. 59–66.
3. Калинин К. А. Употребление грамматического параллелизма в древнерусской ораторской прозе: исторический аспект // Филология и культура. Philology and culture. 2020. № 3(61). С. 57–61.
4. Колобанов В. А. К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // ТОДРЛ. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 442–445.

В статье описана специфика построения цепочек риторических вопросов в текстах древнерусской ораторской прозы Серапиона Владимирского (XIII в.). Употребление приёма в сильных позициях текста позволяет с его помощью передавать важные идеи текста, вовлекая слушателя в осмысление поднимаемых автором проблем. Для усиления этого эффекта

приём осложняется грамматическим параллелизмом, градацией, анафорой и различными повторами. Использование цепочек риторических вопросов позволяет автору оказать эмоциональное воздействие на слушателя и акцентировать внимание на ключевых идеях текста.

Ключевые слова: риторические вопросы, древнерусская ораторская проза, грамматический параллелизм, градация, повторы.

**A CHAIN OF RHETORICAL QUESTIONS AS A METHOD OF ORGANIZING
OLD RUSSIAN TEXTS OF ORATORICAL ELOQUENCE BY SERAPION
VLADIMIRSKY (XIII CENTURY)**

K. A. Kalininm A. A. Uleeva

The article describes the specifics of constructing chains of rhetorical questions in the texts of the Old Russian oratorical prose of Serapion Vladimirsky (XIII century). The use of the technique in strong positions of the text allows it to convey important ideas of the text, involving the listener in understanding the problems raised by the author. To enhance this effect, the reception is complicated by grammatical parallelism, gradation, anaphora and various repetitions. The use of chains of rhetorical questions allows the author to have an emotional impact on the listener and focus on the key ideas of the text.

Keywords: rhetorical questions, Old Russian oratorical prose, grammatical parallelism, gradation, repetitions.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ XV–XVI ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТИ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ» И «ПОВЕСТИ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ»)

Корчагина Анастасия Юрьевна

магистрант филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 10», Набережные Челны, Россия
nastya.marataeva@mail.ru

Категория модальности на протяжении долгого времени является объектом изучения как в отечественном, там и в зарубежном языкознании. Это обусловлено тем, что язык является неотъемлемой частью культуры народа, отражением его истории.

Один из самых важных вопросов современной лингвистики заключается в том, как средства выражения категории модальности функционировали в языке, какие изменения претерпевали с течением времени. В древнерусских текстах, как известно, круг средств выражения категории модальности был очень ограничен, но с течением времени происходит ряд изменений.

Цель нашей работы – анализ функциональных и структурных изменений в использовании средств выражения категории модальности.

Для выражения модальных отношений в древнерусском языке использовались частицы, союзы:

бо – одновременно частица и союзное слово, она в древности не имела причинного значения и передавала ослабленную синтаксическую связь в модальности уверенности (с XV в. частица вошла в высокий стиль речи, поскольку на её основе появились союзные слова *убо*, *ибо*). *Бо* – конструктивно усложненная частица; в XII в. всегда сопровождается союзами и другими частицами типа *аще бо*, *егда бо*, *иже бо*, *не бо*, *се бо*, *яко же бо*. *Бо* – универсальная частица, она выражает средневековый принцип подобия, является знаком символического включения в текст и характеризуется исходным синкретизмом значения;

же – основная частица, совмещавшая в себе функции частицы и союзного слова с модальностью отрицательной уверенности: *бѣаше же нѣкоторыи мужь хромъ и нѣмь... Вода же мутна вельми...* [Колесов, с.407]. Это основные средства выражения модальности в древнейший период развития русского языка.

В процессе развития древнерусского языка появляются новые средства выражения категории модальности. В повествовательных текстах XV–XVI веков ярко выступают и другие средства. С их помощью выражается значение желательности, возможности и необходимости.

Желательность выражена с помощью глаголов *желати, жадати, хотѣти, вольти* при полном отсутствии безличных конструкций: субъект волеизъявления всегда определён.

Возможность выражается и такими глаголами, как *мочь, умѣти, смѣти* и др., а также наречными сочетаниями, переводящими волеизъявление в план потенциальности (передают логическую последовательность действия – *льпо, льзь* и др.), что создает ситуацию не реального, а наступающего времени; все больше увеличивается использование глаголов *смѣти, умѣти, дерзнути, успѣти, достигнути* и форм типа *мочно* («по силе возможности»).

Необходимость выражается описательно, не грамматически, а с помощью лексических средств (*трьбѣ, льпо, довѣлѣти, достоитѣ*); распространены безличные обороты в условно модальном времени (*аще поѣхати будяше обрину...*) [Колесов, с. 396].

Как нам известно, в современном русском языке глаголы также выражают модальные значения. Первое место по употребительности среди конструкций, выражающих модальные значения, занимают соединения инфинитива с глаголами *мочь, сметь, уметь*, выражающие возможность какого-нибудь действия. Значение необходимости какого-нибудь явления, долженствования выражается главным образом соединением инфинитива с безличными глаголами *приходится, остается, следует, стоит, предстоит, суждено, случается* и др. Значение желания, намерения, стремления произвести или производить какое-нибудь действие выражается преимущественно сочетаниями инфинитива с глаголами *хотеть, желать, намереваться, пытаться, собираться, готовиться, предполагать, думать, задумать, вздумать,*

вздуматься (безличное *вздумалось, вздумается*), *стараться, затеять, рваться* и др. под. [Виноградов, с. 13]. Можно предположить, что уже в XV–XVI веках были предпосылки к функционированию и структуризации современных средств выражения категории модальности.

Наиболее полный ответ на вопрос о динамике развития и функциональных особенностях средств выражения категории модальности возможно получить при анализе повествовательных текстов. Для анализа нами были выбраны «Повесть о битве на реке Воже» (XV век) и «Повесть о создании и пленении Трои» (XVI век).

Самыми распространенными средствами в этих текстах остаются частицы *же* и *бо*. В небольшом тексте «Повести о битве на реке Воже» частица *же* встречается 12 раз. Эта частица служит для выражения следующих значений:

1) усиление указания на время: *Того же льта ординский князь, поганый Мамай, събравъ воя многы и посла Бъгича ратью на князя великаго Дмитрея Ивановичя и на всю землю Русскую;*

2) усиление указания на действие: *Се же слышав, князь великий Дмитрей Иванович събравъ воя многы и поиде противу их в силь тяжцъ;*

3) Князь *же* великий на заутрие уже перед обьдом поиде за ними сльдом ихъ, и погнаша их убъжавших далече (усиление указания на личность).

В «Повести о создании и пленении Трои» частица *же* встречается почти в каждом предложении и выражает схожие значения:

1) усиление указания на действие: *Видьв же царь доброту мьста, и нача здати градъ во имя свое, и после своего живота повель сыну своему здати, такоже и прочии заповьдаху каждо своему сыну;*

2) усиление указания на лицо: *Царь же рече женъ своей, егда родится сынъ, да повелить его убити;*

3) усиление указания на действие: *Испроси же ся Александръ Фарижъ у отца своего Приама царя и прииде к Менелаю, царю греческому, еже есть еллиньскому, служити со многимъ богатьствомъ и со отроки.*

Частица *бо* в данный период начинает функционировать как союз причинного значения. В «Повести о битве на реке Воже» частица встречается дважды: *Обрътоша бо в поль повержены*

дворы их, и шатры их, и вежи их, и юртовища их, и алачюгы, и тълъги их, а в них товаръ безчислен весь пометанъ (усиление значения действия) и А самъх не обрътоша – бяху бо побъжали к Ордъ (усиление значения действия).

В «Повести о создании и пленении Трои» частица **бо** используется не только для выражения модальных значений, но и в качестве союза **убо**:

Нъси **бо** ты того старца сынъ, но отецъ ти есть Приамъ царь, а мати Екама царица (усиление значения действия);

Потом же трояны дръзостны сотвори Поламидова смерть, притупи Ахилеево стремление, любляше **бо** Ахиллей Паламида зъло и сего ради разгнъвася и не хотяше изыти на брань (усиление значения действия).

Посланъ **убо** бываетъ Ахиллей и от храбрыхъ друзи, и на острова наподоша и поплениша сушию (союзное значение «потому что»).

Якоже **убо** видѣста его, проплакаста (союзное значение «потому что»).

Приведённые примеры наглядно показывают, что в древнерусских текстах XV–XVI веков уже можно проследить конкретные изменения в составе средств выражения различных модальных значений. Также в текстах этого периода наблюдается функционирование *предикатов* и *оборотов* в условно модальном времени. Их не так много, но их функция обозначена достаточно чётко.

В «Повести о битве на реке Воже» присутствует яркий пример передачи значения «отсутствия возможности», выраженного с помощью предиката *нелзъ*: *По сих же приспъ вечерь, и заиде солнце, и смерьчеса свѣтъ, и наста ноць, и бысть тма, и нелзъ бяше знатися за ними за рѣку.*

В «Повести о создании и пленении Трои» частотны *обороты* со значением «необходимости»:

И аще будетъ, – рече, – бѣсенъ, то переорет его;

Он же поведа имъ, яко кошуты ради хоцетъ васъ потопити пророцища и глаголет, яко, **аще не дастъ Агаменъ царь мнѣ своа дщери Цвѣтаны, не имамъ их пустити;**

*И поиде Менелае царь на вьре, нача Приаму говорить, да отдасть Елену царицю. Александръ же не хотяше, но восхотъ поразити Менелаа, **аще бы его Приамъ царь не защитилъ**;*

Рече же Ахиллей: **Аще ты еси, азъ от страха твоего мертвъ есмь!**;

*Видѣв же сиа Приамъ царь, озлобися зъло, и совлече со Ахиллеа оружие все, и пусти ко объма царема и сказа имъ. како вьру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и **аще велита, да тьло его принесу к вама.***

Анализ текстов даёт возможность проследить функциональные изменения средств выражения категории модальности. Частица же используется как модальная частица, не выступая в роли союзного слова. Частица *бо* начинает функционировать как часть союзных слов с причинным значением *убо, ибо*.

В текстах начинают функционировать предикаты с модальным значением (например, *нелзь*) и обороты со значением «необходимости» («*аще не дастъ Агамень царь мнѣ своа дщери Цвьтань, не имамъ их пустити*»).

Эти функциональные изменения позволяют говорить об изменениях в структуре средств выражения категории модальности, расширении круга данных средств и конкретизации модальных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. 559 с.
2. Калинин К. А., Харисова З. Р. Повторы как средство выражения субъективной модальности в ораторской прозе Древней Руси // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3-2. С. 319–324.
3. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. 512 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.
5. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997. Т. 8: XIV первая половина XVI века. 581 с.

Автор работы предпринимает попытку проследить структурную и семантическую динамику средств выражения категории модальности в древнерусском языке. Для анализа привлекаются тексты

повествовательной литературы XV–XVI веков. Это позволяет выявить основные изменения в употреблении и значении таких средств выражения модальности, как союзы и частицы, предикат *нелзь*, обороты со значением необходимости.

Ключевые слова: категория модальности, частицы, союзы, древнерусский текст, модальное значение, предикат.

FUNCTIONAL FEATURES OF THE MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN NARRATIVE TEXTS OF THE XV–XVI CENTURIES (FOR EXAMPLE, «THE TALE OF THE BATTLE ON THE VOZHA RIVER» AND «THE TALE OF THE CREATION AND CAPTURE OF TROY»)

A. U. Korchagina

The author of the work attempts to trace the structural and semantic dynamics of the means of expressing the category of modality in the Old Russian language. The texts of narrative literature of the XV–XVI centuries are used for analysis. This makes it possible to identify the main changes in the use and meaning of such means of expressing modality as conjunctions and particles, the predicate of non-use, turns with the meaning of necessity.

Keywords: category of modality, particles, conjunctions, Old Russian text, modal meaning, predicate.

УДК 81'373.211.1

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ МИКРОТОПОНИМОВ ГОРОДА ГОРЛОВКИ

Алексеевкова Ульяна Романовна

студентка Горловского института иностранных языков,

Горловка, ДНР

alekseenkov.1978@gmail.com

В современной лингвистике особое место занимает вопрос структурно-грамматической классификации географических наименований. Структурно-грамматические особенности микротопонимов рассматривали в своих работах В. В. Лопатин, А. И. Суперанская, В. Н. Топоров и др. Данный аспект представляет большой интерес по нескольким причинам. Во-первых, структура является формой, отображающей содержание онима. Во-вторых, с её помощью микротопоним выполняет номинативную и дифференцирующую функции.

Микротопонимикон Горловки формировался в течение почти целого столетия. На него повлияли различные историко-культурные процессы, среди которых можно выделить демократизацию и деидеологизацию, снятие различных запретов, а также миграцию жителей из других городов и государств. Вследствие этого в микротопонимической системе города Горловки встречаются микротопонимы и их основы, которые отображают язык и культуру других народов.

Микротопонимикон города Горловки как часть его топонимического пространства включает 195 номинаций. Как показывает материал исследования, это сложная и уникальная группа лексических единиц, требующая детального анализа.

В ходе структурно-грамматического анализа микротопонимов Горловки нами были выявлены их следующие структурные типы:

1) простые микротопонимы, 2) сложные микротопонимы,

3) составные микротопонимы. Рассмотрим каждую группу более подробно.

Первую группу микротопонимов составляют простые микротопонимы, состоящие из одной основы. Они выступают доминирующей группой и составляют 60% всех анализируемых микротопонимов Горловки. К ним относятся следующие наименования: *Бураковка, Андреевка, Житный, Майский, Мирный, Собачёвка, Байкал, Балка, Косиор, Озеряновка, Пекин, Рудыч, Соловки, Степный, Блюмин, Гладосово* и др. Отметим, что в простых микротопонимах часто первым компонентом выступает префиксоид *нов-*, например, *Новосёловка, Новокаютино, Новогригорьевка* и др.

Вторая группа микротопонимов города Горловки – сложные микротопонимы, включающие наименования, состоящие из двух и более основ. К ним относится небольшой состав анализируемых единиц: *Домбе* (< Дом Б), *Первомайский, Пятихатки, Стальсбыт, Соцгородок, Старобазарный* и др. Данная группа микротопонимов самая немногочисленная в микротопонимиконе города Горловки. Она представлена 7 номинациями, что составляет 3,6% всех микротопонимов.

Третья группа микротопонимов – составные единицы, которые включают два и более слова. Данная группа представлена такими номинациями, как *Верхний Хутор, Восточная Проходная, Вялковский Лес, Голубицкий Хутор, Грачёвский Лес, Гуэновский Лес, Детский Городок, Красный Базар, Кривая Балка, Кулачная Гора, Мёртвая Балка, Новая Колония, Чёрная Водокачка* и др. Данная группа представлена 71 номинациями, что составляет 36,4% всех микротопонимов.

В число составных микротопонимов входят такие лексемы, как *хутор* (6 ед.), *балка* (11 ед.), *колония* (9 ед.), *проходная* (2 ед.), *лес* (15 ед.), *гора* (4 ед.), *яр* (9 ед.), *водокачка* (2 ед.), *село* (3 ед.), *край* (2 ед.), *курганка* (1 ед.), *ручей* (1 ед.), *дуб* (1 ед.), *милость* (1 ед.), *базар* (1 ед.), *пост* (1 ед.), *городок* (1 ед.), *посёлок* (1 ед.). Данные лексемы как компоненты микротопонимов реализует одну из основных функций микротопонимов – ориентирующую. В. А. Никонов в своих исследованиях пишет о продуктивности данных конструкций в микротопонимии города. Учёный рассматривает это как отличительную особенность микрообъектов, а также как доказательство близости микротопонимов с именами

нарицательными. «Первообразность, близость к именам нарицательным, проявляющуюся в широком использовании местных географических терминов и ориентировочных названий» [Никонов, с. 16].

Отметим, что в микротопонимике города Горловки среди составных микротопонимов встречаются двукомпонентные наименования, представленные следующими моделями: 1) «качественное прилагательное + существительное»: *Верхний Хутор, Чёрная Водокачка, Восточная Проходная, Красный Базар, Нижний Хутор, Новая Колония, Зелёный Дуб, Чистые Ручьи* и др.; 2) «притяжательное прилагательное + существительное»: *Вялковский Лес, Грачёвский Лес, Гуэновский Парк, Казачья Балка, Каранов Яр, Разбойничий Лес, Петрова Милость* и др.; 3) «существительное + существительное»: *Балка Блюм*.

Таким образом, однословные микротопонимы составляют большую часть всех микротопонимов города Горловки, в то время как сложные и составные наименования нечастотны вследствие тяготения к краткости и диалогичности устной речи, тенденции к её упрощению и реализации языкового закона экономии речевых усилий.

В морфологическом плане мы видим строгую избирательность при выборе части речи для образования микротопонимов. Преваляющими лексико-грамматическими классами слов для данной микротопонимической системы являются имена существительные и имена прилагательные. Самой распространенной частью речи выступает имя существительное – 52,83% (103 ед.). Ср.: *Алексеевка, Федяевка, Штеровка, Рудуч, Собачёвка, Байкал, Косиор, Озеряновка, Пекин, Давидовка, Мажаривка* и др. Данные языковые знаки относятся как к существительным мужского (*Сахалин, Мирный, Рудуч, Бродвей, Байкал, Блюмин, Садовод, Химик, Жилкоп* и др.), так и к женского рода (*Решетиловка, Куба, Собачёвка, Аргентина, Штеровка, Озеряновка, Полтавщина, Николаевка, Версановка* и др.). В нашей картотеке также есть микротопонимы среднего рода – *Каютино, Гладосово, Мичурино, Новокаютино* и др. Однако большую часть составляют микротопонимы, относящиеся к существительным женского рода – 44,6% (87 ед.) и 42,04% (82 ед.) соответственно, тогда как среднего рода – 3,06% (6 ед.).

В микротопосистеме Горловки также функционируют наименования, образованные от имён прилагательных, – 43,07% (84 ед.). Как правило, при образовании микротопонимов используются начальные формы имени прилагательного; ср.: микротопонимы *Почтовый, Весёлый, Стандартный, Мирный* и др. Но есть микротопонимы, образованные от прилагательных женского рода, например, *Финские, Широкая, Подлесная* и др. Также имена прилагательные в качестве топонимического элемента входят в состав сложных микротопонимов. Например, *Старобазарный* включает основу прилагательного *старый* и др.

Как правило, для образования таких микротопонимов используются прилагательные, обозначающие пространственные, временные, физические признаки. Так, микротопонимические образования с прилагательными *восточный – западный, северный – южный* (географические лексемы), *новый – старый, верхний – нижний, белый – чёрный* (топонимические лексемы), по мнению Н. В. Подольской, образуют бинарные оппозиции: *Восточная Проходная – Западная Проходная, Верхний Хутор – Нижний Хутор, Новая Колония – Старая Колония* и др.

Следует отметить, что при создании микротопонима с помощью имени прилагательного происходит субстантивация прилагательного. Становится невозможным образование степеней сравнения или краткой формы. Ср.: *Чистые Ручьи, Весёлый, Красный Базар, Кривая Балка, Круглый Лес, Красный Яр* и др.

Также особую роль в микротопонимике города Горловки играют лексические единицы, образованные путём топонимизации имени прилагательного, обозначающего признак по принадлежности лицу. Ср.: *Голубицкий Хутор, Гуэновский Лес, Кондратьевский Лес, Марков Яр* и др.

Имена числительные, глаголы, предлоги также участвуют в образовании микротопонимов Горловки. Однако их использование спорадично.

Так, имена числительные участвуют в образовании простых и сложных микротопонимов типа *Восьмой, Первомайский, Пятихатки, Двадцать первый*. Такие номинации составляют 2,05% (4 ед.) от всех микротопонимов Горловки. Из данных примеров видно, что при образовании микротопонимов используются только количественные и порядковые числительные. В микротопосистеме

города Горловки не представлены микротопонимы, образованные с помощью собирательных числительных.

Также интерес представляют микротопонимы, в образовании которых участвуют глаголы. Глаголы являются топоэлементами сложных микротопонимов, например, *Пузорезы* (образован от глагола *резать*) и *Стальсбыт* (образован от глагола *сбивать*). Так же от глаголов образованы простые микротопонимы *Делёвки* (образован от глагола *делить*) и *Дробиловка* (образован от глагола *дробить*). Следует отметить, что образование микротопонимов с использованием глаголом не является продуктивным в исследуемой микротопосистеме. Данные номинации составляют 2,05% (4 ед.).

Предлоги также участвуют в образовании микротопонимов, которые в составе данных единиц становятся префиксами с пространственным значением. В микротопосистеме города данная группа представлена микротопонимом *Подлесная*, который восходит к предложно-падежной конструкции *под лесом*.

Итак, структурно-грамматическая классификация микротопонимов города Горловки представляет собой сложную неоднородную группу лексических единиц. В структурном аспекте все анализируемые микротопонимы можно разделить на три группы: 1) простые, 2) сложные и 3) составные. Простые микротопонимы являются наиболее продуктивными и составляют 60% от всех микротопонимов города. Самой продуктивной частью речи для образования микротопонимов города Горловки является имя существительное. Микротопонимы, образованные от существительных, составляют 52,83%, в то время как имена прилагательные, имена числительные и глаголы составляют 43,07%, 2,05% и 2,05% соответственно. Единичен случай использования предлога для образования микротопонима. Проанализированный микротопонимикон образует сложную систему, которая требует дальнейшего рассмотрения, что и будет нами сделано в последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 2011. 184 с.
2. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк, 2014. С. 102–104.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии: 2-е изд. М., 1988. 198 с.

4. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 256 с.
5. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 177 с.
6. Шевченко А. В. Топонимы Горловки (записки учителя-краеведа). Донецк: РИП «Лебедь», 1994. 46 с.

В работе была предпринята попытка структурно-грамматического анализа микротопонимов города Горловки. Были выявлены следующие структурные типы: простые, сложные и составные микротопонимы. Также в работе были рассмотрены основные лексико-грамматические классы слов, участвующие в образовании микротопонимов.

Ключевые слова: микротопоним, микротопосистема, морфологические классы, структурные типы.

**ON THE QUESTION OF THE STRUCTURAL-GRAMMATIC CLASSIFICATION
OF MICROTOPYNOMS OF THE CITY OF GORLOVKA
U. R. Alekseenkova**

В работе была предпринята попытка структурно-грамматического анализа микротопонимов города Горловки. Были выявлены следующие структурные типы: простые, сложные и составные микротопонимы. Также в работе были рассмотрены основные лексико-грамматическими классы слов, участвующие в образовании микротопонимов.

Keywords: microtoponym, microtoposystem, morphological classes, structural types.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Бразжник Лена Мирзаяновна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка как
инострannого и межкультурной коммуникации НГПУ,
Набережные Челны, Россия
l-brazhnik@bk.ru

Об ономастических реалиях, которые представляют важнейший источник информации о духовной культуре М. Цветаевой, речь шла в публикации «Антропоним как единица языковой личности М. Цветаевой» [Бразжник]. В статье делается вывод о том, что в основе семантической обогащённости личных имен лежит авторское «я», поэтесса предстает перед читателем как особая языковая личность (*homo loquens*), и антропонимы выступают как единицы языковой личности М. Цветаевой.

Изучение собственных имён в очерках Цветаевой интересно, прежде всего, культурно-символическим содержанием, которое в них отражается. Кроме того, следует обратить внимание на сочинения Марины Цветаевой не только потому, что ни литературоведом, ни критиком, в академическом значении этих слов, Цветаева не была, но и потому что в её статьях и дневниках, как и в стихах, главная тема – *«собственная душа»*. Рассуждая об искусстве и поэзии, поэтесса высказывает такую глубину проникновения в предмет исследования, которой может позавидовать любой «вед», в том числе языковед.

По мнению А. Ф. Лосева, онимная лексика, является важнейшим источником информации о языковой и духовной культуре, т. е. представляет собой лингвокультурные символы – языковые символы национальной культуры. Это утверждение невозможно оспорить, поскольку с точки зрения семиотики символ включает в себя обобщённый принцип дальнейшего развертывания свёрнутого в нём смыслового содержания, т. е. символ можно рассматривать «как специфический фактор социокультурного кодирования информации

и одновременно – как механизм передачи этой информации» [Лосев, с. 121].

Как известно, не все имена собственные могут быть или стать символами, так как значение онима не является «врожденным», оно может быть только приобретённым и только тогда будет иметь тенденцию к развитию. У каждого имени собственного своя история, откорректировать которую невозможно. В том случае, если имя собственное становится символом, у него появляется особое положение, в результате чего возникает проблема его интерпретации.

Так, Марина Ивановна увлекает читателя в сферу своих ассоциативных образов с помощью онимов, а он (читатель) непроизвольно активирует содержащуюся в памяти информацию о названном денотате, а с ней – ощущения, переживаемые автором в прошлом когнитивном опыте, воссоздавая их в момент чтения.

Чаще М. Цветаева в своих очерках и статьях упоминает имена в оппозиции. Так, например: **«Бальмонт и Брюсов. Об этом целую книгу, – поэма уже написана: Моцарт, Сальери»**; **«Бальмонт, Брюсов. Росиие в те годы никогда не называли одного из них, не назвав (хотя бы мысленно) другого. Были и другие поэты, не меньшие, их называли поодиночке. На этих же двух – как сговорились. Эти имена ходили в паре»**; **«Парные имена не новость: Гёте и Шиллер, Байрон и Шелли, Пушкин и Лермонтов. Братственность двух сил, двух вершин. И в этой парности тайны никакой. Но «Бальмонт и Брюсов» – в чём тайна?»**; **«В полярности этих двух имён – дарований – темпераментов, в предельной выявленности, в каждом, одного из двух основных родов творчества, в самой собой встающей сопоставляемости, во взаимоисключенности их. Всё, что не Бальмонт, – Брюсов, и всё, что не Брюсов, – Бальмонт. Не два имени – два лагеря, две особи, две расы»** [Цветаева, с. 212–213]. Приведенные антропонимы декодируют М. Цветаеву и с психической, и с ментальной сторон. Онимы представляются в очерках культурно-символической константой. Они образуют неповторимый фонд языка автора и являются своеобразным квалификатором его языковой личности.

Читатель испытывает влияние сказанного поэтессой имени, и в условиях художественного пространства очерка подчинён авторскому онимному диктату. Имена собственные становятся

достаточно внушительной единицей. Можно предположить, что очерки Цветаева создавала не только из желания о чём-то рассказать, но и из желания сделать читателя своим собеседником. Онимы являются для автора средством достижения желаемого эмоционального эффекта. Ничего не комментируя, Марина Ивановна с помощью онимов создаёт такой контекст, который наполнен конкретным (определённым) смыслом.

Художественное пространство очерка даёт точные указатели, ведущие читателя единственно правильной дорогой понимания пары «имя – денотат». Таким указателями ассоциативно-мыслительной деятельности поэтессы являются, как видно из вышеприведенных примеров, онимы **Бальмонт** и **Брюсов**. Смыслы, которые автор хотел отразить в приведённых именах собственных, могут ничего и не значить, если читатель не сможет их увидеть.

Собственные имена **Бальмонт** и **Брюсов** декодируют текст как определённую авторскую ментальную систему и обеспечивают его ожидаемой информацией. Марина Цветаева использует онимы в реализации своего замысла, максимально концентрируя некоторый смысл, но только в контексте статьи, онимы направляют читательское сознание на формирование требуемого ассоциативного пространства. Как, например: **«Бальмонт о Брюсове ... и мажинисту Кусикову** (Кусякин Александр Борисович – поэт (1896–1977)): *«С Брюсовым не дружите!»* – и последним, с уже отъезжающего грузовика – мне:

– А вы, Марина, передайте **Валерию Брюсову**, что я ему **НЕ кланяюсь!**; *«Запало ещё одно словечко **Бальмонта о Брюсове**. – Ты потому ему не прощаешь, что принимаешь его за человека, а пойми, что он волк, – бедный, лезущий, седеющий волк. – Волк не только жалок: он гнусен!* Нужно знать золотое сердце Бальмонта, чтобы оценить, в его устах, такой возглас» [Цветаева, с. 213]. Как видно, авторская языковая мыслительная деятельность мотивирована, и каждый элемент высказывания предназначен для более полного и адекватного воплощения замысла. Поэт реализует схему: человек > моё восприятие > оним как оценочное его воплощение, а со стороны читателя схема строится иначе: оним > формирование представления (понятия) > понимание события. В результате складываются не стереотипные представления, поскольку

под стереотипными представлениями принято понимать устоявшиеся, базовые понятия лингвокультуры, которые закреплены в социальной памяти людей.

Используя онимы, Цветаева даёт оценку человеку и историческому факту. При существовании различий в истолковании ситуации онимы становятся когнитивными её идентификаторами, с помощью которых автор полно передает информацию о своем отношении к историческим личностям, а через них к эпохе. Следующие примеры подтверждают наличие у онимов культурно-символического содержания: «Как **Брюсов** сразу умер, и привыкать не пришлось. **Завоеватели умирают тихо. Бесчеловечность**, с которой нами, русскими, там и здесь, встречена эта смерть, только **доказательство нечеловечности этого человека**»; «... **в лице Блока** вся наша **человечность**... в лице Брюсова – оплакивать – и останавливаюсь, сдержанная несоответствием собственного имени и глагола. **Брюсова можно жалеть** двумя жалостями: 1) как сломанный перворазрядный мозговой механизм (не его, о нём), 2) **как волка**» [Цветаева, с. 214–215]. Из записок становится понятным, что в «последних словах» отражена насмешка по отношению к человеку, носящему имя **Брюсов**. Это высказывание носит уничижительный характер и соотносит оним **Брюсов** с понятиями **«тот, кто злой, свирепый; тот, кто властный и нетерпимый; тот, кто не вызывает жалости и сочувствия; тот, которого не любят»**.

Онимы **Бальмонт** и **Брюсов** называют не только конкретные личности, но и символизируют эпоху: **«Место Брюсова – именно в С.С.С.Р. Какой строй и какое мирозерцание могли более соответствовать герою труда и воли...»** [Цветаева, с. 215]. **«Как истый властолюбец, он охотно и сразу подчинился строю, который в той или иной области обещал ему власть»** [Цветаева, с. 216]; **«Коммунистичность Брюсова и анархичность Бальмонта. Плебейстичность Брюсова и аристократичность Бальмонта (Брюсов, как Бонапарт, – плебей...). Царственность (островитянская) Бальмонта и цезаризм Брюсова»**. Здесь, как во всем, <....> ещё раз друг друга исключили. **Бальмонт – если не монархист, то по революционности природы. Брюсов – если монархист, то по личной обойденности коммунистами.** Монархизм Брюсова – аракчеевские поселения. **Монархизм**

Бальмонта – **людвиго-вагнеровский дворец**. **Бальмонт** – **ненависть к коммунизму**, затем **коммунистам**. **Брюсов** – **возможность ненависти к коммунистам**, **никогда – к коммунизму**. **Бюрократ-коммунист** – **Брюсов**. **Революционер-монархист** – **Бальмонт**. **Революции делаются Бальмонтами и держатся Брюсовыми** [Цветаева, с. 216]. Как видно из контекста очерков, их художественное пространство позволяет извлечь закодированные М. Цветаевой в антропонимах Брюсов и Бальмонт понятия: **Брюсов** – **это «существующий государственный строй – большевизм и коммунизм»**, **Бальмонт** – **«русская интеллигенция, нищенствующая, но не желающая продать своё перо»**.

Благодаря символизации онимов **Брюсов** и **Бальмонт** происходит отождествление референта и его имени. Возникает соответствие между конкретным значением антропонима (т.е. его денотативной отнесенностью) и абстрактным понятием, вызываемым этим именем. И в этой связке оним и денотат, несмотря на принадлежность к разным понятийным системам, равны.

Такими абстрактными понятиями, вызываемыми онимами **Брюсов** и **Бальмонт**, являются понятия **«поэт и не поэт»**. Например: **Брюсов** – **«не поэт, лжепророк от политики, антидуховность, враждебность»** и **Бальмонт** – **«поэт, духовность, вечность»**; **«Я бы на месте коммунистов, несмотря ни на какие посмертные бумажные откровения, сопричислила Брюсова к лику уже имеющих святых. Два слова ещё о глубочайшем анационализме (тоже соответствие с советской властью) Брюсова. Именно об анационализме, мировоззрении, а не о безродности, русском родинно-чувствии, которого у Брюсова нет и следа. ... Брюсов анационален. ... чувствами Брюсов не жил (в крайнем случае – «эмоциями»). Любовь к своей стране он заменил любопытствованием чужим...»** [Цветаева, с. 217]; **«... простого человеческого взгляда у Брюсова не было: не дан был. Брюсов в мире останется, но не как поэт, а как герой поэмы. На Брюсове не будут учиться писать стихи, ... на нем будут учиться хотеть – чего? – без определения объекта: всего. И, может быть, меньше всего – писать стихи. Брюсов в хрестоматии войдёт, но не в отдел «Лирика», – в отдел, и**

такой в советских хрестоматиях будет: **«Воля»**. ... имя его, среди русских имен, хочу верить, встанет одним из первых» [Цветаева, с. 218]. Всё сказанное свидетельствует о том, что онимы **Брюсов и Бальмонт** в очерках становятся символами постреволюционной России. Путь символизации онимов во всех приведенных примерах достаточно прогнозируем и вписывается в ожидания читателя. В статье поэтессы пытается осмыслить опыт послереволюционных лет и поднимает вечную тему **«Поэт и время»**, используя для этого имена своих современников.

Рассмотренные онимы привлекательны для исследователя тем, что демонстрируют интересное явление: антропонимы проявляют себя не просто константами культурного кода, они в максимальной степени пробуждают рефлексию творческой их интерпретации. В то же время онимы сами формируют вокруг себя понятийное пространство.

Таким образом, можно сделать вывод: онимы в очерках поэтессы представляют собой культурно-символические константы (как сказал Ю. С. Степанов, «константа культуры представляет собой «сгусток смысла» в сознании человека – то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов]), содержащие «сгусток смысла» мыслительной деятельности М. Цветаевой, который входит в ментальный мир читателя.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в курсах по литературной ономастике, а также могут войти в словарь языка произведений М. И. Цветаевой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бражник А. М. Антропоним как единица языковой личности М. Цветаевой // Материалы VIII Международных Цветаевских чтений в Елабуге «Душа, не знающая меры...». Ульяновск: Печатный двор, 2018. С. 214-220.
2. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
3. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
4. Цветаева М. И. За всех – противу всех!: Судьба поэта: В стихотворениях, поэмах, очерках, дневниковых записях, письмах / сост. Л. В. Поликовской. М., 1992. 384 с.

В статье рассматривается феномен имени собственного как культурно-символической константы. Исследуется символизация онимов в очерках М. Цветаевой: процесс формирования ими ассоциативного пространства и возникновение соответствия между конкретным значением антропонима и абстрактным понятием, вызываемым этим именем.

Ключевые слова: *онимы, символ, константа, культура.*

PROPER NAME AS A CULTURAL AND SYMBOLIC CONSTANT IN LITERARY JOURNALISM

L. M. Brazhnik

The article deals with the phenomenon of proper names as a cultural and symbolic constant. The author studies the symbolization of onyms in the essays of M. Tsvetaeva: the process of forming their associative space and the emergence of a correspondence between the concrete meaning of an anthroponym and an abstract concept called by this name.

Keywords: *onima, symbol, constant, culture.*

ЭРГОНИМЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЕРБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО ГОРОДА

Полыгалова Софья Алексеевна

студент Томского государственного педагогического университета,
Томск, Россия
sonya_polygalova@mail.ru

Курьянович Анна Владимировна

доктор филол. наук, зав. кафедрой теории языка и методики
обучения русскому языку, профессор Томского государственного
педагогического университета, Томск, Россия
anna.kurjanowitch@yandex.ru

Эпоха конца XX – начала XXI вв. в России характеризуется значительными изменениями в сфере экономики, которые обусловили появление большого количества предприятий различного функционального профиля, что вызвало «ономастический бум», потому что каждое предприятие нуждалось в оригинальном названии. Эргонимы как один из важнейших компонентов любого вербального городского пространства представляют специфический пласт лексики современной языковой системы, отражают принципиальные изменения, произошедшие или происходящие в социальной сфере общества, а также языковую картину мира на уровне соответствующего фрагмента [Бондалетов; Дубовец; Карпенко; Китанина, Косякова; Кондратова; Крюкова; Романова; Суперанская; Шимкевич].

Объем исследований в области эргонимии как составляющей вербального пространства региона, в частности города Томска, невелик, поскольку в основном изучается языковой материал, эксплицированный в локусе крупных городов России. Так, объектом анализа стала эргонимика Томска [Бутакова], Сургута [Сафонова, Ермаковская], Новосибирска [Носенко]. При этом обозначенную проблему можно считать насколько малоизученной, настолько и актуальной. Пристальный интерес лингвистов направлен сегодня,

например, на исследование названий заведений общественного питания.

Цель настоящей работы – изучить эргонимы г. Томска как составляющие языкового портрета регионального города.

Материалом исследования выступают лексические единицы – названия кафе и ресторанов г. Томска.

Ономастическое пространство (термин В. Н. Топорова), которое охватывает множество наименований различных объектов, является одним из компонентов языка города и определяется моделью мира, существующей в представлениях данного народа в конкретное время, но в нём всегда сохраняются элементы прежних эпох [Топоров, с. 4].

Эргоним является особой разновидностью *онима*, т.е. единицей ономастической системы, и имеет все его отличительные признаки. Согласно определению, содержащемуся в «Словаре русской ономастической терминологии», под *эргонимом* мы понимаем «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, с. 7].

Эргонимы как языковые единицы при воспроизведении в речи выполняют определенные функции. Ведущими функциями эргонимов являются: номинативная, информативная и рекламная; в качестве второстепенных выделяются: социальная, эмоциональная, кумулятивная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая. Многофункциональность данного разряда ономастической лексики зависит от той мыслеречевой деятельности номинатора, при которой определяются ведущие и дополнительные функции имени при номинации объекта.

Вопрос классификации эргонимов является одним из актуальных, поскольку данный вид онимов не поддается четкому структурированию. Подходы к классификации эргонимов различны, это обусловлено их принадлежностью к лексической системе языка и к той области знаний, с которой они связаны. Свои классификации предлагают В. Д. Бондалетов, И. В. Крюкова, Т. А. Новожилова, М. Е. Новичихина, Т. П. Романова, А. В. Суперанская, Н. В. Шимкевич и другие.

В рамках данного исследования мы анализируем 132 языковые единицы, называющие заведения общественного питания, –

трапезонимы. В качестве материала исследования использовались данные интернет-ресурса 2gis.ru, на основе которого методом сплошной выборки были собраны трапезонимы г. Томска.

Остановимся подробнее на структурно-типологическом и функциональном анализе трапезонимов г. Томска.

С точки зрения семантики, заключённой в названиях эргонимов, можно сделать вывод, что самой многочисленной является группа эргонимов, в основе номинации которых – *имена неодушевленные* (116 наименований – 87,87 %). Например, кофейня «ProCofe», гриль-кафе «Молчание ягнят» и ряд кафе: «ХинКали-Гали», «Счастье», «Наше кафе», «БАЙКАЛ», «Багет Омлет», «Солянка», «Leto», «Северный Союз», «Бамбук», «Летняя Веранда», «Кофешенк», «Буланже», «У Фонтана», «Библиотека», «Кафе мир», «Дрезден». Менее многочисленной является группа эргонимов, *называющих живых существ и существ, воспринимаемых как живые* (16 наименований – 12,12%): например, кафе-бар «Барин» и кафе «Славянка», «ЧАРОДЕЙ», «Медведи», «Гости», «Птичка», «Томичка».

Все анализируемые названия кафе и ресторанов можно также разделить на *реальные* и *символические*. К реальным отнесём эргонимы, которые своим названием указывают на содержание или деятельность данного объекта. Например, кафе «ХинКали-Гали», кофейни «ProCofe» и «ШоколадЪ», кафе «Багет Омлет», «Солянка», «Кофешенк», «Pastamama», «Вкусная еда», «Пирогово», «Мэйк Лав Пицца», «Сибирские блины», «Мангал-house», «Сырник», «Грильница», «ConffeTea». Эргонимы с реальной мотивацией (17 наименований – 13 %) дают наиболее обширное представление об услугах предприятия, являются точными, не вводят в заблуждение потребителей, однако они представлены малочисленной группой по сравнению с символическими, которые несут отвлечённый характер, никак не указывая на сферу деятельности предпринимателя (115 наименований – 86 %): например, названия таких кафе, как «Полная чаша», «Вышка», «Жемчужина», «Серебряная башня», «Хлеб соль», «Старый город», «Сибирское бистро», «Time Cafe Вместе», «Klaus Cafe», «Август», «Золотой ключик», «Золотая долина», «Оазис», «Калинка».

Эргонимы представляют собой структурно-целостные единицы. Большинство томских эргонимов представлено однословными простыми образованиями, реже встречаются двухсловные конструкции.

Структурные типы эргонимов: *однословные* эргонимы составляют 79 наименований (59,09%):

а) *однокорневые* (основа которых совпадает с корнем) – 47 наименований, например, кафе «Мираж», кафе «Diners», кафе «Париж», кафе «Ковчег», ресторан «Шале», ресторан «Инжир», ресторан «Снегири», ресторан «Нарым»;

б) *производные* (основа которых содержит корень и аффикс) – 17 наименований, например, кафе «Пирогово», кафе «Вышка», кафе «Калинка», кафе «Научка», кафе «Застолье», кафе «Сырник» кафе «Грильница», кафе «Ёлка», ресторан «Южане», ресторан «Горчица»;

в) *сложные* (основа которых содержит две и более корневых морфем) – 18 наименований, например, кафе «Счастье», кофейня «ProCofe», кафе «Кофешенк», кафе «Библиотека», кафе «Pastamama», кафе «Мангал-house», кафе «Хинкали-Тун», кафе «Кафебуфе», ресторан «Хлеб-соль»;

г) *имена собственные* – 10 наименований, например, кафе «БАЙКАЛ», кафе «Дрезден», кафе «Italy», кафе «София», кафе «Прованс», кафе «ЛАВЕРНА», кафе «Париж», ресторан «Нарым», ресторан «Меркурий».

Двух-трехсловные эргонимы составляют 49 единиц (35,25%): например, кафе «А мы тут всё плюшками балуемся», кафе «City Cafe», кафе «У мамы», кафе «Кафе Кафедра», кафе-пекарня «YOUR PIE», ресторан «Medium, please», ресторан «Театральный Сквер», ресторан «Santa Monica stereo cafe», ресторан «Венский Двор», ресторан «Старый Чердак», ресторан «Мама, я дома».

В ходе исследования нами было выявлено, что, как правило, трапезонимы образуются двумя способами: семантическим и морфологическим. Выяснилось, что наиболее продуктивными лексико-семантическими способами образования томских трапезонимов являются:

а) *трансонимизация*. В процессе трансонимизации активность разных групп исходных онимов различна. Чаще используются антропонимы и топонимы, реже единицы других классов. Форма исходного имени при трансонимизации остаётся неизменной. Антропонимы представлены в названиях заведений общественного питания именами в маленьком количестве: кафе «София», кафе «ЛАВЕРНА». Фамилии в эргонимах не встречаются. Топонимы в качестве исходных онимов трансонимизации немногочисленны:

кафе «БАЙКАЛ», кафе «Дрезден», кафе «Italy», кафе «Прованс», кафе «Париж», ресторан «Нарым».

б) *онимизация*, которая представлена метонимией: кафе «Кудесы», кафе «Italy» (перенос осуществляется по разным основаниям: местоположению объекта, этнической характеристике, профессии и роду занятий адресата-посетителя, характеру кухни и т. д.) и метафорой: кафе «8 небо», кафе «Старый город», кафе «Золотая долина» и др.

в) *заимствование*. Среди таких эргонимов г. Томска чаще можно экзотизмы, сохранившие иноязычную графику: кафе «Klaus Cafe», кафе «Cat Space» и др.

г) *морфемная деривация*. Способ менее употребителен и представлен только суффиксальным способом.

В результате анализа эргонимов г. Томска с точки зрения основных функций, мы выяснили, что томские трапезонимы в большей мере *рекламны*: кафе «Вкусная еда», гриль-кафе «Молчание ягнят»; и *информативны*: кафе «Багет Омлет», кафе «Кофешенк», кафе «Сибирские блины», ресторан «Мясо и Вино».

Благодаря информации, заключенной в именах собственных, и способу её подачи, эргонимы достигают своей основной цели – привлечения внимания клиентов. Названия заведений общественного питания г. Томска содержат информацию двух типов: *рекламную* и *номинативную*. Чтобы установить, какая информация наиболее актуальна для потребителей нами был проведен опрос, в котором участвовало 30 студентов 2 курса ИФФ ТГПУ. Оказалось, что актуальным является соединение в одном эргониме рекламной и номинативной информации («ШоколадЪ» - 45% - содержит рациональную информацию; «Underground» - 58% - содержит рекламную информацию): информативно-рекламные названия информируют об услуге и одновременно дают салону высокую оценку заведению.

Таким образом, эргонимы занимают значительное место в ономастическом пространстве и характеризуются подвижностью корпуса, недолговечностью и разнообразием форм наименований, полученных по определенным семантическим моделям. Эргонимы – лингвокультурный феномен, который является результатом взаимодействия собственно лингвистических и экстралингвистических факторов. Подчиняясь законам языка,

эргонимы отражают особенности экономики, права, географии определённого региона, поскольку создаются для конкретной территории со сложившимися культурными традициями. В нашем исследовании мы проанализировали 132 наименования кафе и ресторанов г. Томска с точки зрения их структурно-семантических особенностей и специфики функционирования в пространстве города. Результаты нашего исследования являются предпосылкой для дальнейшего описания эргонимов г. Томска как единиц ономастического пространства языка города с точки зрения когнитивной, коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии, социономастики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
2. Бутакова Е. С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (131). С. 146–151.
3. Дубовец В. А. Семантические характеристики наименований объектов общественного питания (на материале городов Великобритании) // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе республики Беларусь: сборник материалов IV Республиканской научной интернет-конференции. Могилев: Изд-во Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова, 2016. С. 124–126.
4. Карпенко Ю. А. Специфика ономастики // Русская ономастика. Одесса, 1984. С. 3–16.
5. Китанина Э. А., Косякова Я. С. Российские эргонимы и маркировки в ономастическом пространстве // Молодой ученый. 2017. № 22.1 (156.1). С. 12–14.
6. Кондратова А. В. Функции эргонимов в контексте их классифицирующей характеристики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 105–107.
7. Крюкова И. В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1993. 21 с.
8. Носенко Н. В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 218 с.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 198 с.

10. Романова Т. П. Проблемы современной эргонимии // Вестник Самарского государственного университета. 1998. № 1 (7). С. 82–90.
11. Сафонова Н. Н., Ермаковская Т.А. Особенности эргонимии города Сургута в начале XXI века (на материале коммерческих эргонимов) // Вестник урведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 260–270.
12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
13. Топоров В. Н. Из области теоретической топонимии // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.
14. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 22 с.

Существование эргонимов в вербальном городском пространстве связано с различными лингвистическими и экстралингвистическими факторами. В статье представлен структурно-типологический и функциональный анализ наименований заведений общественного питания, в частности названий кафе и ресторанов г. Томска. Анализ фактического материала показал, что с точки зрения семантики эргонимы характеризуются разнообразием форм наименований, а с точки зрения основных функций томские трапезонимы в большей мере рекламны, чем информативны.

Ключевые слова: эргоним, трапезоним, языковое городское пространство, функции эргонимов, классификация эргонимов, Томск.

ERGONYMS AS A COMPONENT OF THE VERBAL SPACE OF A REGIONAL CITY

S. A. Polygalova, A. V. Kuryanovich

The existence of ergonyms in the verbal urban space is associated with various linguistic and extralinguistic factors. The article presents a structural-typological and functional analysis of the names of public catering establishments, in particular the names of cafes and restaurants in Tomsk. The analysis of the factual material showed that from the point of view of semantics, ergonyms are characterized by a variety of forms of names, and from the point of view of the main functions, Tomsk trapezonyms are more advertising than informative.

Keywords: ergonym, trapezonym, linguistic urban space, functions of ergonyms, classification of ergonyms, Tomsk.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

УДК 811.161.1

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕСОБСТВЕННО- ПРЯМОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ Д. А. БЫКОВА «ИЮНЬ»

Загертдинов Рузиль Насимович

студент филологического факультета НГПУ, учитель русского языка
и литературы МБОУ «Лицей-интернат № 79»,
Набережные Челны, Россия
zagertdinov.ruzil@mail.ru

Несобственно-прямая речь, являясь одним из видов чужой речи, характеризуется слиянием авторской речи с речью героя произведения. Она является одним из центральных компонентов теории «автора» М. М. Бахтина и проблемы «точки зрения» в трудах Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана. В данное время прослеживается интерес к несобственно-прямой речи в контексте литературного текста, нарратива. Такое изучение требует глубокого осмысления коммуникативного анализа текста и разработки проблематики повествующего субъекта. Эта проблема позволяет расширить взгляд на несобственно-прямую речь и её функционирование в художественном произведении.

Особенно интересно употребление конструкций несобственно-прямой речи в современной русской литературе. Как отмечает О. П. Глухова, современная художественная русская проза конца XX – XXI веков, характеризуется антропоцентричностью и ярко выраженной субъективацией повествования как ведущего принципа организации текста [Глухова, с. 270]. Поэтому одним из активных приёмов выражения субъективации повествования становится несобственно-прямая речь, которая обладает большим потенциалом изображения и раскрытия характера персонажей художественного произведения.

Включение в повествование чужой речи предоставляет автору свободу в построении произведения. Эта форма передачи чужой речи «вплетается в авторское повествование, одновременно

позволяя звучать в нём голосу персонажа, происходит «размывание» границ между речевыми структурами» [Глухова, с. 270]. Несобственно-прямая речь «предоставляет писателю большую свободу в построении произведения и «позволяет ему более полно выразить свою позицию относительно описываемого в произведении» [Калинин, с. 67].

Среди множества произведений современной русской литературы стоит выделить роман Д. Л. Быкова «Июнь», в котором несобственно-прямая речь выполняет особую синтаксико-стилистическую роль. Роман Дмитрия Быкова, писателя, публициста и литературного критика, «Июнь», опубликованный в 2017 году, представляет собой исторический роман, состоящий из трех повестей о жизни москвичей в течение двух лет, которые предшествовали Великой Отечественной войне.

Рассмотрим художественные возможности употребления несобственно-прямой речи в романе Д. Л. Быкова «Июнь».

Включение в произведение конструкций несобственно-прямой речи позволяет дать определённую характеристику персонажам произведения одновременно от лица автора и персонажа произведения: *«И он подумал, как это прекрасно – что Валя провожала его на лестнице, а Лия проводит на катке»* **Прямо как ангел и демон** [Быков, с. 224]. В этом примере несобственно-прямая речь «прямо как ангел и демон» продолжает мысли главного героя Миши Гвирцмана и представляет собой внутренний монолог, сравнивающий девушек Миши.

Также несобственно-прямая речь позволяет выразить авторское отношение к какому-либо явлению или персонажу, или самих персонажей друг другу: *«Этот типаж Мишу бесил, как бесил его и Сева с чистыми глазами, пухлыми губами и непокорными вихрами. Он весь был словно сделан для того, чтобы с него списывали Хорошего из гущи, и в самой его простоте, неброскости и свойскости был самый ужасный, самый неисправимый фальшак»* [Быков, с. 261].

Этот пример четко раскрывает двойственный характер несобственно-прямой речи, в которой соединяются голоса автора и персонажа. Это можно увидеть в смешении в авторском повествовании слов с различной стилистической окраской (окказионализм «свойскости», жаргонизм «фальшак») и

использовании стилистических фигур речи. Особенно ярко это выражено в характеристике главного героя, где автор включает вставные конструкции, в которых трудно определить, кому принадлежат реплики – автору или персонажу: *«На вступительных испытаниях они с Вале́й пересечься не могли, потому что Миша, почти отличник (**подгадила геометрия**)...»* [Быков, с. 15], *«Парижская школа любви заключалась отнюдь не в искусности (**искусности он навиделся**), дело было в полном <...> угадывании желаний за секунду до того, как они осознаются»* [Быков, с. 315].

Другая особенность употребления несобственно-прямой речи в романе Дмитрия Быкова «Июнь» заключается в том, что эта форма чужой речи появляется в эпизодах произведения, отмеченных особой экспрессивностью описания. В этих случаях несобственно-прямая речь выступает как особый приём создания эмоционального воздействия на читателя. Проиллюстрируем эту мысль примерами из текста.

Реакция главного героя на неожиданную повестку из военного комиссариата перед войной описана в романе следующим образом:

«Теперь все стало понятно, и надо было спокойно и просто готовиться к переходу в другую жизнь – нет, нет, не так радикально, обратился он к невидимой публике, но к другой форме существования. И пора уже наконец проверить, чего ты стоишь: если ты так уверенно внушаешь себе, что стал другим и расплевался с прошлым, – вот попробуй действительно стать и расплеваться, а я посмотрю. Кто я? Да тот я, который всегда смотрит; инопланетный пришелец из книжки, придуманной в детстве. Его тогда мучила мысль о своем я: ведь это я, и сейчас это я, и вот сейчас это я...» [Быков, с. 201].

В этом фрагменте четко выделяется персональная несобственно-прямая речь (по классификации Е. А. Казанковой), в которой большая часть реплики состоит из слов речевого паспорта персонажа. Повествование в этом отрывке романа словно замирает. Это позволяет читателю в точности пережить испуг и страх главного героя. Для достижения этого эффекта автор использует риторические вопросы и пропускает те конструкции, которые оформили бы прямую речь персонажа. Несобственно-прямая речь в этом фрагменте становится средством выражения тяжести принятия этой новости. Автор передаёт не только внутренний

монолог героя, но и его переживания. Стоит отметить в этом фрагменте и использование разных стилистических фигур речи. Усиливает экспрессивность отрывка множественное повторение личного местоимения «я»: *«Кто я? Да тот я...», «...мучила мысль о своем я: ведь это я, и сейчас это я, и вот сейчас это я...»*. Этот пример ярко демонстрирует способность несобственно-прямой речи выражать те мысли, эмоции и переживания, которые не всегда требуют слов и оказывают сильное влияние на персонажей произведения. Вместе с ними это эмоциональное воздействие испытывает и читатель. Как отмечает В. В. Бабайцева, «в форме несобственно-прямой речи чаще передаются невысказываемые мысли героя» [Бабайцева, с. 252]. В целом, этот фрагмент дополняет образ героя, передаёт «портрет его души» в монологическом единстве, организованном несобственно-прямой речью.

Описанный фрагмент с несобственно-прямой речью из романа «Июнь» о новости о призыве в армию передаёт тяжёлые, негативные переживания героя. Однако в романе приём несобственно-прямой речи также может оформлять и яркие, положительные эмоции персонажей произведения. Так описано сильное эмоциональное потрясение Миши Гвирцмана об отмене призыва: *«Если бы не рюкзак, за который он был теперь матери до слез благодарен, – он бы улетел, ей-богу. Взлетел бы в небо, почти уже весеннее. И ему было стыдно, и он не понимал: неужели так боялся, неужели отмененный призыв во вполне мирную армию довел его до детских, девчоночьих, стыдных слез?»* [Быков, с. 231].

В этом отрывке речь обращена к самому себе. Это особый способ рефлексии персонажа, который часто встречается на протяжении всей первой части романа. Эффект радости отрывка усиливает авторский «голос», который выделяется при помощи знака препинания тире. Также отметим, что приёмом усиления эмоциональности выступает градация, включённая в несобственно-прямую речь: детских – девчоночьих – стыдных. Этот градационный ряд, представляющий цепь контекстных синонимов, создаёт имитацию устной, спонтанной речи, подбора персонажем слов для более точной формулировки своей мысли. Использование данных конструкций передаёт особое эмоциональное переживание главного героя, оформленным монологом в несобственно-прямой речи.

Однако несобственно-прямая речь в романе также может оформлять и фрагменты текста, передающие диалоги персонажей. В романе «Июнь» такое употребление встречается неоднократно: *«Ты что, Мишка, сказала она. Мишка! Он никогда не слышал, не чаял услышать от нее ничего подобного. Ты что, краснеешь? Ну да, краснею, ответил он, и это был первый его удачный шаг в отношениях к ней. Всего глупей было бы сказать «нет, что ты» – и запунцовать окончательно. Да, я краснею, мне неловко. Мне вообще все теперь с тобой неловко. Да, сказала она вдруг по-взрослому, как умела, и проступило на секунду все ее настоящее обаяние, вот уж два месяца как спрятанное. Со мной всем теперь неловко, все сочувствуют и никто не подойдет. А я что ж, я человек. Я в кино иногда хочу. Но мне нельзя. Ты понимаешь? Он кивнул, и так ее было жалко в эту минуту!»* [Быков, с. 30].

В этом отрывке переплетаются разные формы передачи чужой речи. В нём есть предложения, построенные по типу прямой речи, однако в них отсутствует соответствующая пунктуация. Также есть конструкции, которые представляют фразы героев и вводятся в текст без оформления и указания на чужую речь и представляют собой несобственно-прямую речь. Так, всё диалогическое единство отрывка представляет собой особое художественное пространство текста. Д. Быков пытается передать особенности реального разговора, не всегда имеющего чёткую структуру. Реплики перемешиваются с действиями практически так же, как это могло бы происходить в действительности. Такое оформление диалога в тексте с помощью несобственно-прямой речи создаёт особое течение художественного времени, имитирующего реальное.

Стоит отметить, что несобственно-прямая речь встречается в большинстве случаев в первой части произведения. Главный герой этой части – студент, начинающий поэт, который подвержен бурным эмоциям. Его обвиняют в поступке, который он не совершал, здесь автор использует персональную несобственно-прямую речь, состоящую из лексического повтора: *«И понесло, понесло...»* [Быков, с. 56], *«И тогда вылез Гольцов. О, Гольцов»* [Быков, с. 57]. Причем во втором примере автор добавляет к конструкции лексического повтора междометие *О*, которое усиливает выражение ироничного отношения Миши Гвирицмана к студенту Гольцову.

Также в произведении довольно часто встречаются конструкции с диффузной несобственно-прямой речью, в которой происходит слияние двух «голосов». Так, в следующем примере автор размышляет о студенческой жизни на филологическом факультете главного героя первой части – Миши Гвирцмана, чей голос звучит одновременно с автором. В конструкции с несобственно-прямой речью, состоящей из риторического вопроса, можно проследить голоса автора и героя: *«И начался третий курс, и по случаю его начала – чему радовались, интересно? – всех собрала Клара Нечаева, у нее была настоящая трехкомнатная квартира»* [Быков, с. 31].

Также стоит отметить, что большинство конструкций несобственно-прямой речи в романе «Июнь» представляют собой короткие предложения с эмоционально-экспрессивной окраской. Они позволяют передать весь спектр эмоций героев произведения, не нарушая ритм повествования. Например: *«Выходило так, что его должны были перемолоть, но пощадил; и теперь он чувствовал стыдное счастье, но и легкое – тяжелевшее, впрочем, со временем, – разочарование: не сгодился»* [Быков, с. 235].

Интересны в романе и маркеры выделения несобственно-прямой речи. Автор в большинстве случаев разделяет эти вставные конструкции при помощи знака препинания тире. Например: *«Говорить матери он не стал – что такое, справится сам»* [Быков, с. 202].

Нарраториальная несобственно-прямая речь, которая характеризуется господством авторской позиции, в романе четко выделяется скобками, т. е. оформляется как вставная конструкция. В следующем примере голос автора даёт определённую характеристику второму персонажу произведения: *«Я хочу прожить с тобой то немногое, что мне осталось (шутки на тему своей старости он практиковал регулярно)»* [Быков, с. 306]

Приведённый анализ фрагментов текста романа Дмитрия Быкова «Июнь», построенных на основе несобственно-прямой речи, наглядно показывает возможности этого приёма передачи чужой речи в текстах современной русской литературы как создания экспрессивности высказывания, риторического усиления воздействия на читателя, построения монологических и диалогических единств, объединения отношения автора и

персонажей к описываемым событиям, передачи устной, спонтанной речи и характеристики персонажей произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
2. Быков Д. Л. Июнь. М.: АСТ, 2018. 507 с.
3. Глухова О. П. Несобственно-прямая речь как способ выражения авторской модальности в современной прозе // В мире научных открытий. 2013. С. 269-275.
4. Калинин К. А. Несобственно-прямая речь в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Филология и культура. 2021. № 4(66). С. 66–71.

В статье рассматриваются особенности употребления несобственно-прямой речи в романе Д. Л. Быкова «Июнь». Исследование показало, что несобственно-прямая речь – это не только форма передачи чужой речи, но и нарративный приём формирования сюжетной линии, где принимают участие не только персонаж произведения, но и автор и читатель. В романе Д. Л. Быкова «Июнь» несобственно-прямая речь оформляет как монологическую, так и диалогическую речь.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, современная русская литература, Д. Л. Быков.

SEMANTICS AND FUNCTIONING OF IMPROPER-DIRECT SPEECH IN D. L. BYKOV'S NOVEL "JUNE" R. N. Zagertdinov

The article discusses the features of the use of improperly direct speech in D. L. Bykov's novel "June". The study showed that improperly direct speech is not only a form of transferring someone else's speech, but also a narrative technique for forming a storyline, where not only the character of the work takes part, but also the author and reader. In D. L. Bykov's novel "June", improperly direct speech forms both monologue and dialogic speech.

Keywords: improperly direct speech, modern Russian literature, D. L. Bykov.

СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В ПРОЗЕ Д. А. БЫКОВА

Павлова Елена Дмитриевна

магистрант филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 28», Набережные Челны, Россия
elena-pavlova-1997@mail.ru

Создавая художественный текст, автор ставит перед собой задачу не только донести до читателя определённое смысловое содержание произведения, но старается подобрать языковые средства таким образом, чтобы воздействовать на эмоции адресата и его отношение к написанному. Подтверждение этому можно найти в античной риторике. Например, софисты пришли к выводу, что предназначение речи состоит в изменении представлений человека о существующем положении дел. Авторская интенция представляет собой направленность сознания, и в основе такой направленности лежит замысел. Интенция является составляющей коммуникативных смыслов и выступает в качестве движущей силы и мотивации – то есть побудительным импульсом к созданию новой действительности.

Понятие о литературном творчестве как виде коммуникации возникло в XX в. В то же время в произведениях писателей стали чаще встречаться разговорные конструкции с целью сделать общение автора и читателя более живым, непосредственным, динамичным.

Достичь данной цели позволяют экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. **«Экспрессия** – это особое языковое явление, заключающееся в подчеркивании, выделении того или иного отрезка речи на нейтральном фоне. Важнейшими средствами синтаксической экспрессии являются интонация и расположение отрезков речи» [Попов, с. 256].

Конструкции экспрессивного синтаксиса – синтаксические структуры письменного текста, передающие информацию актуализированно. Во второй половине XX в. появился термин «экспрессивный синтаксис», который представлен в письменной речи, прежде всего в художественной литературе и публицистике.

Разграничение экспрессивного и эмоционального на синтаксическом уровне основано на том, что экспрессивное обладает сознательно воздействующей силой, в то время как эмоциональное в языке, и в синтаксисе также, является непроизвольным выражением чувств и настроения говорящего, без преднамеренности со стороны говорящего. Экспрессивные конструкции, основанные на расчленении синтагматической цепочки, на нарушении цепочки словоформ, организованных стойкими морфологическими показателями синтаксических связей, – это так называемый «рубленный» (Ф. М. Достоевский), «раскрошенный» (В. В. Виноградов) синтаксис. Сюда можно отнести парцелляцию, сегментацию, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции, цепочки номинативных предложений, вставные, экспрессивно-стилистическое словорасположение, когда рема предшествует теме [Синтаксис, с. 83].

Можно сказать, что все конструкции экспрессивного синтаксиса представляют актуализирующий тип прозы, который появился уже в первой половине XIX в. и особенно часто стал употребляться в XX и XXI в., параллельно с синтагматическим типом. В актуализирующем типе прозы синтаксический принцип организации строится на интонационном и смысловом выделении элементов предложения (или текста). Предложения становятся короче, преобладает бессоюзие и однородность, связь в подчинительной грамматической форме между предложениями употребляется редко, цепь отдельно оформленных предложений составляет связанный темой отрывок, интонационно здесь гораздо больше акцентов, вызванных небольшой длиной предложений [Синтаксис, с. 9].

Появление первых экспрессивных конструкций можно отнести к художественной прозе XIX в. Учёный-лингвист В. В. Виноградов наблюдал данное явление в «Пиковой даме» А. С. Пушкина. Писатель, основоположник современного русского литературного языка, использовал в своих произведениях эту «языковую стихию», оценив её эмоциональную насыщенность, выразительность, непринуждённость, динамичность и яркость [Виноградов]. Например: *«Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось»*. Появление в художественных текстах сегментированных конструкций объясняется усилением влияния разговорной речи на письменную. В этом проявляется «способность языка к самоналадке,

приспособлению к новым условиям». Их можно встретить в произведениях писателей того времени, однако не так часто: время для активного применения сегментированных конструкций ещё не настало.

Одним из средств экспрессивного синтаксиса является сегментированная конструкция, изучение которой обращает на себя внимание круга учёных, таких как Г. Н. Акимова, А. Н. Голайденко, Л. Е. Майорова, А. С. Попов, Ш. Балли, М. А. Мицель, Л. А. Булаховский и др.

Сегментация – приём письменной речи, отражающий синтаксическую расчлененность высказывания, при которой в инициальную позицию выносятся фрагмент, служащий поводом для высказывания. Прием приводит к актуализации информации. Суть явления в подаче информации сегментами, формальные связи между которыми ослабляются, при этом изменяется ритмико-мелодическая характеристика фразы, что на письме отражается знаками тире, точки, многоточия, вопросительным или восклицательным знаками. С одной стороны, длина предложения сокращается, с другой – границы предложения нарушаются. Экспрессия сегментированных конструкций определяется не лексикой, а с самой структурой [Синтаксис, с. 121].

Наиболее известный представитель сегментированных конструкций – «именительный представления» (по определению А. М. Пешковского) – впоследствии стал «именительным темы» по предложению А. С. Попова, выявившего рост частотности конструкции в текстах художественной литературы и публицистики советской эпохи.

В именительном темы способ выражения сегмента – существительное в Им. п. или инфинитив, а в базовой части сегмента соответствует местоименное слово (существительное или наречие), А. М. Пешковский описал употребление конструкции так: 1) в разговорной речи, в которой экспрессия соотносится с разрывом синтаксических связей; 2) в художественной речи с целью имитации разговора и в речи автора, где употребление конструкции – стилистический прием с особым интонационным выделением (А. М. Пешковский – «задумчивая» интонация; И. П. Распопов – «ожидательная» интонация), с чем и связана экспрессия; 3) в устной научной речи «лекторский именительный падеж» используется с

целью логического выделения представления, разговорность конструкции также утрачивается: «**Односоставные предложения. О них до сих пор ведется много дискуссий**» [Синтаксис, с. 72].

Благодаря именительному темы возникает особое напряжение, настроение ожидания. А. С. Попов утверждает, что сегментированное высказывание нельзя делить строго на тему и ремю, так как тема получает в реме вторичное обозначение, за счёт чего и достигается экспрессивность. Эта мысль легко обнаруживается в сравнении: «**Весна... она наполняет сердце радостью**» и «*Весна наполняет сердце радостью*»; «**Философский камень... Когда-то это была великая зовущая идея**» (Сартаков) и «*Философский камень был когда-то великой зовущей идеей*» [Попов, с. 260].

Номинативное предложение можно принять за именительный темы, поэтому следует обозначить их отличие: именительный темы опирается на последующее предложение, а номинативное предложение выступает как полностью самостоятельное. Сравним: «*Чистый воздух. Пение птиц. Мы в деревне*» и «**Чистый деревенский воздух. Его мне не забыть**» [Попов, с. 261].

Как отмечает А. С. Попов, в части сегментированной конструкции, последующей за именительным темы, чаще всего встречается местоименный коррелят, однако наряду с этим учёный выделяет и другие способы повтора главной темы:

1) использование того же слова дважды или применение синонима без местоимения. Например: «*И Маглидзе задумчиво сказал: – **Подвиг!** А что такое **подвиг?** Очень интересно!*» (Б. Лавренев, Подвиг);

2) в предложении имеется лишь самое общее обозначение того, что обозначено именительным темы, – без участия местоимений. Например: «*Война и мир! Более важной проблемы сейчас нет*» [Попов, с. 262].

По мнению А. М. Коняшкина, конструкции экспрессивного разговорного типа преобладают в малых формах литературных произведений – в рассказах [Коняшкин]. Этот жанр наиболее располагает к тому, к чему стремится язык – к экономии языковых средств, так как избегает развёрнутых повествований. Данную особенность можно проследить в творчестве современного писателя

Дмитрия Львовича Быкова. В частности, в его сборнике «ЖД-рассказы».

В исследуемом сборнике были выявлены следующие виды сегментированных конструкций и даны описания интенций, которые благодаря им достигаются:

1. Предложения, в которых первая часть – это существительное, вторая – местоимение.

«Благотворители. Они обманывают всех, а говорят, что помогают» («Мужской вагон») [Быков]. Данная сегментированная конструкция ярко и точно передаёт внутреннее состояние героя, а точнее – его недовольство и скептицизм.

«Дружба – такое удивительное, прекрасное чувство... оно, мне кажется, даже больше любви» («Миледи») [Быков]. В этом примере благодаря сегментированной конструкции и многоточиям между её частями достигается особое лирическое настроение героя.

Одна из функций сегментированной конструкции – усилить интерес к дальнейшему повествованию: «Но **Олег** – он так рассказывал!» («Обходчик») [Быков].

«Феномен, феномен. Я приберегу **его** для романа» («Обходчик») [Быков]. В данном примере наблюдается повтор именительного темы, чем создаётся неторопливый темп повествования.

Сегментированная конструкция в сочетании с многоточием помогает в создании художественного образа героя. В следующем примере она характеризует говорящего как понимающего и деликатного собеседника, располагающего читателя к себе: «Согласитесь, что сама по себе **ситуация отъезда**... от всего привычного... она предполагает некий стресс» («Проводник») [Быков].

Далее в данной подгруппе будут продемонстрированы примеры не совсем типичные для «классических» сегментированных конструкций.

Инфинитив может выступать в позиции именительного темы: «Можно, Господи, **не вставать!** Это и есть истинный уют» («Обходчик») [Быков].

«Катя Остапчук, слышал такую фамилию?» («Киллер») [Быков]. Вторая часть конструкции состоит из местоимения и синонимичного теме существительного. Благодаря именительному

темы, отделённому запятой, повышается коммуникативная значимость высказывания.

Можно встретить тему, состоящую из личного и вопросительного местоимения, и реме, включающую ответ в виде личного местоимения и прилагательного: «**Видишь, я какой... Я старый, и толстый, и немодный**» («Миледи») [Быков]. Данная сегментированная конструкция вызывает у читателя ироничное отношение к герою.

Встречаются также примеры, где первая часть сегментированной конструкции может быть выражена именем числительным: «**Почему, есть, – усмехнулся Старцев. – Целых двое. Мы с тобой**» («Ангарская история») [Быков].

2. Конструкция, в которой первое обозначение (тема-сегмент) включает придаточное предложение.

«**Вот этот, который спит сейчас где-нибудь за красной зубчатой стеной или, как Сталин во время войны, в самарском бункере, – какой он гарант?**» («Обходчик») [Быков].

3. Конструкция с обратным расположением элементов: сначала местоимение, а в самом конце, с резким отделением от местоимения, следует имя существительное.

Данный тип сегментированных конструкций наиболее характерен для современных художественных произведений, что подтверждается на примере творчества Дмитрия Быкова. Здесь она употребляется автором для особого интонационного выделения.

Вместе с лексикой экспрессивная конструкция может создать пренебрежительное отношение к герою: «**Зато пишет. Никто не печатает, а он пишет. Писатель**»; «**И я понимаю, если бы там что-то... Но ведь пустое место, неудачник! Вообще по нулям!**» (Битки «Толстовец»). В последнем примере отделительное многоточие указывает на внутреннее состояние героя – грусть, негодование.

«**Топ-менеджеру главное что? Топ-менеджеру главное – полет фантазии**» (Битки «Толстовец»). Сегментированная конструкция может содержать в себе вопрос-ответную форму, а сегмент темы может повторяться в реме.

– «**Вот ты какой, постоянный читатель, – с тоской сказал Коробов. – Ага! – не почувствовал иронии Сережа**» (Битки «Толстовец»). Сегментированная конструкция в данном примере состоит из личного местоимения 2-ого лица и словосочетания

«постоянный читатель», которые вкупе приобретают обобщающе-оценочное значение, что придаёт речи героя экспрессивность.

«Слышь, молодой человек! Принеси нам еще **этих...**» **«Толстовских»**» (Битки «Толстовец») [Быков].

«**Он** хороший парень, **этот Паша**. Такой надежный такой. (Ангарская история)» [Быков]. Во втором сегменте конструкции присутствует указательное местоимение, что усиливает её экспрессивность и коммуникативное намерение автора о герое.

«А ведь это он дело сказал, – удивился Старцев. – Действительно **умный парень, Паша-то** («Обходчик»)» [Быков].

Сегментированная конструкция может создавать настроение ожидания и вызывать особое напряжение у читателя: «**Вот они, сирены Можарова**».

«– **Этот... в водолажном костюме...**

– В каком костюме?»

– Ну, **тот... который увел этого...**» («Можарово») [Быков].

Отделительное многоточие здесь указывает на внутреннее состояние героя – его страх, ужас, негодование и панику.

«А что еще **это** могло быть? – вскинулся он. – **Совпадения?**» («Чудь») [Быков].

В следующих примерах благодаря конструкции выделяется особая «задумчивая» интонация автора: «**Собственно, моя речь из них и состоит. Частицы и междометия**» («Отпуск») [Быков]. «**Они** немного философы, **эти настоящие киллеры**». («Проводник») [Быков].

4. Сегментированными можно считать предложения с подлежащим, нулевой связкой и именной частью с частицами *это* или *вот*:

«– **Про тыр-пыр**, – терпеливо пояснил он, – **это такая поговорка**» («Отпуск») [Быков].

5. Сегментированными можно считать предложения, в которых ряд однородных членов резко отделяется от обобщающего слова. Такое наблюдается тогда, когда нет соответствия в падеже или следующее за рядом предложение принадлежит к вопросительным или восклицательным со специальными словами. Такие примеры конструкций были найдены в исследуемых нами рассказах Д. Л. Быкова:

«Он ожидал чего угодно – монстров, уродов, бросающихся на решетку вагона...» («Можарово»);

«Заповедник, природа... Всё нормалдык!» («Можарово») [Быков].

«Он бывал в таких городах, хорошо знал их – желтые и серые домики, холмы, широкая стальная река, переливающиеся собаки, маленький базар с семечками, солеными грибами и китайским ширпотребом, обязательно районная библиотека имени родившегося здесь третьестепенного литератора, полуразвалившийся кинотеатр, иногда краснокирпичное заводское здание на целый квартал...» («Проводник») [Быков].

6. В исследуемом сборнике «ЖД-рассказы» Д. Быкова встречаются сегментированные конструкции, где используется одно и то же слово дважды или контекстный синоним без местоимения:

«Я обходчик здешний. Путевой обходчик, знаешь про таких?» («Обходчик») [Быков].

«Удивительный тип. Чистая, беспримесная тьма, без единого проблеска» («Ангарская история») [Быков].

«Кеворкян. Доктор Смерть» («Отпуск») [Быков]. В данном примере синоним «доктор Смерть» является контекстным.

Итак, тексты современной художественной литературы передают или имитируют спонтанную речь. Авторы нередко используют актуализирующий тип прозы, применяя в том числе и сегментированные конструкции. Рассматриваемые структуры способны создавать особую экспрессивность текста, вовлечь в процесс чтения, выявить авторскую позицию и споспешествовать возникновению диалога между читателем и писателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков Д. А. ЖД-рассказы. М.: Вагриус, 2007. 302 с.
2. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: ГИХЛ, 1941. 620 с.
3. Коняшкин А. А. «Сегментированные конструкции разговорного синтаксиса в рассказах В. М. Шукшина» // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 5(90). С.267–270.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 544 с.
5. Попов А. С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1964. С. 256–274.

6. Синтаксис современного русского языка: словарь-справочник / Акимова Г. Н. [и др.]. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 172 с.

Автор работы предпринимает попытку выявить специфику использования сегментированных конструкций как средства выражения авторских интенций. Актуальность исследования определяется характерной для современной лингвистики антропоцентрической направленностью. Материалом исследования явилось творчество современного писателя Дмитрия Быкова, его сборник «ЖД-рассказы. В данной работе также рассмотрены сегментированные конструкции с различной семантикой, играющие важную роль в создании диалога между автором и читателем.

Ключевые слова: сегментированная конструкция, именительный темы, авторские интенции.

SEGMENTED CONSTRUCTIONS AS A MEANS OF EXPRESSING AUTHOR'S INTENTIONS IN D. L. BYKOV'S PROSE

E. D. Pavlova

The author of the work attempts to reveal the specifics of using segmented structures as a means of expressing the author's intentions. The relevance of the study is determined by the anthropocentric orientation characteristic of modern linguistics. The material of the study was the work of the modern writer Dmitry Bykov, his collection "ZhD-stories. In this paper, segmented constructions with different semantics are considered, which play an important role in creating a dialogue between the author and the reader.

Key words: segmented construction, nominative themes, author's intentions.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Петрова Виктория Эдуардовна

магистрант филологического факультета НГПУ, учитель русского
языка и литературы МАОУ «Гимназия № 77»,
Набережные Челны, Россия
torypetrova999@gmail.com

Текст в современном языкознании выступает в качестве коммуникативной единицы, исследование которой осуществляется при помощи антропоцентрического подхода. Исследование художественного текста невозможно без анализа языковых средств, которые являются выразителями авторской мысли. Одним из самых ярких средств, участвующих в речевой организации текста, является категория субъективной модальности. Категория субъективной модальности является самостоятельной функционально-семантической категорией, посредством которой говорящий выражает своё отношение к действительности в тексте/речи. Средства выражения субъективной модальности играют важную роль в художественных произведениях, так как они выполняют функцию модального квалификатора, служат для фиксации логического ударения в высказывании, участвуют в оформлении дополнительной предикативности, присоединительных отношений и т.д.

Актуальность данной работы обусловлена включённостью в современную антропоцентрическую парадигму вопросов, касающихся субъективной модальности, и обращением к важным теоретическим проблемам художественного текста, в частности, к проблеме средств и способов выражения субъективной модальности.

В число средств выражения субъективной модальности входят эмоциональные междометия. Это объясняется особенностями семантики данной части речи, в которой преобладают эмоциональные и экспрессивные составляющие. В то же время междометия способны выступать в качестве эквивалента предложения и выполнять функцию модальных единиц, что

сближает их с экспликаторами субъективности [Орехова, с. 20]. Использование междометий с модальным значением относится к той области, где происходит пересечение семантического поля эмоций и семантического поля субъективной модальности. Также нужно отметить, что данная часть речи обычно употребляется в устной речи, поэтому эмоции, которые выражаются с её помощью, во многом зависят от интонации, что позволяет междометиям выражать различные чувства говорящего [Костомаров, с. 139].

При описании эмоциональных междометий в данной статье мы придерживаемся концепции В. В. Виноградова, который в своих научных трудах говорит, что «междометия составляют в современном русском языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волеизъявлений» [Колесникова, с. 260].

В качестве материала исследования мы использовали художественные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик», «Медведь на воеводстве», «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Премудрый пискарь», «Самоотверженный заяц», «Дурак», «Пропала совесть».

Нами рассмотрены и проанализированы междометия, при помощи которых передаются чувства говорящего (чувства радости, удивления, испуга, возмущения и т.п.), вносится дополнительный градуальный смысл в высказывание – усиление положительных/отрицательных оценок: *а, ах, ай, о, ой, ого, у, ух, ай-ай-йй, огого, э, эх, эй, м-да, эге, фи, тьфу, фу, увы, уф, ба, гм, м-да; господи, боже, боже мой, браво, батюшки, чёрт возьми, дудки* и т.д. Перечисленные междометия составляют пласт чисто субъективных речевых знаков, которые служат для выражения эмоциональных реакций говорящего о действительности, также эти междометия делятся на подгруппы: производные \ первичные междометия, звательные (вокативные) междометия, междометия, образованные от имён существительных.

В сказках писателя довольно часто встречаются первичные, производные междометия: *ах, гм, увы* (60% примеров из числа всех случаев употребления эмоциональных междометий). При помощи этого вида междометий выражаются чувства и эмоции.

Многие междометия этого класса довольно многозначны, например, междометие *ах* помимо удивления, может выступать в значении восхищения, испуга, возмущения, презрения, упрёка, порицания, досады и т.п. Значения этих междометий различны в зависимости от интонации или условий, при которых они употребляются.

В предложении *«Ах, как это хорошо! – хвалят помещика генералы, – стало быть, теперь у вас этого холопьего запаха нисколько не будет?»* [Салтыков-Щедрин, с. 296] междометие *ах* актуализирует положительную оценку и участвует в выражении чувств восторга, восхищения. Генералы восхищены новым укладом жизни «дикого» помещика, который остался без крепостных мужиков в своём хозяйстве. Гости пока не подозревают, чем губительно положение их собеседника. В приведённом предложении мы видим, что употребление междометия *ах* перед словами *как, какой* характерно для восклицательных высказываний и что данная конструкция служит для подчёркивания высокой интенсивности какого-либо признака, высокой степени проявления чего-либо.

В следующем примере междометие *ах* употреблено с «особой» интонацией и контекстуальным окружением, что также характерно для выражения оценки: *«Из-за тысячи вёрст прискакал, сколько прогонов и порционов извёл – и первым делом Чижики съел... ах!»* [Салтыков-Щедрин, с. 315]. Оценка в данном предложении отличается высокой эмоциональностью. Междометие *ах* выражает здесь крайнюю степень разочарования, из чего следует вывод, что *ах* может вносить в высказывания различные смыслы в зависимости от речевой ситуации. Также в качестве своеобразного эмоционально-волевого символа, междометия, которые находятся в препозиции, сообщают о последующем содержании высказывания, но в приведённом высказывании междометие располагается в постпозиции, и смысла высказывания более ясен в предыдущей фразе [Колесникова, с. 261]. Лесные жители проявляют негодование, разочарование, иронию к поступку Топтыгина. Никто не ожидал, что первые дни службы медведя обернутся таким позором.

Междометие *ах* находится в препозиции в примере *«Мечется Топтыгин, ночей не спит, докладов не принимает всё об одном думает: «Ах, что-то Осёл об моей майорской проказе скажет!»* [Салтыков-Щедрин, с. 315]. *Ах* здесь сообщает о последующем содержании высказывания и привносит значения страха, ужаса.

Медведя пугает, что начальство может осудить его за действия, которые привели к плохим последствиям. Топтыгин не спит и думает только о том, что ему скажут Осёл и Лев, которые вряд ли одобряют его поступки.

В текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина также встречается междометие *увы*: *«Увы! не знал, видно, Топтыгин, что, в сфере административной деятельности, первая-то ошибка и есть самая фатальная.»* [Салтыков-Щедрин, с. 313]. В высказывании *увы* выражает значения досады, разочарования. В сказке «Медведь на воеводстве» Топтыгин-1 совершил в начале своей административной деятельности непоправимую ошибку, съел Чижику, что привело ко всеобщему порицанию. Репутация медведя была испорчена и сам он больше ни у кого не вызывал уважения.

Среди непроизводных междометий в сказках писателя встречается междометие *гм*. Междометие *гм* относится к интеллектуально-эмоциональным междометиям, которые способствуют выражению степени проявления признака, интенсивности выполнения действия или состояния. Также *гм* участвует в выражении реакции субъекта речи на акт осмысления объектов реальной действительности [Колесникова, с. 265].

В предложении *«Гм... это хорошо, что невеста жениха любит, – говорит волчиха.»* [Салтыков-Щедрин, с. 308] волчиха размышляет о взаимоотношениях самоотверженного зайца и его невесты зайчихи. Она считает, что любовь зайцев может быть полезной для волков, так как у них в дальнейшем может появиться потомство, которое волки смогут съесть. При помощи междометия *гм* выражается задумчивость персонажа о ситуации, событии, различном положении дел.

В следующем высказывании междометие *гм* употреблено в реплике: *«Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?»* [Салтыков-Щедрин, с. 291]. В этом примере *гм* также участвует при размышлении героя. Генералы, находясь на необитаемом острове, терпя голод и различные неудобства, размышляют о том, что им необходимо найти мужика, который будет выполнять их различные приказания/желания, потому что иначе они могут погибнуть.

Междометие *эге* приносится в высказывания значения изумления и удивления, также оно используется при выражении согласия,

подтверждения чего-либо: *«Эге! – вспомнил он, – да, никак, это та самая тряпка, которую я насилу сбыл перед тем, как патент покупать! Да! Она самая и есть!»* [Салтыков-Щедрин]. В данном предложении междометие *эге* синонимично междометиям *ага*, *угу*. Прохорыч знаком с тряпичей (совестью), которую держит в руках. Его эмоциональная реакция на эту вещь вызвана тем, что он понимает, почему он внезапно *«...вдруг весь вспотел. Ему почему-то померещилось, что он торгует без патента...»* [Салтыков-Щедрин].

Среди часто употребляемых междометий в художественных текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина встречаются звательные (вокативные) междометия (20% примеров из числа всех случаев употребления эмоциональных междометий): *господи*, *боже мой* и т.д. К этому виду междометий относится множество различных звательных форм от омеждомеченных до таких, которые сохраняют близкие связи с формами имени существительного. Данный вид междометий малоизучен.

В примере *«Господи! всем я от тебя доволен, всем награждён! Одно только сердцу моему непереносно: очень уж много развелось в нашем царстве мужика!»* [Салтыков-Щедрин, с. 294] использовано междометие *господи*. «Дикий» помещик в приведённом высказывании взывает к богу, чтобы тот избавил его от мужика (крепостных). Ему до такой степени невыносимо видеть «мужика» в своём хозяйстве, что он готов молиться.

В следующем предложении уже крестьяне обращаются к богу: *«Вот и взмолились крестьяне всем миром к господу богу: – Господи! легче нам пропасть и с детьми мальми, нежели всю жизнь так маяться!»* [Салтыков-Щедрин, с. 295]. Междометие *господи* употребляется здесь с целью мольбы, просьбе о помощи. «Дикий» помещик ввёл так много запретов, что крепостным было сложно прокормить себя и свои семьи, поэтому у них не оставалось никаких возможностей улучшить свою жизнь, кроме как обратиться к богу.

Интересен случай употребления вокативного междометия в следующем высказывании: *«Тьфу ты, господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? – воскликнул в отчаянии другой генерал...»* [Салтыков-Щедрин, с. 290]. Употребление *«господи+тьфу»* меняет семантику вокативного междометия *господи*, так как вместе с ним употребляется междометие *тьфу*, которое выражает значение презрения,

негодования, таким образом данная конструкция выражает отрицательную эмоциональную реакцию – возмущение. Генерал, чувствуя сильный голод, не может слушать другого генерала, который читает в газете новости, связанные с темой еды. Ему тяжело даются мысли о еде, так как сильное чувство голода причиняет ему страдания.

В следующем предложении междометие выступает в значении «хорошо», «благополучно»: *«И каждый день, дрожа, победы и одоления одерживал, каждый день восклицал: «**Слава тебе, господи!** жив!»»* [Салтыков-Щедрин, с. 304]. Премудрый пискарь в течение всей своей жизни сильно боялся смерти, и в конце каждого дня, если ему удавалось выжить, он восклицал с облегчением междометие *Слава тебе, господи!* и продолжал прятаться в своей норе.

В речи персонажей М. Е. Салтыкова-Щедрина для выражения эмоционального состояния используются междометия, производные от имён существительных (20% примеров из числа всех случаев употребления эмоциональных междометий): *батюшки, глупости, страсть, ужас, беда, горе, батюшки мои, страсти какие* и т.д. Междометия этого вида отличаются от других характером интонации, смысловыми возможностями и синтаксическими особенностями, так как они появляются посредством различных переходов от имён существительных к междометиям.

В высказывании *«**Батюшки!** да из него Картуши выйдет! – невзвидела света мамочка.»* [Салтыков-Щедрин] употреблено междометие *батюшки*. *Батюшки* привносит в предложение значения испуга, опасения, негодования и т.д. Героиня произведения опасается, что её сын, дурак, в будущем станет Картушем (знаменитый вор и разбойник, живший и казнённый в Париже в 1721 году). Её сильная эмоциональная реакция вызвана тем, что дурак, чтобы помочь нищему, украл у собственной матери деньги, *«все три рублика нищему в суму и ухнул!»* [Салтыков-Щедрин].

В следующем примере *«**Батюшки!** не могу... несносно! – криком кричит жалкий пропоец, а толпа хохочет и глумится над ним.»* [Салтыков-Щедрин] междометие *батюшки* выступает в значении сильного испуга, страха. В произведении писателя «Пропала совесть» пропоец находит «совесть» в виде жалкой тряпицы, валяющейся на земле, которая становится для него тяжким бременем. Жизнь героя,

которая и до этого была нелёгкой, начинает приносить ему ещё больше страданий, так как совесть оказывает на него давление в виде воспоминаний о его прошлом существовании: «...встрепенувшаяся совесть указывает только один выход – выход бесплодного самообвинения» [Салтыков-Щедрин]. Пропойцу невыносимо его новое мироощущение, он чувствует только мучение, «...он просто сделал несчастную находку, которая разрывает на части его бедное сердце» [Салтыков-Щедрин], поэтому его речь эмоциональна, прерывиста, и он использует различные атрибуты разговорной речи, в том числе и междометие *батюшки*.

Междометие *батюшки* в следующем высказывании выступает в значении испуга и используется для призыва помощи: «Прибежала Арина Ивановна, но как только увидела, какое Прохорыч сделал приобретение, так не своим голосом закричала: «Караул! **батюшки!** грабят!»» [Салтыков-Щедрин]. Здесь мы видим, что при сочетании с междометиями различной семантики прямое значение междометия *батюшки* может меняться. Арина Ивановна была напугана поведением своего мужа, так как его действия из-за «приобретённой совести» сильно изменились.

Таким образом, мы видим, что междометия используются для усиления градуально-оценочной семантики всего высказывания/предложения, при этом важную роль при передаче различных значений играют речевая ситуация и интонация. Также междометия относятся к средствам, выражающим периферии функционально-семантического поля оценки, и могут выражать значения «очень хорошо/очень плохо», то есть крайние проявления каких-либо ситуаций, состояний, действий и признаков. Это доказывает, что междометия являются средством выражения субъективной модальности и приносят в текст/речь субъективные смыслы, которые заключают в себе отношение говорящего к действительности.

Проведённый нами функциональный анализ эмоциональных междометий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина заставляет иначе взглянуть на проблему подхода к их изучению. Нами было выявлено, что эмоциональные междометия, не являясь формально значимыми элементами и не выполняя структурные функции членов предложения, активно участвуют в усложнении семантического поля высказываний, что в итоге приводит к довольно сильной

трансформации смыслового пространства художественного текста. Это доказывает, что данная часть речи является важной составляющей коммуникативно значимых элементов художественного текста и может выступать в качестве стилеобразующего средства, которое характеризует авторскую манеру письма. Также мы считаем, что описание функциональной семантики эмоциональных междометий помогает объяснить особенности функциональных, коммуникативных и семантико-прагматических процессов в русском языке, что, на наш взгляд, является актуальным для дальнейших исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова С. М. и др. Современный русский язык в 3 т. Том 3. Синтаксис: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 301 с.
2. Костомаров В. Г. Современный русский литературный язык в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. – Москва: Юрайт, 2022. – 352 с.
3. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 45 с.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлёвы: Сказки. М.: Художественная литература, 1985. 367 с.

В статье раскрывается понятие об эмоциональных междометиях как средстве выражения субъективной модальности. На примере творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина рассматриваются особенности употребления и семантики эмоциональных междометий в художественных произведениях.

Ключевые слова: субъективная модальность, средства выражения субъективной модальности, эмоциональные междометия.

PECULIARITIES OF THE SEMANTICS OF EMOTIONAL INTERJECTIONS IN THE WORKS OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

V. E. Petrova

The article reveals the concept of emotional interjections as a means of expressing subjective modality. The features of the use and semantics of emotional interjections in works of art are considered on the example of the works of M. E. Saltykov-Shchedrin

Keywords: subjective modality, means of expressing subjective modality, emotional interjections.

РУССКИЙ ЯЗЫК В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ВИДОВЫМИ ПАРАМИ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Афанасьева Алина Александровна

студентка филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 37», Набережные Челны, Россия
alinaafanaseva555@yandex.ru

Закиров Раиф Амирьянович

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русской и татарской филологии НГПУ, Набережные Челны, Россия
raif.zakirov@list.ru

Одной из самых противоречивых и сложных глагольных категорий является вид. Таковой категория вида является и с точки зрения функционально-стилевых характеристик, и с точки зрения практического изучения глагола. Эту категорию можно назвать «сквозной», поскольку она пронизывает все глагольные формы, охватывает все лексемы. Рассматривая семантику глаголов, можно обнаружить, что противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида осуществляется по различным номинативным элементам значения. Как отмечает Ю. С. Маслов, совершенный и несовершенный виды могут быть противопоставлены по крайней мере по пяти элементам значения:

1) действие как процесс может быть противопоставлено целостному действию (*выходил – вышел*);

2) действие как попытка достижения результата может быть противопоставлено действию, означающему успех в достижении результата (*делал – сделал*);

3) действие с неопределенной длительностью протекания может быть противопоставлено действию с ограниченным (и даже мгновенным) протеканием (*читал – прочитал*);

4) обычное повторяющееся действие может быть противопоставлено конечному числу повторений, в частности единичному, однократному (*переписывал – переписал*);

5) действие вообще может быть противопоставлено конкретному действию (*встречал – встретил*) [Маслов, с. 118].

Каждый из пяти выделенных типов противопоставлений, отдельно взятый, не определяет однозначно семантическое противопоставление в так называемой паре. Например, противопоставление *делал – сделал* может рассматриваться и как противопоставление процесса целостному действию (1), и как противопоставление попытки результату (2), и как действие вообще конкретному действию (5).

Реализация того или другого противопоставления может быть осуществлена в зависимости от контекста. Так, например, в контексте *Он читал книгу целый день* на первый план выходит противопоставление «процесс – целостность», однако в контексте *Он вчера читал книгу, но еще не закончил* на первый план выступает противопоставление попытки результату.

Таким образом, сложность определения семантического содержания видовых противопоставлений проистекает из: а) множественности оснований для противопоставления и б) влияния контекста.

Глаголы, выражающие значение достижения процессом своего предела, называются глаголами совершенного вида (*сказать, сделать, убрать* и т. д.). Они выражают действие как некое целостное событие, указывая при этом на какую-то его специфическую границу (результат). То есть действие здесь протекает до определенной точки, а затем прерывается.

Здесь нужно заметить, что такое понимание значения совершенного вида охватывает все те пять значений совершенного вида, которые были выделены выше в противопоставлении значениям несовершенного вида. Целостное действие с обозначением границы покрывает и 1) значение целостного действия, и 2) значение результата (целостное действие с конечной границей), и 3) действие с ограниченным протеканием (целостное действие с начальной и конечной границами), и 4) действие с конечным числом повторений (целостное действие с начальной и конечной границами), и 5) конкретное действие (целостное

ограниченное действие). Все иные значения, приписываемые обычно совершенному виду, можно рассматривать как позиционно обусловленные, вынужденные лингвистическим или ситуативным контекстом. По терминологии Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко, это – частные значения совершенного вида [Бондарко, с. 96].

К частновидовым значениям совершенного вида относятся:

1) конкретно-фактическое (форма совершенного вида обозначает конкретный единичный факт; это главное значение совершенного вида, при этом оно минимально зависит от контекста: *Миронов заправил баки, запустил мотор, установил плуг на нужную глубину*);

2) наглядно-примерное (форма совершенного вида представляет собой повторяющееся действие на примере одного конкретного факта; повторяемость действия обозначена контекстом: *Как мы вздумаем дразнить его, так глаза кровью и нальются*). Это значение, как правило, проявляется в экспрессивной речи, когда «выделяется один из многих актов повторения как своего рода пример, дающий наглядное представление о других подобных актах: *Иногда весной бывает так: налетит буря, погуляет часа два-три и так же неожиданно затихнет, как началось*» [Осипова, с. 163]. В данном контексте обозначена обычность ситуации, а затем описан один из повторяющихся эпизодов – пример того, что бывает иногда. Значение повторяющегося обычного действия возникает здесь в результате появления определенного лексического элемента (*иногда*) и формы *бывает*, переводящих все действия в соответствующий план. То есть, оказавшись употребленными в таком контексте, глаголы совершенного вида, не теряя значения целостности действия, имеющего границу, несколько трансформируют это значение;

3) потенциальное (форма совершенного вида в сочетании с контекстом имеет значение возможности, способности, готовности совершения действия: *Кто их разгадает, эти женские души? (= может разгадать)*). То есть совершенному виду приписывают различные оттенки значения, которые обозначают отношение действия к реальности. Например, такие, как потенциальность действия в предложениях типа *Ох, девушки! Кто их поймёт?* Здесь, как можно предположить, дело не в совершенном виде, а в общем значении предложения, которое обусловлено его синтаксической

структурой. Соответственно предложение *Ох, девушки! Кто их понимает?* Также имеет оттенок нереальности действия (= *никто не понимает*), несмотря на отсутствие в нем глаголов совершенного вида.

4) суммарное (форма совершенного вида обозначает сумму конкретных фактов, в контексте обязательен лексический показатель кратности). Так называемое суммарное действие выделяют у глаголов совершенного вида в предложениях наподобие такого: *«Я докажу, что это случайность, сто раз рассчитаю и докажу, что танки могут всё»*. Здесь вся «суммарность» заключена в лексическом элементе *сто раз*. Взаимодействующее с ним в предложении значение глагола совершенного вида не меняет своего собственного инвариантного значения.

У глаголов прошедшего времени совершенного вида иногда выделяют так называемое перфектное значение, то есть значение, связанное с актуальностью результата действия для настоящего: предложение *Я памятник себе воздвиг нерукотворный* означает, что памятник уже воздвигнут и существует. Это утверждение, хотя оно безусловно вытекает из значения предложения, связано не только со значением совершенного вида, но и лексическим значением глагола. Это лексическое значение содержит идею созидания. Безусловно, если созидающее действие выступает как целостное, то его результат представлен и в настоящем. Однако такое соотношение между прошлым действием и его результатом в настоящем совсем не обязательно характеризует совершенный вид глаголов всех лексических групп. Сравним: *побежал, заплакал, вздохнул* и т. д. Следовательно, перфектное значение не следует считать собственным значением совершенного вида, поскольку оно возникает как результат взаимодействия лексического значения глагола и значения формы прошедшего времени.

В связи этим можно утверждать, что совершенный вид глагола обладает своим инвариантным номинативным значением. Значения, часто приписываемые данному виду глагола, в действительности принадлежат не ему, а другим элементам предложения, либо представляют собой результат взаимодействия между этими элементами и совершенным видом. При этом дополнительные значения могут формально и не быть выражены в предложении.

По В. В. Виноградову, «обозначение результата является одним из основных значений совершенного вида, но не единственным». «Основная функция совершенного вида, – говорит Виктор Владимирович, – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе» [Виноградов, с. 351]. Глагол несовершенного вида обладает семантической двойственностью: с одной стороны, обозначает действие в его течении, которое не стеснено мыслью о пределе процесса в целом, а с другой – выступает нейтральной базой, основой видового соотношения.

В этом определении важна мысль о том, что достижение цели, результата действия – не единственное значение совершенного вида: предел выражают не только результативные глаголы типа построить, записать, но и, например, начинательные (*заплакать, хлопнуть*), ограничительные (*посидеть, побегать*) и др.

Глаголы же, не выражающие значения ограниченности процесса или его целостности и обозначающие процесс в его течении или повторяемости, именуется глаголами несовершенного вида (*играть, писать, слушать и т.д.*) [Белашапкина, с. 75]. В этом случае можно говорить о действии, свободно протекающем во времени или повторяющемся.

Процессуальное значение несовершенного вида может в отдельных случаях проявляться в том, что глагол передает незаконченное действие, в отличие от глагола совершенного вида, обозначающего законченное действие. Сравним, например: *В это время я уже переводил текст* (то есть уже начал переводить). – *В это время я уже перевел текст* (то есть уже кончил переводить). Однако это не означает, что глаголы несовершенного вида могут выражать только незаконченное действие. Они ко всему прочему могут еще употребляться и для передачи действия, фактически закончившегося, если при этом внимание направляется не на конечный результат этого действия. К примеру: *Наконец Маша закончила проверку тетрадей. Проверяла она их целое воскресенье.* А также: *В это время мы уже садились в самолёт.*

Стоит также обратить внимание на то, что глаголы несовершенного вида (в частности глаголы движения) в некоторых случаях могут выражать намерение совершить действие, то есть то, которое фактически еще не началось (*Ирина зашла к нам, но я*

уезжал на совещание, и мы не успели поговорить; В тот день матушка уходила в ночную смену и поэтому спешила приготовить мне ужин; Они разводились, и его мать приложила все силы к тому, чтобы не допустить этого [Ирисов, с. 27].

Заметим, что глаголы несовершенного вида, в отличие от совершенного, в сочетании с отрицательной частицей *не* могут указывать на то что, действие еще не начиналось, например: *Я еще не собирал материал для курсовой работы (= Я еще не начал собирать материал для курсовой); Я еще не читала этот роман: никак не могу взять его в библиотеке; Маша еще не убирала комнату: она готовила ужин.*

Помимо этого, в некоторых случаях глаголы несовершенного вида могут указывать просто на факт действия, безотносительно к тому, мыслится ли это действие как результативное или как длительное, например: *Про вчерашнее событие мне уже рассказывали; Эту картину я видел в музее; Павел уже пел эту песню* [Ирисов, с. 40].

При этом выражаемое действие может быть фактически завершенным. В таких случаях глагол несовершенного вида может быть заменен его видовой парой и смысл предложения в данном случае не изменится (*Не, спасибо, не хочу: я уже ужинал. = Нет, спасибо, не хочу: я уже поужинал*).

В результате взаимодействия общих видовых значений с контекстом возникают и так называемые частные значения несовершенного вида: конкретно-процессное, неограниченно-кратное (повторительное), обобщенно-фактическое, постоянно-непрерывное, потенциально-качественное, ограниченно-кратное [Осипова, с. 91]. Конкретно-процессное – это значение единичного действия в процессе его непосредственного осуществления субъектом. Под конкретностью понимается обособленность действия в один временной промежуток (вчера, сейчас); под процессностью – непосредственная занятость субъекта осуществлением действия (при этом в контексте должны присутствовать уточняющие характеристики – медленно, постепенно): *Что делает теперь Антошка? Спит? А может, вышел на воздух и смотрит на солнце?*

Здесь можно отметить, что конкретно-процессное значение противопоставляется конкретно-фактическому значению

(совершенного вида) по признаку «конкретный факт – конкретный процесс» [Осипова, с. 92].

Неограниченно-кратное значение связывается с действием, представляющим собой неограниченный ряд повторений (*Иногда в гости приходил Дима*). Без сомнения, значение «неограниченного ряда повторений» заключено не в несовершенном виде глагола, а в наречии *иногда*. В контексте обязательны показатели повторяемости: *Обыкновенно он уезжал куда-то по вечерам и увозил с собой Вальку*. Процессные действия могут иметь характер «растянутости» в пределах всего временного отрезка действия. Неограниченно-кратное значение противопоставлено конкретно-фактическому по признаку «повторяющееся действие – единичное действие».

Обобщенно-фактическое значение наблюдается в тех случаях, когда присутствует лишь общее указание на самый факт наличия действия или его отсутствия (*Самому Александру Ивановичу зубы рвал*). То есть важно лишь само наличие/отсутствие действия, а не его характер. Это значение обычно используется в отрицательных или вопросительных предложениях, при этом глагол, как правило, употребляется в форме прошедшего, будущего несовершенного времени или инфинитива (*Сколько они могли бы сделать важно, если бы не тратили время на пустяки*).

Постоянно-непрерывное значение обычно выделяют в случае, когда действие осуществляется не в какой-то конкретный отрезок времени, а постоянно, причем действие не повторяется, не прерывается, а как бы полностью заполняет собою тот обширный период времени, который оно охватывает (*Река текла, когда ребяташек еще не было на свете, и она будет течь, когда их снова не будет*). Обычно оно реализуется в формах прошедшего времени (*Вдали шумели деревья, внизу шарил прибой, а под обрывом пролегла неровная дорога*). Это постоянно-непрерывное значение скорее заключено не в совершенном виде глагола, а в словосочетаниях, указывающих на то, что действие происходило и тогда, когда *ребяташек еще не было на свете*, и будет происходить и тогда, когда *их снова не будет*. Несовершенный же вид глагола, сочетаясь с указанным лексическими показателями, создает идею постоянства и непрерывности действия. Здесь можно заметить, что

в подобной ситуации совершенный вид глагола привнес бы в значение предложения лишь идею целостного действия.

Так называемое потенциально-качественное значение отмечается у совершенного вида в таких предложениях, в которых обозначается потенциальная возможность осуществления действия как свойство субъекта (*Она хорошо играет в шахматы (= умеет играть)*). Значение «способность к действию» возникает здесь как результат воздействия ситуации на значение предложения.

Когда форма несовершенного вида обозначает действие, повторяемость которого ограничена контекстуально, можно говорить о проявлении ограниченно-кратного значения (*Я два раза подогрела ужин. Мне это надоело!*). Здесь, как и при суммарном значении совершенного вида, все дело в лексических элементах, указывающих на кратность действия.

Все значения несовершенного вида, которые приписываются ему как его собственные, – попытка достижения результата (незаконченность действия), неопределенная длительность действия, повторяемость (обычность) действия – обусловлены влиянием контекста.

Из всех представленных нами выше частных значений конкретно-процессное и неограниченно-кратное являются основными, поскольку в меньшей степени обусловлены лексически и не зависят от глагольных форм.

Таким образом, глаголы совершенного вида выражают действие как некое целостное событие, указывая при этом на какую-то его специфическую границу, результат (семантика результативности), а глаголы несовершенного вида выражают действие в его течении, действие как процесс (семантика процессуальности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В. А. Современный русский язык: учебник. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола: пособие для студентов. М: Просвещение, 1971. 239 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
4. Ирисов Н. И., Салимова Д. А. Русский глагол: Система форм. Образование видовых пар. Употребление видов: учебное пособие для

национальных школ и национальных групп вузов. Набережные Челны, 1994. 64 с.

5. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

6. Осипова Л. И. Морфология современного русского языка: учебное пособие. М.: Академия, 2010. 192 с.

Статья посвящена категории вида русского глагола совершенного и несовершенного вида. Рассматривается семантика результативности глаголов совершенного вида и процессуальности глаголов несовершенного вида. Представлены частновидовые значения русского глагола на примере конкретных видовых пар.

Ключевые слова: вид глагола, совершенный вид, несовершенный вид, видовые пары, процессуальность, результативность.

PECULIARITIES OF EXPRESSING PROCEDURALITY AND EFFECTIVENESS BY ASPECT PAIRS OF THE RUSSIAN VERB

A. A. Afanaseva, R. A. Zakirov

The article is devoted to the aspect category of the Russian verb perfect and imperfective. The semantics of the effectiveness of perfective verbs and the procedural nature of imperfective verbs is considered. Particular aspect meanings of the Russian verb are presented on the example of specific aspect pairs.

Keywords: aspect of the verb, perfective, imperfective, aspectual pairs, procedurality, effectiveness.

СЛУЖЕБНЫЕ ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ: ЧАСТЕРЕЧНЫЙ СТАТУС НЕКОТОРЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Глухова Ольга Петровна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русской и татарской филологии НГПУ, заместитель декана филологического факультета
Набережные Челны, Россия
kate-fashion@yandex.ru

Современная лингвистика интенсивно развивается, в ней наблюдаются активные процессы перехода знаменательных частей речи в служебные, что является одним из основных средств обогащения языка.

Всё это происходит по причине открытости границ между знаменательными и служебными частями речи на периферии знаменательных частей речи. В этом случае выделяются диффузные многокомпонентные эквиваленты слов, слова неопределенной категориальной принадлежности, текстовые скрепы, корреляты предлогов, слова с усложненной семантикой и т. д.

Мы остановимся на некоторых переходных процессах в образовании служебных частей речи, в частности, затронем случаи использования частиц в различных функциях, употребления предлогов, имен существительных и глагольно-междометных форм.

Вопрос о статусе синкретичных языковых единиц, сочетающих в себе признаки разных частей речи, поднимался давно (П. А. Лекант, М. Ф. Палевская, Р. П. Рогожникова, Е. С. Шереметьева и др.), однако решенным его признать нельзя. Как нельзя и не признать пестроту в обозначении применяемого к этим словам термина – *эквиваленты слова* (Г. Н. Сергеева), *корреляты предлога* (Р. Судзуки), *скрепы-фразы* (А. Ф. Прияткина), *отымённые релятивы* (Е. С. Шереметьева), *параметрические предлоги* (А. В. Сентябова), *слова, не имеющие определенной категориальной принадлежности* (Г. М. Крылова) и т. д. Единицы этого рода совмещают функции наречия и модального слова; наречия, частицы и союза; модального слова и текстовой скрепы,

сохраняют с ними функционально-семантическую и грамматическую связь.

В. В. Виноградов писал, что «пополнение служебных слов за счет форм самостоятельных частей речи является живым процессом, в современном русском языке имеется немало так называемых функциональных омонимов, т. е. единиц, совпадающих в качестве фонетического слова и относящихся к разным частям речи» [Виноградов, с. 32].

Мы рассмотрим способность частиц выполнять различные функции, их синкретичный характер и соотносительность с разными частями речи. В зависимости от контекстуальной наполненности предложения знаменательное слово может употребляться как частица. Числительной *один* в предложении «*В кладовых у него **одни** мыши*» (А. Н. Толстой) выполняет функцию усилительно-ограничительной частицы. В предложении «*Раз он в море закинул невод, пришел невод **с одною** тинной*» (Пушкин) слово *с одною* также является ограничительной частицей.

Местоимение *себя* в предложении «*Смотри, уж ты хрипишь, а он **себе** идет вперед и лаю твоего совсем не примечает*» (И. А. Крылов) используется в качестве эмоционально-модальной частицы.

Функциональные омонимы довольно частотны в языке, случаи общеизвестны, например: *верно* – прилагательное («*Решение **верно***»), *верно* – модальное слово («*Она, **верно**, не знает, как поступить*»), *просто* – наречие («*Она держится со всеми **просто***»), *просто* – частица («*Это **просто** были деревенские ребяташки*»), *вон* – наречие (*вывести **вон***), *вон* – частица («***Вон** Большая Медведица*»), *куда* – наречие («***Куда** идешь?*»), *куда* – частица («*Говорят, он стихи пишет. **Куда** ему!*») и т.д.

Глагольная связка *быть* в роли частицы *было* означает неосуществленное, прервавшееся действие: «*Гость собрался **было** уходить, но передумал*»; «*Дети **было** расшалились, но их остановили*»; «*Ребенок **было** заплакал, но вскоре успокоился*».

Кроме того, функциональная омонимия может обнаруживаться в нескольких служебных частях речи: частица может использоваться как предлог (*люди **вроде** тебя*), как собственно частица (***вроде** готов*); как союз (*маленький, **а** догадливый*), междометие (***А!***) и

собственно частица («Ты меня слышишь, а?»), в роли частицы («Вон озеро») и междометия («Вон отсюда!») и т. п.

Синкретизм свойствен частицам. Прежде всего следует отметить способность частиц выполнять союзную функцию. В последующем примере эмоционально-усилительная частица *только* использована в своём прямом значении: «Да вы рассудите **только** хорошенько: ведь вы разоряетесь. Платите за него подать, как за живого...» (Н. В. Гоголь). А далее слово **только** выполняет роль союза с ограничительно-сопоставительным значением: «В квартире все спали, **только** в комнате Елизаветы Алексеевны горел свет» (В. В. Вересаев).

Последующие примеры также демонстрируют способность частицы *хотя* выполнять функцию уступительного союза «Всю дорогу Дуня плакала, **хотя**, казалось, ехала по своей охоте» (А. С. Пушкин) и выступать как собственно усилительная частица: «Я глядел на него жадно, стараясь уловить **хотя** одну тень беспокойства» (А. С. Пушкин).

Исследователей интересуют проблемы перехода предложно-падежных оборотов в целостные единицы высказывания, обратные процессы, а также способность функционального синкретизма подобных образований.

Сегодня учёные смело утверждают, что «помимо союза как в функции показателя управления именной формой в конструкциях характеризующего типа используется иная служебная лексема – предлог как» [Клобуков, с. 9]: Он выступает **как** посредник (**как** + номинатив) (ср.: *выступает посредником*). Ср.: «Писание ... карамзинисты **в качестве** литературного текста не рассматривают» (В. Живов). «Если **в качестве** – предлог, то и **как** в подобной функции – тоже предлог!» [Клобуков, с. 9].

Необычным и интересным в лингвистическом плане является пример, в котором в роли предлога употребляется имя существительное с семантикой одушевленности **руками**: «Поколение чекистов Дзержинского Сталин отстранил **руками** Генриха Ягоды, затем Генриха Ягоду и его поколение Сталин убрал **руками** Ежова, затем Ежова и его поколение Сталин убрал **руками** Берии» и т.д. (В. Суворов. Ледокол). В данном случае прямое лексическое значение слова **рука** не может быть использовано, так как не требуется использование рук, чтобы убрать

кого-то руками его конкурента. Е. В. Клобуков утверждает, что «**руками** в подобных конструкциях представляет собой не что иное, как синоним общеизвестного производного предлога **с помощью**» [Клобуков, с. 10].

Функциональный синкретизм присущ некоторым конструкциям в разных контекстах *на поверку, без преувеличения, не без основания, в идеале, по определению* и др., имеющим свойства наречия, модального слова и служебного слова и совмещающим признаки этих частей речи: «*Движения их были стремительны, их ложноножки гораздо длиннее нормальных, и работали они ими, **без преувеличения**, как спруты*» (М. Булгаков. Роковые яйца). «*Власть **по определению** – это возможность влиять на поведение людей*» (Изв. 2004. 17 янв.).

Язык современных газет демонстрирует расширение функциональных возможностей лексем модели **без + номинатив**, употребляющейся в диалоге и выполняющей роль текстовой скрепы: – «*Виктор Федорович, правда ли, что Радуев уже в «Белом лебеде»? / – **Без комментариев***» (Изв. 2002. 13 авг.). Кроме того, данная модель может употребляться в качестве подзаголовка для объединения фрагментов текста; в позиции вставной конструкции; в позиции заключения текста: «*Молодость, гормоны, свобода – любви все этносы покорны, **без комментариев!***» (Владивосток. 2005. 14 янв.). «*Как говорится, **без комментариев***».

В условиях контекста некоторые лексеммы выступают то в роли существительного, то в роли производного предлога: **соображениям** экономики – *по экономическим **соображениям, по причине** болезни* – *по этой **причине**, идти в **направлении** голосов* – *идти в северном **направлении**, определить **методом** эксперимента – экспериментальным **методом***.

Интересно употребление лексем с *помощью* и *при помощи*, которые также в зависимости от семантики предложения обнаруживают себя предложным сочетанием или именем существительным. Так, в случае с *помощью / при помощи* кого первичные предлоги с и *при* употребляются с существительным *помощь*: «*С **помощью / при помощи** брата он передвинул шкаф*». То есть брат помог ему передвинуть шкаф / оказал **помощь** при передвижке шкафа. Но в другом примере с *помощью / при помощи* чего – производный предлог: «*С **помощью** ножниц и клея*

он *смастерил коробочку*», где невозможна замена, перефразирование предложения.

Следующей группой слов, в которых можно наблюдать диффузный частеречный статус, являются имена существительные, в некоторых своих словоформах выступающие в функции предлога. Эти существительные с так называемой параметрической функцией, имеющие количественную характеристику предмета – *вес, крепость, энергия* и т. д. Подобные параметрические существительные в функции предлога выступают в следующих формах:

а) в творительном падеже без предлога типа: *«Лампы люминесцентные кольцевые **диаметром** шестнадцать миллиметров»*; *«Книга **объемом** в сто печатных листов»*.

б) с предлогом *с* + творительный падеж: *«Телевизор **с диагональю** двадцать один дюйм»*;

в) с другими предлогами типа *в высоту, на высоту, на высоте, с высоты, объемом до одного кубического метра; размером от двух метров*: *«Башня – **в высоту** сорок метров»*;

г) с вторичными предлогами типа *порядка, свыше, сверх* + родительный падеж: *«**Мощностью** сверх тысячи ватт»*; *«**Шириной** порядка трех метров»*;

д) с компаративами типа *более, больше, менее, меньше*: *«Отряд **численностью** более / больше двадцати человек»*.

Далее мы рассмотрим усеченную, неизменяемую структуру глагольного типа, которая часто сближается со служебными частями речи. Это так называемые глагольно-междометные формы типа *бах, бац, глядь, тресь, хлоп, чик, щелк* и т.д. Эти формы способны обеспечивать плавные переходы от одного класса слов к другому, в результате такого частеречного взаимодействия появляются синкретичные образования.

В лингвистике такие лексемы рассматриваются неоднозначно, статус этих форм среди ученых вызывает разногласия. Большинство исследователей признает, что у глагольно-междометных форм утрачиваются свойства глагола, относит эти образования и к классу междометий, и к частицам (Н. Ю. Шведова, Ю. Т. Долин, Д. Р. Шарафутдинов, Г. В. Дагурова и др.).

Рассмотрим пример: *«Целовальник стал смотреть сквозь щель в чуланчик. А дверь по лбу его: **хлоп!** [хлопнула]»* (В. Шишков) и *«Только вдруг – **хлоп!** – выходит из корчмы тот самый немец...»*

(А. Куприн). В первом примере словоформа *хлоп* обозначает неожиданное, мгновенное действие, обладает глагольными признаками и синтаксической функцией сказуемого. Во втором примере словоформа *хлоп* также имеет оттенок мгновенности, но не имеет глагольных признаков. Такие формы выражают эмоциональную реакцию говорящего, сближаются с эмоционально-экспрессивными частицами.

Некоторые глагольно-междометные формы вносят в предложение значение непредвиденности события, выражают эмоциональное состояние говорящего: «*Мы, как последние олухи, объявили подписку на поднесение «от благодарных сослуживцев», а к осени – глядь – он вернулся*» (В. Пикуль). Здесь *глядь* сближается с модальной частицей, которая вносит семантику неожиданности, неподготовленности.

Достаточно часто встречаются случаи, когда глагольно-междометная форма является средством связи между частями сложного предложения и употребляется в роли союза *как вдруг*, выражая семантику неожиданного события: «*Прошло время, наступило новое противостояние – хлоп [как вдруг] – оказалось, что и каналов-то никаких нет, а все это оптический обман*» (Л. Кассиль).

Эти же глагольно-междометные в ряде случаев могут выполнять функцию союза *как*, а оттенок быстроты смены событий свидетельствует о том, что эти лексемы функционально приближены к союзу-частице: «*Такова особенность нашей нелегкой службы: не успеешь привыкнуть к товарищу – глядь (как), он уже либо ранен, либо погиб*» (М. Колесниченко).

Таким образом, в современном русском языке в условиях определенного контекста можно наблюдать переходные процессы в образовании служебных частей речи, которые возникают на базе имени существительного или глагола, появляются синкретичные образования, совмещающие в себе функции наречия и модального слова; наречия, частицы и союза; модального слова и текстовой скрепы, глагола и частицы, глагола, междометия и союза, сохраняют с ними функционально-семантическую и грамматическую связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Исследования по русской грамматике. Москва, 1975. С. 32.
2. Клобуков Е. В. Вопросы функциональной грамматики: сборник научных трудов Вып. 4. / под ред. М. И. Конюшкевич. Гродно, ГрГУ, 2001. 188 с.
3. Сергеева Г. Н. Проблема частеречного статуса эквивалентов слова // III Международный конгресс исследователей русского языка: Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2007. С. 292.

Автор статьи описывает некоторые переходные процессы в образовании служебных частей речи, случаи использования частиц в различных функциях, употребления предлогов и предложных сочетаний, имён существительных и глагольно-междометных форм. В статье рассмотрены синкретичные образования, совмещающие в себе функции наречия и модального слова; наречия, частицы и союза; модального слова и текстовой скрепы, глагола и частицы, глагола, междометия и союза, сохраняющие с ними функционально-семантическую и грамматическую связь.

Ключевые слова: частеречный статус, частица, союз, предлог, глагольно-междометные формы, синкретизм, функциональные омонимы.

OFFICIAL OR INDEPENDENT: PARTIAL STATUS OF SOME WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

O. P. Glukhova

The author of the article describes some transitional processes in the formation of official parts of speech, cases of the use of particles in various functions, the use of prepositions and prepositional combinations, nouns and verb-interjective forms. The article considers syncretic formations that combine the functions of an adverb and a modal word; adverbs, particles and unions; modal words and text staples, verbs and particles, verbs, interjections and unions, preserving functional-semantic and grammatical connection with them. Keywords: partial status, particle, conjunction, preposition, verb-interjective forms, syncretism, functional homonyms.

Keywords: partial status, particle, conjunction, preposition, verb-interjective forms, syncretism, functional homonyms.

ИЗУЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сагирова Эльвина Марселевна

студентка филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МАОУ «СОШ № 35», Набережные Челны, Россия
sagirova.elv@mail.ru

В современном обществе к культуре речи предъявляются высокие требования. Речь должна соответствовать не только лексическим, орфоэпическим и грамматическим требованиям, но также должна отвечать требованиям стилистической целесообразности и быть дифференцированной. По этой причине изучение функциональных стилей речи всё больше и больше привлекает внимание лингвистов и учителей.

В. В. Виноградов дает такое определение функционального стиля: «Стиль – это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, с. 29]. М. Н. Кожина в своей работе «О специфике художественной речи в аспекте функциональной стилистики» пишет: «Именно на базе функциональной стилистики может быть построена действительно научная, культурная речь». [Кожина, с. 11].

Проблема функциональных стилей находится в центре внимания многих языковедов. Одна группа лингвистов считает, что в русском языке имеется единая система языка, а речевое же различие функциональных стилей представляет собой различие в использовании этой системы. Другая же группа учёных придерживаются мнения, что существует разная система текстов (функциональные стили), отличия которых связаны не только с разницей совокупностей средств общения, существующих в функциональном стиле.

Функциональные стили речи – это совокупность речевых средств, которая применяется в той или иной сфере общения человека.

Изучение стилистики на уровне основного общего образования (5–9 классы) (далее – ОО) происходит в два этапа. Знакомство с этим разделом языкознания начинается уже в пятом классе, где обучающиеся вначале учатся соотносить каждый стиль речи с той или иной типовой речевой ситуацией. В пятом классе выделяются всего лишь три стиля речи (по учебнику Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова и Л. А. Тростенцовой): разговорный стиль речи, научный стиль речи, художественный стиль речи [Ладыженская 2012, с. 16].

Первый этап изучения стилистики завершается в седьмом классе, где учащиеся начинают различать общие стилевые черты и учатся выявлять стилистические возможности изучаемых языковых явлений при этом используя материалы таких разделов наук как лексика, словообразование и морфология. Для изучения стилистики на уроках русского языка учителя используют такие методы, как сообщение, доклад, беседа и чтение учебника.

Особенность применения этих методов отражается как в характере дидактического материала, так и в направленности его анализа. Осуществляется многоэтапный анализ предложений в тексте посредством выявления внутренних связей между самой структурой предложения, а также его эмоционально-экспрессивными, интонационными и стилистическими качествами.

Если в пятом классе учащиеся знакомятся с тремя стилями речи, то в седьмом классе к ним добавляются официально-деловой и публицистические стили.

Второй, заключительный этап изучения стилей речи на уровне ОО охватывает восьмой и девятый классы. На этом этапе представление о языковых средствах стилей речи у учащихся расширяется благодаря синтаксическим сведениям. После изучения курса стилистики учащиеся должны полностью ориентироваться в тексте и знать сферу применения (где?) того или иного стиля речи, его цель (для чего?), а также уметь выявлять имеющиеся особенности как стилей речи, так и текстов.

Снова обратимся к учебнику пятого класса под редакцией Т. А. Ладыженской. Для знакомства учащихся с новым для них

разделом науки составители учебника предлагают всего шесть упражнений и направляют учителя и учащихся по большей части к устной форме работы. Рассмотрим одно из предложенных упражнений. Оно звучит так:

Можно ли выступление ученицы на уроке назвать докладом в научном стиле? К какому стилю вы бы отнесли её высказывание? Преобразуйте этот текст в научный доклад.

-Я хочу рассказать вам о медведях. Они такие огромные! Могут весить аж 100 или 200 килограммов! Когда я их видела в зоопарке, один из них плавал в бассейне, а другой выпрашивал еду. Когда он поднялся на задних лапах, я увидела, что он даже выше папы! Вот! У него такие умные глаза и такие огромные когти на лапах! Это неправильно, что в сказках медведя изображают неповоротливым и ленивым [Ладыженская 2012, с. 16].

При выполнении данного упражнения сначала, ученик должен определить стиль приведённого текста, далее он выявляет стилистические особенности разговорного стиля речи. Перед ним стоит задача выявить признаки научного стиля для того, чтобы преобразовать текст.

По нашим наблюдениям, большую трудность при выполнении этого упражнения вызывает задание определить стиль приведённого текста, у учащихся были сомнения в выборе между разговорным и художественными стилями речи, так как в тексте присутствуют элементы описания.

Для учащихся восьмого класса предложены такие упражнения:

1. К следующему публицистическому тексту добавьте предложение, используя стилистический прием-множественность однородных членов. Передайте свое эмоциональное отношение к русскому языку.

«Русский язык. Богат русский язык. Нет ничего в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским словом».

2. К данному тексту добавьте одно–два предложения той же конструкции, что и предыдущие, чтобы создать синтаксический параллелизм и ярче выразить нашу оценку величия поэта.

«Пушкин! Какое необычайное волнение охватывает при его имени! Пушкин – это душа, открытая людям. Пушкин – это мгновенный отклик на дружбу и любовь. Пушкин – это...».

3. Составьте предложения разных видов к сочинению на тему: «Защитим зеленого друга», используя публицистический стиль речи [Ладыженская 2016, с. 87].

Таким образом, можно сделать вывод, что стилистика, в первую очередь, направляет учащихся к правильному оформлению своей речи с учётом речевой ситуации. Изучение функциональной стилистики на уровне ООО имеет важное теоретическое и практическое значение. Получив достаточное количество знаний о строе языка, о речевой структуре различных функциональных стилей, учащиеся должны научиться пользоваться речевыми стилями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 253 с.
2. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. 213 с.
3. Ладыженская Т. А., Баранов М. Т., Тростенцова Л. А. Русский язык. 5 класс. М.: Просвещение, 2012. 191 с.
4. Ладыженская Т. А., Баранов М. Т., Тростенцова Л. А. Русский язык. 8 класс. М.: Просвещение, 2016. 198 с.

В статье раскрываются задачи и цели изучения стилистики в основной общеобразовательной школе. Рассматриваются две ступени освоения функциональных стилей речи. Исследование показывает, что посредством выполнения упражнений по стилистике, у учащихся формируется умение грамотно оформлять свою речь, определять верную сферу применения того или иного стиля речи.

Ключевые слова: *стилистика, функциональные стили, стили речи.*

THE STUDY OF FUNCTIONAL SPEECH STYLES IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

E. M. Sagirova

The article reveals the tasks and goals of studying stylistics in the basic secondary school. Two stages of mastering functional speech styles, methods of theoretical study of language and speech, and the specifics of their use are also considered. The study showed that by performing exercises on this topic, students develop the ability to correctly formalize their speech, as well as determine the correct scope of application of a particular style of speech.

Keywords: *stylistics, functional styles, speech styles.*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИНВЕКТИВЫ

Семёнова Татьяна Вячеславовна

магистрант филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 3 имени Тази Гиззата», Агрыз, Россия
ptv-1998@mail.ru

Понятие «инвектива» исходит от латинского «*invectivus*» – бранный, ругательный, что произошло от лат. «*investio*» – нападки, выпады, брань, которое в свою очередь образовано (через причастную форму) от глагола «*veho*» (лат.) – везу [Петрученко, с. 326]. В позднелатинском языке существует понятие «*invectiva oratio*» – бранная речь [Егорова, с. 248], а в английском языке функционирует понятие «*invective*» – обличительная речь, брань [Байков, с. 180]. Итак, семантическое значение слова «инвектива» исходит от значения «наезд», и выражает буквально «нападение» (словесное), т. е. вербальную атаку.

В качестве языкового явления инвектива стала исследоваться западными учеными, начиная со второй половины XX в. Французский лингвист Эмиль Бенвенист (Emile Benveniste, 1902–1976) рассматривал инвективу как словесную брань, используемую индивидом в качестве средства для аффективной разрядки [Benveniste, с. 256]. Американский лингвист Тимоти Джей (Timothy Jay) в своих исследованиях (1999) отмечал, что человеческая речь не является полностью контролируемым процессом и в большой степени это относится к эмоционально нагруженной речи [Jay, с. 52]. Он рассматривал инвективность речи как нейро-психо-лингво-социокультурный феномен, продуцирование и функционирование которого связано с деятельностью целой группы зон коры головного мозга. Т. Джей рассматривал инвективы как словесную агрессию и включал в это понятие слова, выражающие сильное проявление негативных чувств и эмоций, в резком виде [Jay, с. 155].

В лингвистической русистике класс инвективы исследуется с конца XX в. (Т. В. Ахметова (1978), Б. А. Успенский (1983), Ю. И. Левин (1986) и др.). Дефиниция инвективы, сохранив

смысловое значение вербальной агрессии, соприкасалась с понятиями «бранная лексика», «ругательство», «обсценная лексика», которые часто выражают спонтанную речевую реакцию на неожиданную (неприятную) ситуацию. Приведём определения понятия «инвектива», разработанные отечественными авторами и представленные в научной литературе:

1) Культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата [Новейший, с. 1457].

2) Гневное, резкое – устное или письменное – выступление против кого-либо или чего-либо, обвинение, обличение, оскорбление, брань; разновидность сатиры; памфлет [Ефремова, с. 310].

3) Бранная лексика, резкий словесный выпад, употребление которой содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо [Стернин, с. 7].

4) Оскорбительная речь; гневное выступление; брань, выпад, письменное или устное обвинение; используется в публицистическом стиле, являясь при этом показателем огрубления публицистической речи (Словарь лингвистических терминов) [Жеребило, с. 145].

5) Слова и выражения, заключающие в своем смысловом значении, экспрессивной окраске и оценочном компоненте намерение говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обеспечить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое стремлением сделать это в как можно более унижительной, резкой, грубой или циничной форме [Базылев, с. 34].

6) Оскорбительное обращение в форме словесной агрессии, воспринимаемое в данной социальной (под)группе как резкое или табуированное [Жельвис, с. 61].

7) Любая номинативная единица, употребленная с целью задеть, обидеть, унижить, дискредитировать адресата и имеющая пейоративную экспрессию неодобрения, пренебрежения, презрения, содержащая явно негативную оценку, общественно осознаваемую и воспринимаемую адресатом как оскорбительную характеристику [Тарба, с. 499].

8) Негативная эмоционально-оценочная (дерогативная, пейоративная) лексическая единица, способная выступать в речи в

функции отрицательного воздействия оскорбления, унижения, обиды [Саржина, с. 15].

Анализ представленных в научной литературе определений позволяет сделать вывод, что учёные и исследователи рассматривают инвективу в широком формате, включая в это понятие все разновидности слов, позволяющие выразить негативное оценочное суждение о человеке, его поведении, ситуации и проч. Такой подход, на наш взгляд, совершенно обоснован, если рассматривать сущность инвективы с позиций антропоцентрической парадигмы, главенствующей в настоящее время в лингвистике, по наиболее активно развивающимся подходам – лингвокультурологическому и коммуникативному. Именно в коммуникативном аспекте проявляется психологическое взаимодействие субъектов, и в целях реализации агрессии, инвектива является средством, употребляемым намеренно. С точки зрения психологии взаимодействия, инвективная лексика относится к средствам выражения вербальной активной прямой агрессии (по классификации американского психолога Арнольда Басса (Arnold H. Buss) (1969)) [Ильин, с. 122].

В современной лингвистике исследования все больше исходят с позиций отношения человека и окружающего мира. А. Е. Кулаков, исследуя лингвокультурный и коммуникативный аспекты инвективного лексического инвентаря, делает вывод, что «партнеру по коммуникации обращена не сама инвектива, а информация об отношении говорящего к содержанию или предмету коммуникативного акта, передаваемая с её помощью» [Кулаков, с. 93]. В этой связи приоритетным становится не денотативное значение лексемы, а ее коннотативный компонент, накладывающийся на денотат. В рамках коннотативного аспекта значения О. С. Ахманова описывает оценочно-эмоционально-экспрессивные составляющие [Ахманова, с. 345], В. И. Шаховский – эмоциональные наслоения, эмотив [Шаховский, с. 98], Ю. Д. Апресян – семантическую ассоциацию [Апресян, с. 233]. В своих исследованиях такие ученые, как В. И. Жельвис, О. В. Саржина, С. Н. Засыпкин, С. Г. Ватлецов и др., подчеркивают, что семантическое ядро инвективы определяется не денотатом, а фактом нарушения адресантом нормы общественной морали,

поэтому в определении инвективы важно именно эмоциональное содержание.

Способность слова в речи вызывать эмоции описал французский лингвист Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure, 1857–1913) в своем труде «Курс общей лингвистики». Он писал: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания...; акустический образ имеет чувственную природу...» [Соссюр, с. 211]. В современной лингвистике слово рассматривается как звуковая цепочка (знак) психического образа, что представляет собой «знак понятия», который выражает объект, признак, действие реального мира [Семёнова, с. 9].

Общеизвестным фактом, полученным на основании выводов по экспериментальным данным английского психолога Кэррола Элиса Изарда (Carroll Ellis Izard, 1923–2017), является то, что человек еще до осознания предметно-логической (фактуальной) информации, содержащейся в любом высказывании, осознает ее эмоционально-оценочный компонент [Изард, с. 316]. Утверждается, что ассоциативность отношений между звуковой цепочкой, образом, понятием и обозначаемым им объектом создает условия для возникновения эмоций у субъекта.

В. И. Шаховский отмечает, что «посредством психического механизма отображения эмоций в семантике слова проходит фиксирование эмоциональных процессов... отображение видového опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре слова. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые формируют эмотивность слова, то есть его семантическую способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определенных эмоциональных отношений субъектов. Эмоция «хранится» в слове в виде идей о ней, эта идея может «оживать» и «разворачиваться» до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции» [Шаховский, с. 16].

Рассматривая инвективу с позиций коммуникации, Н. Д. Голев указывает, что инвектива несет в себе, в основном, предикативное содержание [Голев, с. 22]. Это означает, что лексема,

характеризующаяся как инвективная, дает отрицательную оценочную характеристику в форме суждения. Суждения в качестве обязательного компонента содержат оценку, представляющую собой с позиций лингвистики аксиологическую оценку – отношение автора высказывания к предмету (явлению, действию) окружающей действительности [Ахманова, с. 293]. Оценка является результатом процесса сравнения с неким идеалом, либо выражения субъективного ощущения ценности объекта и выражения личного отношения. На это указывает М. Р. Желтухина, понимая под оценкой «акт человеческого сознания, заключающегося в сравнении, сопоставлении свойств объектов, определении роли в жизнедеятельности субъекта, закрепляемых в сознании и языке в виде позитивного, негативного и нейтрального отношения» [Желтухина, с. 223].

Многие ученые, например, Н. А. Лукьянова (1976) (статья «О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность») [Лукьянова, с. 6], В. И. Шаховский (2008) (монография «Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*») [Шаховский, с. 89], и др., указывали, что «оценочность и эмоциональность представляют собой нерасторжимое единство». Отмечая, что в научном сообществе ведется дискуссия о том, что первично, а что вторично – эмоция или оценка, мы применительно к сущности инвективы, опираясь на мнение Г. В. Колшанского (2005), что «эмоции отражают не предметы и явления реального мира, а отношения, в которых они находятся к человеку, то есть не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека» [Колшанский, с. 76], придерживаемся точки зрения ученых, которые утверждают их единство. С нашей точки зрения, инвектива употребляется в речевом акте для выражения оценки личных отрицательных эмоций, то есть использование инвективы является результатом сложного психического процесса, включающего осознание, эмоциональное реагирование и формирование оценочного суждения.

В начале XX в. выделилось отдельное направление лингвистики, изучающее эмоционально-оценочную лексику – эмотивная лингвистика. Изучение эмоционально-оценочной лексики в лингвистическом аспекте традиционно осуществляется с использованием категории экспрессивности – силы проявления описываемых автором эмоций, мыслей [Жеребило, с. 573]. В

зависимости от чувства – позитивного или негативного, которое транслирует адресант, слова, выражающие его эмоциональную оценку, наделяются положительной или отрицательной экспрессией.

Исследование Н. В. Семеновой (2008) показало, что в инвективах присутствует эмотивная сема, содержащая информацию об эмоциональном отношении говорящего. Отрицательную эмоцию автор определяет одним из основных параметров инвективного слова [Семенова, с. 80]. В качестве отрицательных эмоций, заложенных в инвективах, П. П. Банман и др. указывают такие эмоции как недовольство, раздражение, гнев, презрение, неудовлетворенность, пренебрежение, ненависть, враждебность [Банман, с. 35]. Также исследование Н. В. Семеновой показало, что инвективные слова обладают высокой степенью экспрессивности. Отрицательная экспрессивность инвективных слов проявляется в их резкости, жестком характере, в экстремальной вербальной форме. Это позволяет отнести инвективы к эмоционально-оценочной, эмотивной лексике. Более того, В. И. Жельвис (2010) выделяет у инвективы эмоционально-экспрессивную функцию – выражение эмоционального состояния говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым объектам и явлениям действительности [Жельвис, с. 26], а Н. С. Заворотищева (2010) в своем исследовании инвектив в современной разговорной речи выделила экспрессивную функцию в качестве основной функции инвективы [Заворотищева, с. 26].

Итак, в семантической структуре инвективы выделяют диктумный и модусный компоненты. Эмпирические исследования инвектив (например, О. В. Саржиной (2005), Н. В. Семеновой (2008)) показали, что объем диктумной информации в различных инвективах различен. В этой связи О. В. Саржина выделяет два типа: 1) инвективы с минимальным объемом диктумной информации компонента «человек» (например, сволочь, балбес и т. п.) и 2) инвективы с расширенным диктумом (например, обжора, писака и т. п.). Модусная информация включает в себя: а) оценочную, б) эмоциональную и в) стилистическую информацию.

Исследования эмотивной семантики слова также тесно связаны с изучением отношения коммуникантов к его значению. С этих позиций важным аспектом при определении инвективности слова, как указано в трудах В. И. Жельвис, Н. В. Семеновой, и др. является

намерение (интенция, мотив) адресанта оскорбить человека. Известно, что чем оскорбительнее слово, тем сильнее оно табуируется к употреблению. Чем больше разница между запретом (табу) и эмоциональным содержанием употребляемого слова в данной социальной группе, тем больше отрицательная модальность слова. Другими словами, инвективность слова проявляется при нарушении норм общественной морали. То есть, как подчеркивает Н. Д. Голев, инвективная значимость слова возникает в специально направленном, сознательном его употреблении с мотивом демонстрации своего отрицательного отношения [Голев, с. 24]. Человек, сознательно оценивая конфликтность значения слова в данном сообществе с принятыми в нем ценностями, нормами морали, речевого поведения, использует слово, нарушающее их. Интенции инвектора, как указывает в своем исследовании А. Е. Кулаков (2011), неразрывно связаны со стремлением оказать отрицательное воздействие на эмоциональное состояние инвектума, его личную самооценку, на оценку других участников коммуникативного акта [Кулаков, с. 83]. Следовательно, в инвективной лексике, кроме потенциального содержания лексемы, важным является сознательный мотив снизить ценность человека – оскорбить его, унижить и т. д.

Данный факт важен в оценке инвективности слова также потому, что, как отмечают В. Н. Цоллер, В. И. Желвис и др., инвективное по своему смысловому содержанию слово может употребляться с положительной экспрессией, например, «Как он, собака, хорошо танцует!» Для бранного слова («собака» в отношении человека) в этом выражении характерна особая дружеская интонация, а при отсутствии намерения оскорбить и произношении с улыбкой инвективное значение у слова не наблюдается [Жельвис, с. 102].

И. В. Заложная (2011) с учетом теоретических разработок Н. Д. Голева (2003), А. В. Коряковцева (2009), проводя анализ инвективности слов с позиций функциональной семантики, определила, что инвективные слова соответствуют семантическому (общая негативно-оценочная семантика) и функциональному (использование инвективных единиц с целью оскорбления адресата) критериям. Автор делает вывод о функционально-семантическом характере инвективных слов и выделяет их в отдельную категорию.

И. В. Заложная представляет следующие характеристики инвективных слов как особой языковой категории:

1) с точки зрения плана содержания категория инвективности обеспечивает возможность реализации в русском языке оскорбительных смыслов, связанных в широком смысле с негативно-оценочной семантикой, представляющей собой одну из частных реализаций категории оценки;

2) с точки зрения плана выражения данная категория представляет собой совокупность языковых единиц, объединенных общим конституирующим признаком (способностью к реализации оскорбительной (инвективной) семантики) и имеющих различное языковое выражение;

3) с точки зрения структуры она позволяет разграничить единицы русского языка, обладающие оскорбительной (инвективной) семантикой, по степени интенсивности проявления инвективности [Заложная, с. 84].

Критерии оценки инвективности слова в научном сообществе к настоящему времени не определены. И. В. Заложная по степени инвективности выделяет следующие классы лексических единиц:

а) единицы с высокой степенью интенсивности проявления инвективности – лексемы, непосредственно реализующие инвективную семантику;

б) единицы с низкой степенью инвективности – лексемы, инвективная семантика которых носит окказиональный характер;

в) единицы «промежуточного класса» – лексемы, инвективный компонент семантики которых осознается всеми носителями (либо большинством) современного русского языка, однако не является первичным и актуализируется в определенных контекстах [Заложная, с. 96].

Инвективное слово «промежуточного класса» обладает имплицитной инвективной семантикой, и характеризуется следующими признаками:

а) является многозначным;

б) окказионально по категории инвективности;

в) носит лексико-синтаксический характер – невозможно внеконтекстное установление инвективного компонента семантики [Заложная, с. 97].

Имплицитные инвективы возможно идентифицировать только в контексте, вне контекста они не носят явной инвективной семантики. Имплицитной будет инвективная лексика, отражающая отрицательную фактологическую информацию о субъекте, не имеющей эксплицитного выражения [Заложная, с. 100]. Как отмечает Н. В. Семенова, повышению потенциала инвективности у лексемы способствуют присутствие в дискурсе: отрицательной эмоции, мотива оскорбить (опорочить и т.д.), негативного актуального личностного смысла, нарушение поведенческих социальных норм [Семенова, с. 92].

Итак, анализ дефиниции «инвектива» позволяет определить ряд присущих данному понятию признаков:

- 1) в своей семантике (смысловом значении) заключает отрицательное, негативное эмоционально-оценочное отношение;
- 2) обладает высокой экспрессией – впечатляющей выразительностью;
- 3) используется адресантом сознательно (умышленно);
- 4) употребляется адресно;
- 5) нарушает представление об этической и эстетической норме в данной социальной (под)группе;
- 6) заключает в себе интенцию (намерение) девалоризировать отдельные личностные качества, оскорбить, унижить, обидеть, дискредитировать, обесчестить, опозорить адресата речи;
- 7) используется в устной и письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995. 472 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2021. 576 с.
3. Базылев В. Н., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А. Как слово наше отзовется // Российская юстиция. 1998. № 4. С. 34.
4. Байков В. Д., Хинтон Дж. Англо-русский русско-английский словарь: 45000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2013. 624 с.
5. Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики: материалы Международной конференции. Томск, 2003. С. 22–28.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х томах. Том 1. А–Л. М.: АСТ, 2005. 384 с.

7. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – М.; Волгоград, 2003. 656 с.
8. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 330 с.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
10. Заворотнищева Н. С. Инвективы в современной разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 164 с.
11. Заложная И. В. ИмPLICITная инвектива в современном русском языке (структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 217 с.
12. Изард И. Психология эмоций / пер. с англ. А. Татыбаева. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
13. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2021. 368 с.
14. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
15. Кулаков А. Е. Лингвокультурный и коммуникативный аспекты инвективного лексического инвентаря: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 174 с.
16. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2003. 1480 с.
17. Петрученко О. А. Латинско-русский словарь в 2 ч. Часть 1. От А до М. М.: Юрайт, 2021. 410 с.
18. Пономаренко Т. В. Явление интертекстуальности, использование инвективной и разговорной лексики в языке современной массовой и качественной российской прессы: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. 148 с.
19. Саржина О. В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 209 с.
20. Семенова Н. В. Лингвистическая диагностика инвективного слова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 187 с.
21. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с.
22. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / под ред. Р. О. Шор. М.: Юрайт, 2019. 303 с.
23. Стернин И. А. Проблема сквернословия. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 29 с.
24. Тарба К. Г. Лингво-коммуникативная безопасность личности: инвектива и оскорбление // Научные труды КубГТУ. 2018. № 3. С. 496–505.

25. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens: монография. М.: URSS, 2019. 144 с.
26. Benveniste E. Problemes de linguistique generale. Tom II. Paris: Editions Gallimard, 1974. 286 p.
27. Jay T. The utility and ubiquity of taboo words // Perspective on psychological science. 2009. Vol. 4. № 2. P. 153–161.

Автор работы предпринимает попытку обобщить теоретические основы, раскрывающие сущность инвективного слова, и дать оценку роли инвектив в современном русском языке. Изучив теоретические основы, раскрывающие сущность инвективного слова, мы пришли к следующим выводам: 1) под инвективой, в узком смысле, понимается слово, используемое с целью представления отрицательной оценки субъекта в экспрессивной форме; 2) инвективная лексика относится к сфере эмоционально повышенной, поэтому исследуется в ракурсе эмотивной лексики как средство выражения негативного эмоционального состояния адресанта и его отрицательной оценки субъекта в экспрессивной форме в ситуации агрессивного речевого поведения, реализует вербальную агрессию над личностью; 3) дефиниция «инвективный» по отношению к слову характеризует ее коммуникативный аспект.

Ключевые слова: инвектива, семантика, бранная лексика, оскорбительная речь.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE INVECTIVE

T.V. Semenova

The author of the work makes an attempt to generalize the theoretical foundations that reveal the essence of the invective word, and to assess the role of invectives in the modern Russian language. Having studied the theoretical foundations that reveal the essence of the invective word, we came to the following conclusions: 1) under the invective, in the narrow sense, is understood the word used to present a negative assessment of the subject in an expressive form; 2) invective vocabulary belongs to the sphere of emotionally elevated, therefore, it is studied from the perspective of emotive vocabulary as a means of expressing the negative emotional state of the addresser and his negative assessment of the subject in an expressive form in a situation of aggressive verbal behavior, it implements verbal aggression over a person; 3) the definition of "invective" in relation to the word characterizes its communicative aspect.

Keywords: invective, semantics, swear words, insulting speech.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 82

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗМЕИ В КУЛЬТУРАХ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И ДРЕВНЕЙ РУСИ

Галиуллин Радик Рамильевич

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русской и татарской филологии, заведующий подготовительным отделением ИДПО НГПУ,
Набережные Челны, Россия
r.galiullin@mail.ru

Ихсанова Карина Линаровна

студентка филологического факультета НГПУ,
Набережные Челны, Россия
poil.03@mail.ru

Образ змеи есть почти во всех мифологиях мира, он довольно древний и сложный. Значение его везде разное, оно имеет различную степень выраженности, масштабность, объём и влияние на культуру.

Змея является самым распространенным символом в Древнем Египте. В рамках культуры египтян змея имеет два значения: отрицательный и положительный.

Апоп – огромный змей в древнеегипетской мифологии – олицетворяет мрак, зло, хаос. Противостоит верховному богу солнца Ра. Каждый день Ра освещает землю, ему нужно пройти путь по подземному Нилу, где его ждет Апоп. Злой демон выпивает весь Нил, пытается убить Ра. Это бесконечная борьба добра и зла, солнца и тьмы, Ра и Апопа.

Змеи имеют и положительный образ в мифологии Древнего Египта. В Гермополе существовала Гермопольская Огдоада – это восьмерка богов, состоящая из четырех пар. Они представляли собой стихии, из которых возник организованный мир. Несколько богов Огдоады имеют полужмеиный вид. Например, Амаунет изображалась крылатой женщиной с головой змеи, реже кошки, и

являлась богиней воздуха и ветра, невидимых сил, ритуалов, покровительницей и наставницей царской семьи. Богиня темноты Каукет была связана со светом в качестве закатных сумерек, в которые уходит солнце вечером. Это не бог зла, Каукет скорее можно отнести к богине-демиургу, как и всех богов Гермопольской Огдоады. Хаухет и Наунет также являются представительницами Огдоады, которых изображали как змей. Таким образом, змеи зачастую представлялись в качестве женщины зачастую образ змеи воплощался в виде женщины, богини.

Змея, как посланница мира мертвых, имеет еще один женский облик – Меритсегер. Эта богиня – покровительница кладбищ и строителей гробниц. Её имя обозначает «любящая безмолвие». Считалось, что Меритсегер охраняет покой умерших.

Как хтоническое животное, змея относится к силам, созидающим жизнь, символизирует собой силу творения, власть. Покровительница власти фараонов, Уаджит или Уто, с богиней-стервятником Нехбет составляет пару Госпожей Двух земель (то есть Верхнего и Нижнего Египта). Она часто представлена на царской диадеме – урею. Изображалась стоящей коброй или в виде женщины с красной короной Нижнего Египта. В очередной раз можем проследить связь змеи с подземным миром. Также змеи символизируют вечную власть монарха, это можно связать с сбрасыванием кожи змеи, на новом месте появляется молодая кожа и так все время [Рак, с. 120].

На основе вышесказанного можно назвать основные значения образа змеи в культуре Древнего Египта: символ Земли, плодородия; символ царства мертвых; символ хаоса, тьмы; символ вечной власти монархов; символ жизненного начала и обновления жизни; символ женщины; символ божества воды.

В основном змеи распространены в влажных местах от Поволжья до Кавказа, на Северо-Западе России обитают сухопутные змеи. Южные славяне считали змей борцами со злыми силами, защитниками урожая от непогоды, мифологическими любовниками, от связи которого с женщиной рождаются юнаки. В песнях встречается аналогичный женский персонаж – змеица, змейкина. Различен мужской и женский образ змеи. Мужской образ проявляется в приметах. Например, если женщина поймает ужа, то она забеременет, родит сына; если девушке приснится змея, то за

ней начнет ухаживать молодой человек. Женские образы имеют более отрицательный окраску. Проявляется это и в толковании сновидений: если змея укусит, значит женщина навредит тебе.

Существуют магические действия, относящиеся к деторождению: использование одежды, через которую проползла змея при первой появлении весной как средства от бесплодия [Гура, с. 279].

Полагают, что у каждого села есть свой змей-защитник. Обладая огненной природой, змей вызывает засуху там, где слишком долго находится, поэтому известны ритуальные приёмы выпроваживания змея из села во время засухи. Например, у болгар известны жертвоприношения, призванные задобрить змея, чтобы он охранял село от непогоды. У восточных и западных славян змей – опасный демон, любовные отношения с которым губительны для женщины. По поверьям восточных славян, главной причиной домогательств змея является нарушение некоторых запретов.

У славян змеи также имеют хтоническую природу. Змея, как подземный образ, является антагонистом светлого. В Сербии, Боснии, Болгарии известны легенды о змее, которая проглотила глаза солнца. Убитую змею следует зарыть, змея может негативно воздействовать на солнце и после смерти. На человека, что пощадил змею и не убил её, три дня не будет светить солнце. По малопольскому поверью, солнце перестало бы светить, если бы змеи смотрели на него, потому что своими глазами они способны вытянуть из него всю силу. Белорусы имеют поверье, что змея, греясь на солнце, забирает у него энергию, отчего потом оно постепенно уменьшается, а за зиму восстанавливается [Гура, с. 285].

Главный Змей – царь – имеет свой особенный атрибут. У хорватов, боснийцев, украинцев – это корона; у болгар, македонцев – драгоценный камень; у белорусов – рога. Змеиный король имеет свою свиту, он собирает всех змей в определенный день и раздает им указания [Галиуллин, с. 297].

Бог Ящер – бог древних славянских язычников, заведует миром мертвых и подводным миром. Сам вид представлялся славянам позному.

Цмок – мифологический змей, представляет собой прообраз домовых. Представляется в виде умерших предков.

Можем выделить несколько значений образа змеи в славянской культуре: символ водной стихии; символ мертвого царства; символ хитрости; символ женского и мужского начала; символ Земли.

Образ змеи отличается многообразием диаметрально противоположных характеристик. Имеет связь с нижними мирами: подземным и подводным, символизирует женское и мужское начало, имеет хтоническое происхождение. Значения образа змеи схожи и в Египте, и на территории проживания славян. Общими являются типологические представления о змеях:

1. Символический тип: образ воплощает определенную идею (например, Апоп – символ зла, Цмок – символ домашнего благополучия).
2. Метафорический тип: возникает при сопоставлении социального, естественного явлений с мифологической сущностью (например, Уаджит – монархическая власть, огненный змей у славян – засуха).
3. Функциональный тип: представление о том, что змея воздействует на природные явления (ритуалы вызова дождя у славян, Гермопольская Огдоада у египтян).
4. Антропоморфно-зооморфный тип: зооморфная внешность персонажа сочетается с вполне человеческим поведением (бог Ящер и Амаунет).

При схожести образов змеи в культурах Египта и Древней Руси есть и важный отличительный признак. В Египте образ представляет космогонический тип: он воплощается в мифах о сотворении мира в культуре Древнего Египта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиуллин Р. Р., Хазиев Р. И. Особенности влияния устного народного творчества и мифологии на социальную фантастику // В мире научных открытий. 2015. № 11(71). С. 201–206.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Идрик, 1997. 912 с.
3. Рак И. В. Мифы Древнего Египта. СПб.: У- Фактория, 1993. 270 с.

В статье рассматривается образ змеи в культурах Древнего Египта и Древней Руси. Целью исследования является выявление схожих и различных черт в представлении змеи. В работе выявляются значения символа змеи, указана многозначность характеристик образа.

Ключевые слова: образ, змея, двойственность, мифология.

**THE SYMBOLIC MEANING OF THE SNAKE IN THE CULTURES OF ANCIENT
EGYPT AND ANCIENT RUSSIA**
R. R. Galiullin, K. L. Ihsanova

The article examines the image of a snake in the cultures of Ancient Egypt and Ancient Russia. The aim of the study is to identify similar and different features in the representation of the snake. The work reveals the meanings of the snake symbol, indicates the ambiguity of the characteristics of the image.

Key words: *image, snake, duality, mythology.*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. С. ПУШКИНА

Нигматуллина Людмила Михайловна

учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 5»,
Набережные Челны, Россия
koziknigmatullina@yandex.ru

Работа посвящена исследованию лингвистических интересов А. С. Пушкина. Анализ источников позволяет выяснить, какими иностранными языками владел поэт, к каким иностранным языкам чаще всего он обращался, с какой целью изучал эти языки, как взаимосвязано изучение языков с творчеством поэта.

Многие пушкинисты посвятили этой теме свои исследования, но особо интересный материал встречается в трудах А. А. Долинина «Пушкин и Англия», Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция», А. М. Букалова «Пушкинская Италия». Авторы этих трудов чаще всего обращали внимание на влияние, которое оказывала иностранная литература на творчество поэта. Но все они совсем немного затрагивают вопрос: какое значение придавал А. С. Пушкин знанию иностранных языков и насколько глубоко изучал их, чтобы в оригинале прочесть своих любимых авторов.

Актуальность выбранной темы определяется тем, что она может быть интересна ученикам средней и старшей школы на уроках литературы и иностранных языков, педагогам литературы, всем, кому дорого творчество поэта. Сегодня, как никогда, роль иностранного языка важна и неоспорима. Знание иностранных языков открывает большие возможности для взаимодействия языков и культур. Оно позволяет воспитывать гражданина в терпимости к другим народам, в стремлении к пониманию многообразного поликультурного и многоязычного сообщества.

Хорошо известно, что А. С. Пушкин – создатель русского литературного языка. Читая истинно русские по духу произведения поэта, порой забываем, что его высокий талант был воспитан не только на русской, но и на европейской литературе, которую он прекрасно знал и высоко ценил.

Опираясь на воспоминания современников, мы также знаем, что он обладал особыми лингвистическими способностями. Исследуя творчества поэта, учёные пытаются выяснить, почему Пушкин обращался к иностранным языкам, можно ли считать его полиглотом или его познания в языках несколько преувеличены.

Прежде всего, следует обратить ваше внимание на слова талантливого учёного, исследователя Т. Г. Цявловской в труде «А. С. Пушкин. Изучение языков и переводы»: «...поражает обилие языков, которых в той или иной степени касался Пушкин. Французский, старофранцузский, итальянский, испанский, английский, немецкий, древнегреческий, латинский, древнерусский, церковнославянский, сербский, польский, украинский, древнееврейский, арабский, турецкий – шестнадцать языков». «Касаться» в той или иной степени языка и владеть письменными и устными разговорными умениями и навыками – это, несомненно, абсолютно разные понятия. Обладая способностями к иностранным языкам и жадно интересуясь западноевропейской литературой, Пушкин самостоятельно пытался на протяжении всей жизни осваивать новые языки. Не всегда его попытки были успешными, а знание иностранных языков, к которым он проявлял интерес, безукоризненным.

Исключение составляет французский язык, который, особенно в детстве, был понятней и ближе родного русского. У Пушкина гувернёром был французский эмигрант Монфор, а французская литература была ему знакома по библиотеке отца. При поступлении в Лицей Пушкин даже своих товарищей, выросших на французском языке, поражал широким знанием французской литературы и совершенным знанием этого языка. В совершенстве владея французским языком, интересуясь истоками французской литературы, А. С. Пушкин занимался переводами со старофранцузского на современный французский язык. В 1828–1833 годах он перевёл на новофранцузский знаменитую буржуазную сатирическую поэму «Роман о Лисе».

Отношение поэта к французской культуре и языку помогает многое раскрыть и понять в облике одной из центральных героинь пушкинского творчества – Татьяны Лариной. Героиня в тексте романа не произносит ни одной французской фразы. Но стихия французского языка пронизывает ее жизнь, причём, она существует

для Татьяны в двойственном обличе. С одной стороны, – это лучшие образцы европейской литературы, служащие ей учебником жизни. С другой стороны, это бытовая разговорная речь, образцы которой мы встречаем на страницах альбома провинциальной барышни.

Наслаждаясь французскими авторами, поэт, тем не менее, всё чаще обращается к произведениям на других языках. Не имея возможности учить иностранные языки за границей, он пытается осваивать их самостоятельно.

Обратим внимание на отношение А. С. Пушкина к английскому языку. Поэт, воспитанный на образцах французской литературы XVII–XVIII веков, в 20-х годах постепенно меняет свои читательские пристрастия. Для него, как и для многих образованных русских людей его поколения, английское государственное и политическое устройство, английская литературная и повседневная жизнь, соблюдение традиций англичанами обладали особой привлекательностью. И когда поэт мечтал о бегстве на запад, он, прежде всего, представлял себе «Лондон, паровые корабли, английские журналы», а только потом парижские театры. Пушкин проявляет интерес к английской словесности, которая оказывает всё большее и большее влияние на русскую. Он с интересом читает произведения Мильтона, Шекспира, Байрона пока во французском переводе, чаще всего прозаическом. Но Пушкин не может смириться с искажениями, которые допускают переводчики. А он желает читать в подлиннике этих авторов.

Когда же Пушкин начал изучать английский язык? Свидетельства со стороны пушкинских современников очень противоречивы. Сестра Ольга утверждала, что у неё была гувернантка англичанка, но, хотя поэт и учил язык, но без успеха. Отец Пушкина утверждал, что ко времени поступления в лицей он знал язык так, как знают все дети, с которыми долго говорят на этом языке.

Мы основываемся на документальных источниках и считаем, что Пушкин принялся серьёзно изучать английский язык во время его южной ссылки в 1820 году. Сохранилось свидетельство Екатерины Николаевны Раевской о том, что в Юрзуфе поэт читал Байрона. За объяснением незнакомых ему слов он обращался к Катерине Николаевне, в совершенстве владевшей английским. Конечно, учить язык Пушкину было сложно, особенно в постановке

произношения, так как орфография английского часто не совпадает с орфоэпией. Кроме того, именно в Одессе Пушкин знакомится с англичанином, доктором Вильямом Гутчинсоном. Это был человек широких научных интересов. В изучении английского языка Пушкину, скорее всего, помогли беседы с этим англичанином, о которых нам известно из письма поэта к В. К. Кюхельбекеру.

Известно, что в детстве поэт не учился немецкому языку. Старшая сестра Ольга утверждала, что немецкого учителя у неё с братом никогда не было, была одна гувернантка немка, но и та всегда говорила по-русски. Да и в лицее немецкий язык и литература преподавались на французском языке. Осенью 1826 года в Москве своему знакомому Ксенофонту Полевому поэт признался в своих неудачных усилиях выучить немецкий язык: «Только с немецким не могу я сладить. Выучусь ему и опять всё забуду: это случалось уже не раз». Учёные утверждают, что есть лишь один документ, который свидетельствует об обращении поэта к немецкому языку. Это перевод биографии Ганнибала с немецкого на русский язык.

Исследователи отмечают, что А. С. Пушкин не владел настолько немецким языком, чтобы читать произведения Гёте в оригинале. Впервые Пушкин познакомился с Гёте, прочитав на французском языке книгу мадам де Сталь «О Германии», в которой давалось подробное изложение драмы «Гец фон Берлихинген» и трагедии «Фауст». В романе «Евгений Онегин» поэт часто упоминает имя Гёте и героев его книг, в частности имя Вертера, героя романа «Страдания юного Вертера», пишет он и о гётевском Фаусте.

В свидетельстве об окончании Лицея, Пушкин показал «весьма хорошие» успехи в латинской словесности. Знание латыни в светском обществе того времени не было абсолютно обязательным, но оно ценилось у современников поэта, которые стремились к хорошему и качественному образованию. Поэтому Пушкин продолжал совершенствовать свои знания, и это позволяло ему читать в подлиннике некоторых из малоизвестных латинских авторов. В библиотеке Пушкина имелись произведения латинских писателей, где латинский текст был напечатан с французским переводом. С помощью французских переводов Пушкину удавалось прекрасно понимать латинских авторов. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях друг поэта Соболевский. Он был свидетелем

того, как Пушкин стал объяснять строки Марцила, поражая присутствующих верностью и меткостью замечаний.

О познаниях Пушкина в греческом языке мы судим очень осторожно. По-видимому, они не были глубокими. Об этом можно судить по письму поэта в адрес Н. И. Гнедича: «Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору «Иллиады» вашей. Он не нужен для вашей славы, но был бы нужен для России». Известно, что Пушкин пытался переводить «Одиссею», но это были лишь её первые строки.

Более близок поэту был итальянский язык. В. В. Вересаев писал, что ещё во время южной ссылки Пушкин учился говорить по-итальянски. А чтобы познакомиться в оригинале с произведениями Данте, он овладел не только разговорным, но и литературным итальянским языком. Академик М. Н. Розанов подсчитал, что в личной библиотеке Пушкина «имелось до тридцати итальянских писателей в подлиннике». Италия была особенно дорога сердцу поэта, она была для Пушкина «заветнейшей и любимейшей мечтой жизни».

Известно, что существуют переводы А. С. Пушкина на испанский язык. Изучал ли поэт этот язык? Насколько хорошо он его знал? Ответ удалось найти только у отца поэта С. А. Пушкина, который пишет в «Отечественных Записках» в 1841 году: «Справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по-испански». «Следы этих занятий, пишет Т. Г. Цявловская, находим в рукописях поэта, где имеются два переводных отрывка из новеллы Сервантеса «Цыганочка». Занятия эти относятся к весне 1832 года».

Проявлял интерес Пушкин и к славянским языкам, потому что в то время знание церковнославянского языка для грамотных людей было естественным. На русском языке Библии ещё не было, – её читали на французском или церковнославянском языке. Сохранились письма поэта из Михайловского, где он находился в ссылке. В них он пишет, чтобы ему прислали две Библии, то есть на этих двух языках. Еще в 1821 году сделал он перевод из «Песни песней» царя Соломона с церковнославянского языка. Занимался Пушкин и древнерусским языком, и им проделана большая работа над текстом «Слова о полку Игореве».

Интерес к сербскому языку, культуре и литературе пробудился у Пушкина в южной ссылке. В Кишинёве и Одессе находилось много

сербов-эмигрантов. По воспоминаниям И. П. Липранди, он собирал песни и часто спрашивал о значении тех или иных слов для перевода. Первые впечатления Пушкина от общения с ними было достаточно сильным, потому что уже через полмесяца после приезда в Кишинёв он пишет стихотворение «Дочери Карагеоргия».

Несколько слов о польском языке. Т. Г. Цявловская, о которой мы уже говорили в этой работе, считает, что списанные Пушкиным в свою рабочую тетрадь стихотворения Мицкевича говорят о том, как непривычно было для Пушкина писание на польском языке. Но переводы баллад Мицкевича доказывают понимание польского подлинника. Надо отметить, что Пушкин в 1828 году перевёл на русский язык отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод».

Т. Г. Цявловская также обратила внимание на то, что украинский язык встречается в рукописях Пушкина только однажды. Им записаны четыре стиха из песни, вошедшей в сборник украинских песен Максимовича 1834 года.

Пытался Пушкин изучить основы древнееврейского языка. Так, в марте 1832 года поэт сделал запись еврейской азбуки. Язык этот Пушкин, по собственному признанию, хотел изучить для того, чтобы переводить Книгу Иова.

Итак, обладая выдающимися и разнообразными способностями, Пушкин предстаёт перед своими современниками и перед нами как эрудированный и глубокий мыслитель, для которого тесны рамки одной страны и двух языков, которые волей судьбы он знал в совершенстве. Он стремится познать человеческую культуру и историю глубже, чтобы ярче отразить свои мысли и впечатления в творчестве и поэтому обращается к иностранным языкам, которые помогают ему ощутить и понять первозданную ценность творений зарубежных авторов.

Подводя итоги, отметим, что поэту, не имевшему возможности выезжать за границу и проводившему долгие месяцы в ссылке, нелегко было самостоятельно осваивать иностранные языки и, тем более, достичь совершенства в произношении и устной речи. Тем не менее, глубокая осведомлённость поэта в лингвистике, основательное знакомство с иностранными языками и иностранной литературой играют немаловажную роль в его творческой эволюции. Читая произведения А. С. Пушкина, мы чаще всего обращаем внимание на влияние, оказанное иностранной литературой на его

творчество, и менее всего задумываемся над тем, какое значение придавал русский поэт знанию иностранных языков и насколько глубоко изучал их, чтобы в оригинале прочесть своих любимых авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М., 1999.
2. Бартенев П. И. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. // Московские ведомости. 1854. № 71.
3. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967.
4. Букалов А. М. Пушкинская Италия. СПб.: Алетейя, 2004.
5. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. М.: Правда, 1990.
6. Долинин А. А. Пушкин и английская литература. [Электронный ресурс]. – URL: <http://window.edu.ru>
7. Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
8. Раевская Е. Н. Воспоминания Е. Н. Раевской в записи Я. К. Грота // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985

В статье предпринимается попытка определить лингвистический кругозор А. С. Пушкина на основе биографических данных, воспоминаний и анализа произведений поэта. Интерес к изучению иностранных языков, с одной стороны, позволил А. С. Пушкину читать любимых авторов в оригинале, а с другой – оказал значительное влияние на творчество самого писателя.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, иностранные языки, переводы, лингвистический кругозор.

LINGUISTIC VIEWS OF A. S. PUSHKIN

L. M. Nigmatullina

The article attempts to determine the linguistic outlook of A. S. Pushkin on the basis of biographical data, memoirs and analysis of the poet's works. Interest in learning foreign languages, on the one hand, allowed A. S. Pushkin to read his favorite authors in the original, and on the other – had a significant impact on the work of the writer himself.

Keywords: A. S. Pushkin, foreign languages, translations, linguistic outlook.

О РИТМИКЕ ПРОЗЫ Н. ЛЕСКОВА

Сиверская Татьяна Михайловна

канд. искусствоведения, преподаватель кафедры «Музыковедение и композиция» Государственного музыкально-педагогического института имени М. М. Ипполитова-Иванова, Москва, Россия
s.t.music@inbox.ru

Литературное наследие Н. С. Лескова уже более века является объектом пристального изучения. К филологам и театроведам постепенно присоединились музыковеды, и это не случайно. Лесков обладал удивительной, оригинальной музыкальностью, ясно проявляющейся в его литературном языке на разных уровнях, в различных формах. При исследовании музыкальных произведений, созданных на сюжеты писателя, возникает необходимость детального сравнения музыкального и литературного текста. Это в свою очередь, образует новый подход к анализу таких составляющих текста как интонация, ритм, темп, даже тембр, которые задействованы в обеих областях искусства. При всей общности этих понятий в литературе и в музыке, есть и существенные различия в их восприятии, что может позволить по-иному взглянуть на творчество писателя, найти новые краски, идеи, смыслы и образы.

Гибкая и выразительная ритмика лесковских текстов не оставила равнодушными не только исследователей, но и поэтов. Так, поэт Серебряного века И. Северянин воспел лесковский язык и чувство ритма в стихотворении-посвящении «На закате» (1928).

А какие в них ритмы! А какая в них залежь

Слов ядрёных и точных русского языка! [Северянин, с. 218].

Отправной точкой северянинского стиха стала вполне прозаическая, на первый взгляд, строка самого Н. Лескова из повести «Островитяне»: «...отдыхала глазами на густевшем закате». Ритмический анализ выявляет в ней действительно ясно ощутимую метрическую повторность, благодаря которой данную фразу можно условно разбить на два симметричных полустишия:

отды́хала гла́зами
 на густевшем за́кате

Формальный анализ данной строки позволяет выявить сочетание разнородных метрических элементов: пеон третий + амфибрахий (или анапест + пиррихий + хорей), тогда как в поэтическом варианте уже ясно вырисовывается четырёхстопный анапест с дополнительным безударным слогом после цезуры и чередованием женских и мужских клаузул.

Отдыхала глазами на густевшем закате,

Отустив на колени том глубинных листков,

Вопрошая в раздумьи, есть ли кто деликатней,

Чем любовным вниманьем воскрешенный Лесков?

В целом ряде лесковских сюжетов действие нередко сопровождается звучанием песен, молитв. В его произведениях встречаются описания музыкальных событий, обрисовываются типажи музыкантов. Но помимо таких собственно «музыкальных» подробностей у Лескова встречаются приёмы и методы, перекликающиеся с музыкальными.

Интересно упоминание об одном из музыкальных свойств творчества Лескова, приведённое в развёрнутом критическом очерке одного из современников писателя – А. Вольнского. Излагая особенности повести «Запечатлённый ангел», он пишет: «В нескольких словах Лесков, инстинктивно соединяя красоты музыкальные и живописные, создаёт фантастический образ – певучий и лёгкий, как звон струны» [Вольнский].

Внутренняя музыкальность проявляется в произведениях Лескова на самых разных уровнях: от ритмики языка и характерных интонаций речи персонажей до организации текста и сюжета в целом. Рассмотрим некоторые примеры проявления музыкальности в текстах произведений Лескова, а также использования писателем методов и приёмов, близких или аналогичных музыкальным.

Ритмика лесковской прозы – явление исключительно важное и интересное. Сам Лесков отводил ритму очень большую роль, и свидетельства тому можно найти, в частности, в эпистолярном наследии автора. Так, в письме С. Шубинскому по поводу повести «Гора» Лесков писал: «...это верно, что стиль местами достигает “музыки”. <...> Я добивался “музыкальности”, которая идёт к этому сюжету, как речитатив. То же есть в “Памфалоне”, только никто

этого не заметил; а меж тем там можно скандировать и читать с каденцией целые страницы» [Лесков 1958, с. 464].

О значительной роли ритма в лесковских текстах упоминает и Л. Гроссман, причисляя Лескова к мастерам ритмической прозы наряду с Гоголем, Тургеневым и Андреем Белым. «Стиль его представляет собой чрезвычайно сложную систему, обдуманно организованную и разработанную до тонкостей. Своеобразие языка, его яркая выразительность и рассчитанный комизм, при умении ввести сказочный лад в привычный говор современного повествователя и довести его в нужных случаях до музыкальных ритмов, – таковы общие признаки этого литературного “сказа”, требующего самого тщательного и пристального изучения» [Гроссман].

Приводя примеры ритмизованной литературной речи, в первую очередь, мы обращаемся к разделённому на строфы поэтическому тексту, в структуре которого достаточно ясно прослеживается определённый стихотворный размер, или метр: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий или анапест. В строфе и на уровне целого произведения, как правило, применяется какой-то один из них («чистый» метр: четырёхстопный ямб в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и т. п.) либо сочетаются два основных (смешанный метр: дактиль и хорей в стихотворении «Выткнулся на озере алый свет зари» С. А. Есенина). В поэтическом тексте, как правило, метр ощущается с первых строк и утверждается многократным повторением.

Прозаическим текстам регулярный метр не свойствен. Однако в ряде случаев определённая ритмическая упорядоченность в них присутствует, и часто она является сознательным художественным приёмом автора. Ритмические структуры могут иметь разную степень выраженности, узнаваемости, протяжённости, быть единичными или повторяющимися, но, безусловно, они ощущаются даже при немом прочтении и влияют на восприятие текста.

Примеры ясно ощущаемой ритмики, в том числе ритмически оформленных отдельных фраз и выражений, неоднократно встречаются у Лескова. Их почти «поэтическая» рельефность хорошо заметна на общем более «прозаическом» фоне. Ритмически организованные фрагменты в произведениях Лескова различны по своей протяжённости (от отдельных ритмизованных фраз до весьма

пространных пассажей) и по оформлению (от ритмизованной прозы до стихотворных цитат). Немаловажное значение имеет и ритмизация названий отдельных сочинений писателя.

Систематизируя образцы ритмических структур в творчестве Н. С. Лескова, можно условно разделить их:

а) *по объёму* – на:

- 1) «локальные» («точечные»: отдельные фразы или выражения),
- 2) «протяжённые» (более или менее крупные фрагменты текста);

б) *по материалу* – на:

- 3) авторские (оригинальные лесковские выражения, тексты),
- 4) цитируемые (поговорки, пословицы, присказки и т. п., а также стихотворения и песенные тексты); в свою очередь могут быть разделены на народные, духовные и заимствованные у других авторов (для каждого из видов, соответственно, характерен определённый тип ритмики и метрики);

в) *по типу метрики* – на:

- 5) *силлабо-тонические* (определяемые с помощью соответствующей системы и содержащие «классические» стопы – ямба, хорей, дактиль и т. д.),

б) *тонические* (с урегулированным числом ударных слогов в сроке или фразе, не укладывающихся в стопы, но имеющих собственное устройство);

г) *по конструктивной роли в форме и драматургии* – на:

- 7) лейтритмы («реперные точки»),
- 8) кульминации (в том числе – «тихие»),
- 9) ритмизованные названия произведений.

Ниже приведены примеры для каждого типа ритмических явлений.

«Локальные», или «точечные», образцы встречаются наиболее часто. Это ритмически оформленные отдельные фразы или выражения. Их вкрапления в прозаическую неритмизованную ткань текста расставляют лёгкие акценты, мгновенно создавая нужный настрой, атмосферу. Часто это фразы с явно выраженным повторяющимся ритмом, к которому применимы поэтические определения. Так, отдельно взятую фразу «Ай люли се тре жули» из главы 15 сказа «Левша» можно рассмотреть как пример *силлабо-тонической* строки, метрическая организация которой построена на равномерном чередовании ударных и безударных слогов. В данном

случае это чередование образует четырёхстопный хорей с мужским окончанием:

Ай люли се тре жули

Контрастируя с окружающим текстом, описывающим отправленного на чужбину голодного Левшу¹, эта строка создаёт комический эффект. С точки зрения материала – соединение русского песенного возгласа с расхожей французской фразой представляет собой типичный макаронизм.

На страницах лесковских повествований часто встречается квазифольклорная стилистика. Она проявляется и в особой манере речи, и в использовании прибауток, присказок, поговорок, пословиц. Органично вплетаясь в ткань авторского текста, присказки и поговорки сохраняют свою изначальную, отточенную веками ритмику. Примеров таких вкраплений множество: «абы лихо спало тихо», «муж и жена – одна сатана», «на мне чин – четырнадцать овчин...», «в Польше нет хозяина больше» и другие.

Авторские ритмизованные фразы и выражения также во множестве встречаются в произведениях Лескова. Здесь мы упомянем лишь о такой стилистической особенности, как использование контаминаций – новых слов и выражений в народном духе. Часто они имеют ясное ритмическое оформление, иллюстрируя упомянутую выше «ритмическую локальность» (рис. 1).

Аболон Полведерский мерблюзьи мантоны
буреметры морские

Рисунок 1 – Расстановка ударений в различных фразах сказа «Левша» Н. С. Лескова, демонстрирующая их метрическую общность

Подобные ритмизованные фразы становятся реперными точками – ритмическими опорами, в какой-то мере организующими прозаическую ткань подобно музыкальным лейтритмам или лейтмотивам (п. 7).

О том, что в его произведениях встречаются и довольно протяжённые ритмически оформленные фрагменты, которые «можно скандировать и читать с каденцией целые страницы»

¹ В сказе Лескова определение «левша» даётся со строчной буквы, как характеристика одной из особенностей персонажа. Но поскольку в данной работе здесь и далее речь идёт о конкретном персонаже, данное определение будет использоваться как имя собственное, а потому — с заглавной буквы.

[Лесков, с. 464], свидетельствовал сам Лесков. Их можно найти не только в «Горе» или «Памфалоне», о которых упоминал автор, но и, например, в повести «Островитяне». Приводя один из таких фрагментов, Е. И. Чигарёва отмечает в нём закономерности тонического стиха [Чигарёва, с. 190]. На наш взгляд, в нём есть и довольно ясно выраженная дактилическая структура (рис. 2):

Солнце садится за лесом, луга закрываются на ночь фатой из тумана; зеленьеесны чернеют...

Рисунок 2 – Расстановка ударений, демонстрирующая дактилическую структуру

Данный фрагмент является своего рода «тихой кульминацией» произведения. Продолжительное многократное повторение ритмического рисунка создаёт эффект высокого слога, погружает читателя в атмосферу созерцания красоты природы.

Особое лесковское чувство ритма проявляется даже в названиях произведений, и примеров тому немало. Так, в заглавии «Скоромох Памфалон» находим вполне традиционный двухстопный анапест:

Скоромох Памфалон

Ритм названия «Леди Макбет Мценского уезда» основан на определённом чередовании сильных и слабых слогов-долей²:

Леди Макбет Мценского уезда

Интересно, что тот же ритм присутствовал и в первоначальном названии – «Леди Макбет нашего уезда». Простейший анализ показывает, что лесковское название действительно сознательно организовано ритмически, в отличие от, например, тургеневского «Гамлет Щигровского уезда» (1849), аллюзию на которое оно содержит:

«Гамлет Щигровского уезда»

Определённая, упругая ритмичность присутствует и в других названиях произведений Лескова.

Использование силлабо-тонической метрики – лишь один из экспрессивных приёмов, далеко не отражающий всего богатства

² Не вызывает сомнений тот факт, что Лесков использует русифицированное ударение в фамилии героини на первый слог (в отличие от шекспировского Макбета). «Правильная», английская постановка даёт два ударных слога рядом, что нарушает заданный ритм.

речевой ритмики писателя. Впрочем, Лесков и не стремился войти в поэтическую когорту. В основе его акцентности часто лежит фольклорное ощущение как ритма, так и интонации. Известно по собственным свидетельствам Лескова, что он узнавал народ и его язык «не по разговорам с петербургскими извозчиками», а «на гостомельском выгоне» [Лесков 2011]. Представляется уместным рассматривать особенности лесковской ритмики не только с позиции классической литературы и поэзии, но и проводя аналогии с приёмами народного творчества. Например, манеру Лескова включать стихотворные ритмы в прозаический текст без визуальной разбивки на строфы можно соотнести с аналогичным фольклорным приёмом, используемым в сказах³.

Отделённый от прозаического окружения и разделённый на строфы поэтический текст играет особую роль у Лескова. Нередко писатель цитирует в таком формате народные песни.

Обратимся к уже упоминавшейся выше повести «Житие одной бабы». При её чтении создаётся ощущение, что ритм текста словно произрастает из ритмики звучащих в нём песен, варьируя её на разные лады. Чтобы проследить происхождение лесковского речевого ритма, в качестве отправной точки можно взять песню-эпиграф, которую Лесков предпосылает повести. Это одна из традиционных лирических песен – «Ивушка», известная уже по первым песенным сборникам XVIII века (Львова-Прача⁴, Киреевского и других). Песня бытовала преимущественно в Московской области, и текст её был довольно устойчив и распространён. Лесков использует начальные восемь строк; ритм задаётся в первых двух строках и сохраняется на протяжении всей песни:

Ивушка, ивушка,
 Ракитовый кусток!

Определение метра с позиции силлабо-тонической системы даст такую картину: точная повторность ритмического рисунка в первой строке образует двухстопный дактиль; вторая же строка песни содержит разные стопы – пеон второй и ямб. Несмотря на равное

³ Ритмизованные строки в прозе характерны и для народных детских сказок.

⁴ В сборнике Львова-Прача — вариант песни с начальной строкой «Ивушка, ивушка зелёная моя».

общее число стоп (3 + 3 = 4 + 2), строки не образуют ритмического единства⁵.

Но ритмика народных песен, как известно, определяется по несколько иным параметрам, нежели ритмика профессиональной, классической поэзии [Гаспаров, с. 8]. И в данном случае мы имеем дело скорее с тонической системой, где количество акцентов связано с количеством ударений в строке. С точки зрения этой системы текст песни выдержан в едином метре, содержащем по два ударения в каждой строке.

По ходу действия Лесков упоминает и приводит целый ряд песен, входящих в цикл святочных гаданий. Среди них довольно известная подблюдная песня, предвещающая скорую свадьбу, – «Зовёт кот кошку». Варианты текста этой песни приводятся в различных сборниках, в том числе – в «Новейшем всеобщем и полном песеннике», изданном в 1819 году в типографии И. Глазунова, сборнике П. Шейна (1898) и других⁶. И почти в каждом варианте текст песни имеет иную ритмическую структуру. Так, в «Новейшем всеобщем и полном песеннике» ощущается тонический (былинный) стих: *Уж как кличет кот кошку в печурку спать*.

У П. Шейна текст разбит на 2 строки и излагается хореем с анакрусой во второй строке:

Кот кошку

Звал спать у печурку.

Эта же песня упоминается у А. Пушкина в «Евгении Онегине»:

Из блюда, полного водою,

Выходят кольца чередою;

И вынулось колечко ей

Под песенку старинных дней:

«Там мужички-то всё богаты,

⁵ Впрочем, в музыкальном варианте этого текста ритмика обеих строк нередко выравнивается за счёт дробления долей, и все ударные слоги закономерно приходятся на сильные доли тактов. Например, в варианте этой песни из сборника «Русские народные песни Московской области» А. Новиковой и С. Пушкиной:



⁶ В сборнике В. Варгановой (1988) дан вариант, практически идентичный Шейну, но с припевом, характерным для подблюдных песен.

Гребут лопатой серебро;
Кому поём, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;

Милей кошурка сердцу дев (курсив нащ – С. Т.).

В комментарии автора поясняется значение обеих песен, о которых идёт речь, и даются начальные строки песни о кошурке. По мнению исследователей, процитированный Пушкиным фрагмент взят не из песенного сборника. Вероятнее всего, поэт слышал песню от няни Арины Родионовны или крестьян [Глумов, с. 115]. Примечательно, что текст у Пушкина разбит на две строки – так же, как в песенных сборниках:

Зовёт кот кошурку
В печурку спать.

В этом варианте проступают черты амфибрахия, волнообразная акцентность которого подчёркивает напряжённость момента гадания.

В отличие от приведённых выше примеров, в повести Лескова эта песня имеет иное значение и, соответственно, иное звучание. Она является уже не символом ожидаемой радости, а роковым знаком, предвещающим главной героине скорую свадьбу с постылым ей человеком.

Текст песни у Лескова в точности совпадает с текстом, приведённым у Пушкина, но даётся в одну строку, что делает его более прозаическим:

Зовет кот кошурку в печурку спать

При рассмотрении ритма лесковского варианта песни получается довольно сложная структура, которая, несмотря на внутреннюю симметрию, с большим трудом поддаётся толкованию с точки зрения силлабо-тонической метрики. Данный вариант можно обозначить как трёхстопный амфибрахий с дополнительным ударением в первой стопе (бакхий) и дактилическим окончанием. Такая ритмика, безусловно, отражает внутреннее состояние главной героини, её смятение, которое вскоре описывает автор: *«Настя встала с места, чтоб поблагодарить девушек, как следует, за величанье, да вместо того, чтобы выговорить: “Благодарю, сестрицы-подруженьки”, сказала: “Пустите”.*

Девушки переглянулись, встали и выпустили её из-за стола, а она прямо в дверь да на двор. “Что с ней? Куда она?” – заговорили».

Сложная ритмическая организация встречается и в других песенных примерах в той же повести Лескова. Например, в песне, которую героиня поёт в одиночестве (рис. 3):

Из-за бору, бору зелёнова
Протекала свет быстрая речка;
Стучала, гремела по камням острым,
Обрастала быстра речка калиной, малиной.

Рисунок 3 – Расстановка лексических ударений в песне из повести Н. С. Лескова

Даже простейший ритмический анализ ударных и безударных слогов песен даёт картину нерегулярной акцентности (тонический тип стиха), характерной для народных текстов, в том числе – песенных⁷, которая проявляется и в языке Лескова. При этом в отдельных строках есть симметричные или повторяющиеся чередования акцентов, задающие определённый метр, в результате чего ударения могут смещаться, как это бывает в поэтических произведениях. Чередование образовавшихся стоп выявляет определённую закономерность с элементами симметрии, вариантности и суммирования (рис. 4):

Из-за бору, бору зелёнова
Протекала свет быстрая речка;
Стучала, гремела по камням острым,
Обрастала быстра речка калиной, малиной.

Рисунок 4 – Расстановка ударений, выявляющих метрические стопы и их чередование

В других произведениях писателя также встречаются подобные «вкрапления» стихотворных строк, сливающиеся с прозаическим текстом. Часто это – поговорки, присказки и прибаутки, но нередко встречаются и авторские фразы самого писателя.

Взаимодействие вышперечисленных ритмических элементов отражено в схеме, приведённой на рисунке 5:

⁷ Напомним, что метрическая переменность русских народных песен, которая не укладывается в рамки традиционного музыкального метроритма, привела к использованию смешанных размеров типа 5/4, 11/4, а также переменного метра у отечественных композиторов (Бородина, Римского-Корсакова, Стравинского и других).

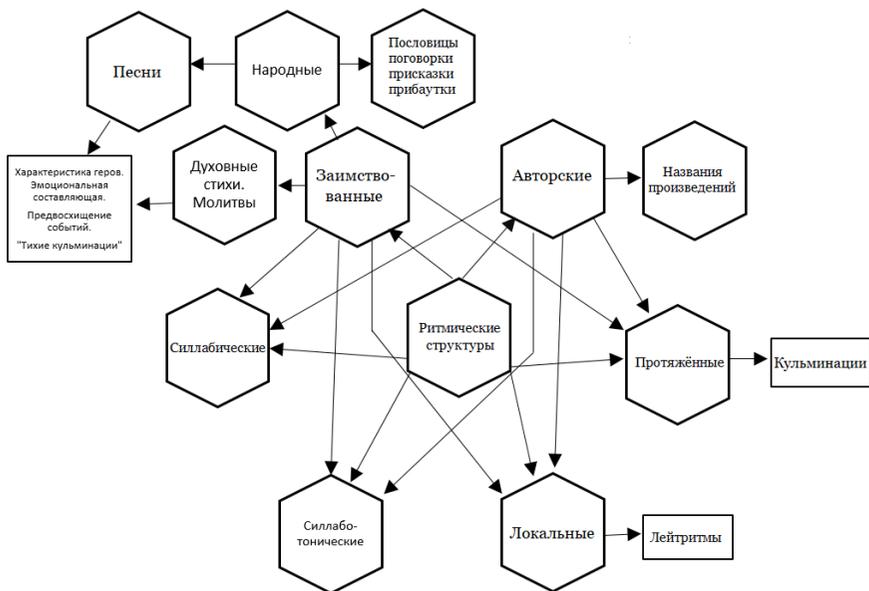


Рисунок 5 – Схема взаимодействия ритмических структур прозаических текстов Н. С. Лескова

В данной схеме наглядно обозначены взаимосвязи всех видов ритмических структур, их своеобразная вариантность и многоуровневость.

Обращаясь к ритмике Лескова, невозможно не вспомнить рассуждения Г. Флобера о прозе, представленные в одном из его писем: «Желание придать прозе ритм стиха (оставляя прозу прозой) и описать обыденную жизнь, как пишут историю или эпопею (не извращая сюжета), – быть может, абсурд, а может быть, – великое и очень оригинальное задание!» [Флобер]. Лесков в своём творчестве словно развивал эту идею Флобера. Ритмические находки рассыпаны в его прозе часто и остроумно, организуя её на разных уровнях, придавая особую музыкальность её звучанию. Они напоминают об истоках искусства слова, изначально неразрывном единстве слова и музыки, открывают огромную перспективу для исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольнский А. Н. С. Лесков. Критический очерк. СПб., 1898.
2. Гаспаров М. Русский стих начала XX века в комментариях. М. 2001.

3. Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. М.; Л., 1950.
4. Гроссман Л. Лесков // Собрание сочинений: в 5 т. Т. IV. Мастера слова. М., 1928.
5. Лесков Н. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. XI. М., 1958.
6. Лесков Н. Русское общество в Париже. М., 2011. 130 с.
7. Северянин И. Стихотворения. М., 2017.
8. Флобер Г. Письмо к Луизе Коле. 27 марта 1853 г. // Флобер Г. Письма 1830–1855. М., 1928.
9. Чигарёва Е. О музыкальности художественной прозы (на примере повести Николая Лескова «Островитяне») // Музыкальная академия. 2021. № 2.

Автор статьи обращается к анализу ритма прозы Н. С. Лескова, который создаёт музыкальность её звучания. В исследовании отмечается многоуровневость ритмической организации, описана взаимосвязь всех видов ритмических структур. Ритм придаёт особую музыкальность звучанию текста и отражает исконное единство слова и музыки.

Ключевые слова: *ритм, музыка, ритмическая организация прозы, ритмические структуры, Н. С. Лесков.*

ABOUT THE RHYTHM OF N. LESKOV'S PROSE

T. M. Siverskaya

The author of the article refers to the analysis of the rhythm of N. S. Leskov's prose, which creates the musicality of its sound. The study notes the multilevel rhythmic organization, describes the relationship of all types of rhythmic structures. The rhythm gives a special musicality to the sound of the text and reflects the primordial unity of the word and music.

Keywords: *rhythm, music, rhythmic organization of prose, rhythmic structures, N. S. Leskov.*

«ЗАПИСКИ ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ» Л. К. ЧУКОВСКОЙ: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА

Сонькин Валерий Александрович

преподаватель кафедры общих гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин ИНПЕКО НГПУ, Набережные Челны, Россия
sonkinva59@mail.ru

На протяжении последних десятилетий ощутил интерес к эпистолярному наследию («человеческим документам»), где реконструируются исторические, бытовые, культурные реалии эпохи, в которой жила творческая личность, биографический контекст поэта, его отношение к происходящим событиям: «любое большое и существенное событие всегда противится литературному жанру» [Залыгин, с. 3]. Пристальное внимание к документам становится знаком эпохи и возбуждает читательский интерес. В конце XX века появилась возможность опубликовать источники, глубоко запрятанные в архивах.

Отдельные фрагменты дневниковых записей Л. К. Чуковской стали появляться в центральных журналах, а полностью они вышли только в 2007 году. «Записки об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской несут в себе не только информативную, познавательную ценность, но и имеют художественно-эстетическую значимость.

Автор эпистолярной прозы опирается на конкретный факт, событие, и поэтому дневники, записки являются важным источником при изучении творческой личности. В разделе «Вместо предисловия» Л. Чуковская пишет: «С каждым днём, с каждым месяцем мои обрывочные записки становились всё в меньшей степени воспроизведением моей собственной жизни, превращаясь в эпизоды из жизни Анны Ахматовой» [Чуковская, с. 12–13]. Дневниковая форма ценна ещё тем, что в ней факт представлен как «незавершённая завершённость». Обыкновенная, простая биография, описываемая в дневнике, обновляет жизненный факт, дополняет известную картину, объективируя историю: «В те годы Анна Ахматова жила, заморожённая застенком, требующая от себя и других неотступной памяти о нём, презирающая тех, кто вёл себя

так, будто его и нету» [Чуковская, с. 11]. В своих «Записках...» автор соблюдает строгую хронологию: первый том охватывает 1938–1941 гг.; второй – 1952–1962 гг.; третий – 1963–1966 гг. В эвакуации между Ахматовой и Чуковской возникли напряжённые отношения, поэтому целое десятилетие выпало из авторского внимания.

В дневниках определяющее значение имеет личность автора, субъективизм здесь становится основной познавательной ценностью. Л. Чуковская вскользь даёт свою биографию, моделирует действительность, воспроизводит психологию характеров людей и отношение к ним А. Ахматовой. Личность поэта является абсолютной доминантой в книге. Среди окружения Чуковской Ахматова «одна казалась не сном, а явью. Она была, несомненно, достоверна среди всех колеблющихся недостоверностей. О ней тянуло писать, потому что она сама, её слова и поступки, её голова, плечи, движения рук обладали той завершённой, какая обычно принадлежит в этом мире лишь великим произведениям искусства. Судьба Ахматовой – нечто большее, чем даже её собственная личность...» [Чуковская, с. 13].

Важной особенностью «Записок...» является воспринимающее сознание автора, сознание, основанное на воспоминании, впечатлении, а не на фабульно-связанных биографических фактах. Отрывочные представления, из которых состоит произведение Л. Чуковской, связываются между собой единственным личным опытом, преломленным через память. «Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак...», – пишет А. Ахматова [Ахматова, с. 172]. Таким образом, у Л. Чуковской становится важной такая эстетическая категория, как «автобиографическая память», связывающая воедино разрозненные впечатления и припоминания. Сам автор «Записок...» не придаёт себе статус действующего персонажа, то есть носителя фабулы, совпадающей с биографией. Всё фабульное развитие исходит от личности поэта.

В дневниковых записках большое значение имеет не только историческое со-бытие, но и частная человеческая судьба, жизненные перипетии. Образы и обстоятельства жизни в «Записках...» Л. Чуковской постепенно меняются, обогащаются содержательно. Читатель узнаёт о трудностях, выпавших на долю большого поэта.

Дневники нередко взаимодействуют с воспоминаниями и письмами, что говорит об их достоверности о желании автора рассказать о духовной стороне людей, состоящих в переписке. А. Ахматова с присущей ей ироничностью очень тонко анализирует все духовные изменения человека, вступившего с ней в переписку. Воспоминания А. Ахматовой о людях отражают черты её личности: душевную чистоту, непреклонность, царственную осанку, безытнность, тонкий ум. Дневник Л. Чуковской становится литературным фоном общественного и духовного бытия, не загромождён подробностями, а ценен ими. Перед глазами читателя раскрывается культурная эпоха Серебряного века, в которую начинала творить А. Ахматова. Автор «Записок...» через восприятие поэта духовной и культурной жизни начала XX века воссоздаёт Петербург и «петербургский текст», представляющие собой «не просто усиливающий эффект зеркало города, но и устройство, с помощью которого и совершается переход от материальной реальности к духовным ценностям» [Топоров, с. 259]. Петербург у Чуковской и Ахматовой уникален ещё и тем, что «он обладает своим текстом, точнее неким синтетическим сверткестом, с которым связываются высшие смыслы и цели» [Топоров, с. 275]. Как и всякий другой город, Петербург имеет свой «язык». Он говорит с нами своими улицами, площадями, зданиями, памятниками, людьми, историей... А. Ахматова является свидетелем конца и носителем памяти о Петербурге, завершителем «петербургского текста» («Даль, дома – образы застывшего страдания. И я так долго, слишком долго отсюда не уезжала»).

Петербург Ахматовой постоянно предстаёт в своей ясной предметности, в узнаваемых реалиях, ландшафтах. Город и Слово в нем неразделимы, как гранит и вода в его реальной антиномической сущности, как любовь и ненависть в его метафизике. Петербург – уникальное явление в русской культуре, сочетающее в себе европейский и русский аристократизм, внутри которого Ахматова была воспитана и пронесла это через всю жизнь.

Воспоминания А. Ахматовой в «Записках...» Л. Чуковской превращаются в портретные зарисовки современников. Автор подчиняет себе каждый миг воспоминаний, каждый образ человека, отдаёт своеобразный долг памяти; читатель вместе с автором

«Записок...» является участником событий, о которых рассказывает поэт.

В сюжетной организации воспоминаний Ахматовой присутствуют жанрообразующие элементы игровой психологической прозы:

а) автора интересует определённый исторический момент, конфликт, который связан со спецификой эпохи;

б) противопоставление полярных локусов, символизирующих оппозицию порядка и хаоса (Москва – Петербург): пребывание Ахматовой в Москве у Ардовых, где московское пространство противопоставляется Петербургу как нечто органичное, естественное, почти природное;

в) повторяющиеся сюжетные ситуации: определение и выбор своего жизненного кредо, поединок, суд, высказывания Ахматовой о поэзии Анненского, Волошина, Кузмина, Вяч. Иванова, Мандельштама;

г) существенные различия между точками зрения повествователя и персонажа: споры Ахматовой и Чуковской о литературе и искусстве;

д) превалирование исторических справок, комментариев, описаний быта: Чуковская фиксирует быт Ахматовой, а сама Ахматова фиксирует быт эпохи.

В системе персонажей:

а) герой – частный человек, вовлечённый помимо воли в социально-политический конфликт (отношение Ахматовой к присуждению Нобелевской премии Б. Пастернаку; воспоминания о трагических событиях, связанных с арестом сына и расстрелом Н. Гумилёва; арест и гибель Мандельштама; смерть М. Цветаевой);

б) присутствие исторических персонажей (Александр I, Сталин);

в) наличие нескольких «пар», так или иначе сопоставленных друг с другом персонажей, которые нужны, чтобы показать смену эпох как смену присущих им характеров. У Ахматовой сопоставление персонажей связано с мозаичностью синхронного среза культуры, которая складывается из субкультур различного типа с присущими им характерами: Пушкин – Александр I, гармоничный И. Анненский – «будуарный поэт» Кузмин, консервативный и лицемерный Николай I – «старик» Л. Толстой, Сталин – честный и взыскательный к самому себе поэт (Ахматова).

Анализ по предложенным параметрам показывает, что мемуарная проза (воспоминания) А. Ахматовой восходит к реалистичному психологическому роману XIX века.

Из «Записок...» Чуковской ясно, что Ахматова никогда не предпринимала искусственных шагов по организации своей реальной жизни или своего жизненного «имиджа», как это делали типичные «жизнестроители» начала XX века. В то же время в своих поздних воспоминаниях она сознательно стремится к выстраиванию своей жизни как целостного художественного текста («жизни-текста»). А. Ахматова, говоря о своей биографии, постоянно стремилась в стихах, в устных беседах, воспоминаниях «вписать» события собственной жизни в общий контекст истории России XX века, нередко придавая фактам важное значение для «большой» истории. Так, она считала, что ждановское постановление было следствием её встречи с Исайей Берлином в Ленинграде зимой 1945–1946 гг. Чрезвычайно важным для Ахматовой было её собственное понимание литературной эпохи. Л. К. Чуковская в своих «Записках...» рассказывает о взаимоотношениях Ахматовой с братьями по цеху, выстраивая «правильную» картину расстановки литературных сил. Свою литературную позицию как свидетеля и участника исторических событий Ахматова подкрепляет собственными версиями, порой даже мифологизированными, истории литературной жизни и собственной версией своей биографии. Всё это, как она считала, должно стать основой для верного прочтения её стихотворений.

Книга Л. К. Чуковской также тяготеет и к жанру эссе. Мысли, высказываемые в эссеистической форме, допускают возможность иных суждений. Художественное начало здесь легко соединяется с публицистическим и философским. М. Эпштейн пишет, что «эссе – часто признание, как дневник, часть рассуждение, как статья, частное повествование, как рассказ» [Эпштейн, с. 11].

«Записки об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской – неотъемлемая часть литературного процесса, где автор удачно соединил публицистику с художественной прозой. Своеобразие «Записок...» заключается ещё и в том, что нередко, неся в себе моноличность, книга Л. Чуковской стремится к диалогичности. Автор фиксирует мелочи, которые затем «превращаются» в яркие художественно-публицистические детали, отражающие определённый смысл

явления: «Какой в ней живёт высокий дух, с каким могуществом она [Ахматова – В. С.] превращает в чистое золото битые черепки, подсовываемые ей жизнью!».

Таким образом, книга Л. К. Чуковской является синтетическим жанром, где ощутимы признаки мемуарной, публицистической и художественной прозы, и читатель понимает, что невозможно в узких рамках одного жанра выразить всю любовь, глубокое понимание величия и мощи личности А. Ахматовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений в 6 тт. М., 1998–2002.
2. Залыгин С. Н. К вопросу о бессмертии. Из заметок минувшего года // Новый мир. 1989. № 1. С. 3–50.
3. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Культура, 1995. 624 с.
4. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 тт. Т. 1. 1938–1941. М., 2007. 592 с.
5. Эпштейн М. Все эссе: в 2 тт. Т. 1. В России. Екатеринбург, 2005. 544 с.

В статье раскрывается жанровое своеобразие «Записок об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской через опору на конкретный исторический факт, биографию поэта, воспоминания современников и собственное авторское осмысление литературной эпохи. В сюжетной организации воспоминаний А. Ахматовой также присутствуют жанрообразующие элементы игровой психологической прозы. Таким образом, книга Л. К. Чуковской представляет собой синтетический жанр, где переплетаются черты мемуарной, публицистической и художественной прозы.

Ключевые слова: жанр, игровое начало, автор, синтез документального и художественного.

"NOTES ABOUT ANNA AKHMATOVA" BY L. K. CHUKOVSKAYA: TO THE PROBLEM OF GENRE

V. A. Sonkin

The article reveals the genre originality of L. K. Chukovskaya's "Notes on Anna Akhmatova" through reliance on a specific historical fact, the biography of the poet, the memoirs of contemporaries and the author's own understanding of the literary era. The plot organization of A. Akhmatova's memoirs also contains genre-forming elements of game psychological prose. Thus, the book by L. K. Chukovskaya is a synthetic genre where the features of memoir, journalistic and artistic prose are intertwined.

Keywords: genre, game beginning, author, synthesis of documentary and artistic.

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВЕБ-РЕСУРСОВ НА УРОКЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Фирсова Кристина Петровна

магистрант филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «Чистопольско-Высельская СОШ»,
Чистополь, Россия
vol.kristina2@yandex.ru

В настоящее время активно развиваются Интернет-технологии, и на современном этапе невозможно представить урок без активного использования сети Интернет в целом. Его использование не только расширяет границы образовательной среды, но и создаёт новый формат образовательного пространства. Нововведением в образовании стало использование образовательных веб-ресурсов (далее – ОВР) при различных формах работ: при фронтальной и при самостоятельной работе обучающихся. При организации уроков русского языка, учитель использует ОВР, так как они обладают большими возможностями в формировании коммуникативной, языковой, лингвистической и культуроведческой компетенций обучающихся.

Однако в российских школах учатся не только русскоязычные обучающиеся, но и обучающиеся из других государств, при этом они не имеют возможности говорить на русском языке, знать грамматику столь хорошо, как обучающиеся, которые проживают в России. Поэтому необходима организация уроков русского языка так, чтобы облегчить обучение учащихся других стран, сделать условия обучения более комфортными и эффективными. В этом случае учителя могут прибегнуть к использованию сети Интернет, в особенности к ОВР.

Использование ОВР, в первую очередь, стимулирует познавательную деятельность иностранных обучающихся, которая достигается путем участия самих учащихся в самостоятельном изучении дополнительного материала, а также при закреплении материала на уроках русского языка. Более того, воспринимая новый материал с помощью ОВР, обучающиеся осмысливают

полученный материал на более глубоком уровне через моделирование базовых учебных ситуаций.

На уроках русского языка особое место занимает и разнообразие форм представления учебного материала, домашнего задания, а также задания для индивидуальной работы. Также использование ОВР повышает мотивацию, позволяет эффективнее применять полученные знания, сформированные навыки, речевые умения для решения коммуникативных задач, закрепляет интерес к русскому языку.

Те или иные особенности веб-технологий, такие как, яркость, наглядность и новизна на уроках русского языка, в сочетании с методическими приёмами, делают урок более эффективным, интересным и запоминающимся. Кроме этого, использование Интернет-технологий на уроках русского языка позволяет учителю визуально представить информацию в более наглядном виде, а также демонстрационный материал (упражнения, опорные таблицы или схемы, понятия); провести диагностику и контроль; провести самостоятельную творческую работу учащихся; организовать метод проектов или поисковую работу обучающихся.

Существует огромное количество образовательных ресурсов по изучению русского языка, которые смогут помочь иностранным обучающимся в овладении русским языком. Среди них стоит отметить следующие:

1) проект Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина портал «Образование на русском» (pushkininstitute.ru);

2) сетевой ресурс «Learn Russian» (learnrussian.rt.com);

3) сетевой ресурс «Master Russian» (masterrussian.com);

4) портал «Russian For Everyone» (www.russianforeveryone.com);

5) сетевой ресурс «Юна» (youna.ru);

6) «Время говорить по-русски!» (timetospeakrussian.com);

7) «Русский онлайн»;

8) «Learningapps.org» и другие.

Подробно рассмотрим каждый из них.

1) Проект Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина «Образование на русском» представляет собой образовательный портал для изучения русского языка как иностранного. На данном портале обучающиеся смогут изучить

русский язык самостоятельно или под руководством тьютора. Обучаться можно по различным уровням: от элементарного до сертифицированного. В структуру курса входят различные темы и разделы русского языка. После прохождения курса, обучающийся проходит тестирование на знание русского языка и получает сертификат, подтверждающий его уровень. Однако прохождение курса платно. На данном портале существует возможность обучение русскому языку детей младших классов. Здесь представлены разделы: «Лексика. Грамматика», «Аудирование», «Чтение», «О России», различные тесты и упражнения, проверяющие полученные знания обучающихся.

В разделе «Лексика. Грамматика», обучающиеся смогут увидеть словарик по различным темам, например, «Природа», «Виды спорта» и т. д. (в словарики слово с ударением подкреплено аудио), а также небольшие упражнения, в которых обучающемуся необходимо найти соответствующую картинку к слову. В разделе «Аудирование» обучающиеся прослушивают текст, а затем выполняют задания по прослушанному тексту, например, собрать вещи на море, собраться с классом в поход и т. д. Однако, в данном случае, учащиеся уже изначально должны познакомиться со словами, чтобы понять, какие предметы изображены на картинке. В разделе «Чтение» обучающиеся учатся читать буквы, произносить их и находить их среди остальных, то есть проверяется умение дифференцировать буквы. Сначала на видеоуроке тьютор (учитель) рассказывает об этой букве, произносит, а затем уже обучающиеся выполняют упражнения произносительного и тренировочного характера. В разделе «О России» они смогут узнать о традициях и образе жизни россиян, о городах России и частично об ее истории.

Для учителей русского языка данный сервис тоже является полезным, так как они смогут пройти курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки; онлайн-курсы дополнительного образования; просмотреть или поучаствовать в открытых вебинарах для преподавателей-русистов, в онлайн-лекциях профессоров по гуманитарной тематике и другое.

На данном сервисе есть видеофильмы о русском языке, литературе, культуре и образовании на русском языке; лингвострановедческий словарь «Россия»; конкурсы, олимпиады по

русскому языку и литературе для обучающихся; новости и анонсы событий в мире русского языка.

Преимуществом данного ресурса является то, что он достаточно красочен, иллюстративен, интерактивен. Недостатком можно считать только то, что некоторый контент остаётся платным, как для обучающихся, так и для учителей в целом.

2) «Learn Russian» – веб-ресурс для тех, кто изучает русский язык самостоятельно с азов. На данном сервисе есть упражнения, аудио, отличные таблицы, топики от алфавита до научного стиля речи. Наглядные и интерактивные уроки позволяют познакомиться с основными фразами русского языка, научить школьников отвечать правильно на вопросы, познакомиться с русской культурой и особенностями русского языка. Русский алфавит включает различные картинки, аудио, по которым можно научиться правильно произносить буквы и слова. Фонетика состоит из трех частей. В первой части, обучающиеся знакомятся с гласными и согласными буквами, приводится аналогия с другим языком для упрощенного изучения русского алфавита. Во второй части предлагается практика звуков. В третьей части – практика интонации. Различные темы подкрепляются разнообразными упражнениями и тестами.

3) Другим, не менее популярным ОВР, является «Master Russian». На данном портале сосредоточено внимание на грамматике русского языка, а также содержится лингвокультуроведческий материал. Кроме того, здесь можно найти различные познавательные статьи, видео и аудиодокументы о русской культуре. На уроках русского языка учитель может представлять русскую культуру, особенности русского языка, а прохождение уроков с лексико-грамматическими заданиями будет полезно для самостоятельного изучения или для домашнего задания.

4) ОВР «Russian For Everyone» – это веб-сервис, включающий в себя огромное количество грамматических и лексических уроков. Каждый урок содержит вопросник и тест на повторение усвоенного материала. Также в данном ОВР представлены грамматические таблицы и языковые игры. Грамматические таблицы являются вспомогательным инструментом на уроках русского языка, а языковые игры особенно будут интересны иностранным

обучающимся, так как они смогут закрепить материал в игровой форме.

5) ОВР «Юна» – это помощник в изучении русского языка как иностранного, который предлагает комплекс онлайн-упражнений для отработки лексических и грамматических навыков у обучающихся других стран. Интерактивные упражнения с использованием тестовых заданий, письменных упражнений, а также аудио- и видеоматериалов отлично дополняют занятия по русскому языку и помогут закрепить материал.

6) «Время говорить по-русски!» подходит для начинающих знакомиться с русским языком. Материал включает в себя 10 уроков, которые дают общее представление не только о базовых фонетических, грамматических и лексических категориях языка, но и актуальную страноведческую информацию (например, что такое миграционная карта и как её заполнять, об аэропортах Москвы). Здесь обучающиеся найдут не только основной курс, но и грамматический справочник, медиатеку, словари, раздел с тестированием и библиотеку.

7) «Русский онлайн» – это ОВР, который вмещает в себя различные виды словарей, фонетический, грамматический курс русского языка; отдельно изучаются числительные и буквы русского языка. На данном сервисе обучающиеся смогут изучать русский язык, начиная с элементарного уровня, заканчивая базисным уровнем. Различные темы подкрепляются упражнениями. Также в ОВР присутствует информация о праздниках русского народа, что позволяет обучающимся сформировать представление о русской культуре.

8) Для того чтобы обучающиеся изучали русский язык в игровой форме, существует ОВР интерактивного характера «LearningApps.org», где достаточно много интерактивных упражнений, созданные самим сайтом или учителем на отработку каких-либо умений и навыков в области знания по русскому языку. К примеру, упражнения на выбор правильных ответов, задания на установление соответствий, правильной последовательности, а также упражнения, в которых надо вставить правильные ответы в нужных местах и другие. На данном сервисе обучающиеся смогут потренироваться в предлогах, глаголах и по другим темам, которые являются трудными в изучении. Часто данных веб-сервис учитель

может использовать на уроках русского языка в качестве закрепления материала или же использоваться в виде домашнего задания, для контроля (самоконтроля).

Сервис Learningapps.org можно использовать на разных этапах урока. В первую очередь, на этапе актуализации знаний или при изучении нового материала, то есть учитель может использовать задание со вставками; для закрепления изученного материала, он воспользуется заданиями типа сортировки или классификации; а для опросов подойдут задания на сбор пазлов, решения кроссвордов, викторин и тестовых заданий. Также продуктивны упражнения для выполнения домашней работы по предмету. Преимущества такого ОВР ещё и в том, что обучающиеся включаются в активную познавательную, исследовательскую и творческую деятельность. Недостатком считается то, что задания выполняются только для самоконтроля, так как отсутствует определенная статистика для учителя.

Анализ вышеуказанных веб-сервисов позволяет сделать вывод о том, что современные ОВР имеют ряд преимуществ: мультимедийность, интерактивность и доступность. Это позволяет найти необходимую информацию, ознакомиться с ней, выполнить лексическо-грамматические упражнения, пройти тестовый контроль. Стоит добавить, что некоторые образовательные веб-сервисы предоставляют и культурологическую информацию, что может вызвать больший интерес к русскому языку и его культуре.

Таким образом, использование учебных ресурсов сети Интернет делает уроки интересными, познавательными, а также повышает эффективность обучения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Время говорить по-русски! [Электронный ресурс]. – URL: <https://timetospeakrussian.com> (дата обращения 17.08.2022).
2. Портал «Образование на русском» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pushkininstitute.ru> (дата обращения 17.07.2022).
3. Русский онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian-online.com> (дата обращения 26.06.2022).
4. Юна [Электронный ресурс]. – URL: <https://youna.ru> (дата обращения 17.08.2022).
5. Learn Russian [Электронный ресурс]. – URL: <http://learnrussian.rt.com> (дата обращения 26.06.2022).

6. Learningapps.org [Электронный ресурс]. – URL: <https://learningapps.org> (дата обращения 26.06.2022).
7. Master Russian [Электронный ресурс]. – URL: <http://masterrussian.com> (дата обращения 03.07.2022).
8. Russian For Everyone [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russianforeveryone.com> (дата обращения 26.06.2022).

Статья посвящена вопросу использования образовательных веб-ресурсов в современной практике преподавания русского языка как иностранного. В настоящее время в сети Интернет создается огромное количество обучающих ресурсов по РКИ, однако формат их интеграции в учебный процесс не установлен до сих пор. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью определить эффективность образовательных веб-ресурсов по РКИ.

Ключевые слова: Интернет, образовательный веб-ресурс, информационно-образовательное пространство, русский как иностранный, учебная деятельность.

USING EDUCATIONAL WEB RESOURCES IN THE LESSON ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

K. P. Firsova

The article is devoted to the using of educational web resources in the modern practice of teaching Russian as a foreign language. Currently, a huge number of educational resources in Russian as a foreign language are being created on the Internet, but the format of their integration into the educational process has not yet been established. The relevance of this research is due to the need to determine the effectiveness of educational web resources in Russian as a foreign language.

Keywords: Internet, educational web resource, information and educational space, Russian as a foreign language, educational activities.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА	3
Гибайдуллина Ф. А. Повторы как средство создания субъективно-модальных значений в текстах древнерусской литературы.....	3
Калинин К. А., Улеева А. А. Цепь риторических вопросов как приём организации древнерусских текстов ораторского красноречия Серапиона Владимирского (XIII век).....	11
Корчагина А. Ю. Функциональные особенности средств выражения модальности в повествовательных текстах XV–XVI веков (на примере «Повести о битве на реке Воже» и «Повести о создании и пленении Трои»).....	16
ЯЗЫКОВАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОНОМАСТИКА	22
Алексеевкова У. Р. К вопросу о структурно-грамматической классификации микротопонимов города Горловки.....	22
Бражник Л. М. Имя собственное как культурно-символическая константа в литературной публицистике.....	28
Полыгалова С. А., Курьянович А. В. Эргонимы как составляющая вербального пространства регионального города.....	35
УПОТРЕБЛЕНИЕ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	42
Загердинов Р. Н. Семантика и функционирование несобственно-прямой речи в романе Д. Л. Быкова «Июнь».....	42
Павлова Е. Д. Сегментированные конструкции как средство выражения авторских интенций в прозе Д. Л. Быкова.....	49
Петрова В. Э. Особенности семантики эмоциональных междометий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	58
РУССКИЙ ЯЗЫК В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ	66
Афанасьева А. А., Закиров Р. А. Особенности выражения процессуальности и результативности видовыми парами русского глагола.....	66
Глухова О. П. Служебные или самостоятельные: частеречный статус некоторых слов русского языка.....	75

Сагирова Э. М. Изучение функциональных стилей речи на уроках русского языка.....	82
Семёнова Т. В. Понятие и сущность инвективы.....	86
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	97
Галнуллин Р. Р., Ихсанова К. А. Символическое значение змеи в культурах Древнего Египта и Древней Руси.....	97
Нигматуллина А. М. Лингвистические взгляды А. С. Пушкина.....	102
Сиверская Т. М. О ритмике прозы Н. Лескова.....	109
Сонькин В. А. «Записки об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской: к проблеме жанра.....	121
Фирсова К. П. Использование образовательных веб-ресурсов на уроке по русскому языку как иностранному.....	127

Научное издание

СЛОВО В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

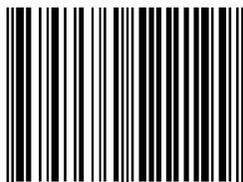
VI Абрамовские научные чтения

ВЫПУСК 4

Под общей редакцией К. А. Калинина

Художественное оформление Н. В. Калининой

ISBN 978-5-98452-219-9



9 785984 522199